

Андрей Фролов
Пасынки безмолвия

ПАСЫНКИ БЕЗМОЛВИЯ

Андрей ФРОЛОВ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Аннотация

Сибирь, 2261 год. Человечество эволюционировало, в корне изменив способы коммуникаций, добившись настоящего прорыва в технологиях и уничтожив большую часть обитаемого мира. Но изменился ли человек?

Пашка Сорока – молодой торговец оружием и припасами – рискованно играет с судьбой и вытягивает несчастливый билет. Яна Погремушка – опытный егерь из Циферблата – остервенело зарывается под землю, чтобы выкрасть очередной секрет Девяти Куполов. Лишенные дара речи корпатрицианты презрительно именуют обитателей Циферблата пустышечниками и выходят на ритуальную охоту, облачившись в бронированные скафандры.

Их всех ждет Заповедник и стеклянная башня «Голиаф», где пересекаются все пути. Именно на ее вершине станет ясно, может ли слово ранить, кто в этом мире остался зверем, а кто превратился в человека...

Андрей Фролов Пасынки безмолвия

© Фролов А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

1

И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их.

И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему,

И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

Ветхий Завет

«Вид Homo Sapiens – вовсе не вершина эволюции, и человек будущего будет резко отличаться от современного, и структуры мозга будут изменены по существу».

В. Вернадский

Всякая сорока от своего языка гинет.

Русская народная пословица

Программа феи подошла к концу, с гладким шелестом опустился виртуальный занавес.

В сознании Петроса тут же запестрили фамилии сценаристов, спонсоров и номенклатуры министерств, под контролем которых разрабатывалась иллюзия. Одновременно мозг получил сигнал к пробуждению, с привычной нежностью возвращая мужчину в реальность.

Не спеша покидать теплую постель, Петрос потянулся. Впитал последние крупинки сладкой тяжести. Открыл глаза, с прищуром улыбнулся ослепительному рассвету за окном. Снял с головы невесомый обруч «Волшебника».

Кристиния уже выбиралась из-под персонального одеяла, потирая лицо и заразительно зевая. С правдоподобным шуршанием разошлись электронные шторы панорамного окна, позволяя взгляду светила полновластно ворваться в спальню.

Мужчина перевернулся на бок. Успел поймать супругу за ладонь до того, как Кристиния исчезла в ванной комнате. Сжал пальцы, получив сонное пожатие в ответ.

«Удовлетворительное утро», – игриво протранслировал Петрос.

«Новый день», – вернулось в ответ.

Реакция была слабой, мимолетной, что выдавало уязвимое расположение духа. Вероятно, сегодня Кристиния выбрала не самую подходящую фею...

Супруга выскользнула из его руки. Скрылась за дверью ванной, тут же зашумела вода. Вернувшись на свою половину ложа, Петрос опустил ноги на гладкий теплый пол. Еще несколько секунд сидел на кровати, глядя в окно. За ним, разбиваясь на миллиарды звезд о зеркальные стены небоскребов, ликовало летнее солнце. В его лучах толстая изнанка Пятого Купола сверкала, словно новенькая новогодняя игрушка.

Петрос встал, стягивая пижаму. Провел рукой вдоль управляющего квартирой планшета, включая музыку. Выставил ритмы настроения на максимальный уровень, открыл шкаф. Может быть, настроение супруге вернет мелодия?

Кристиния вышла из ванной, когда Петрос заканчивал утреннюю гимнастику. На ее лице действительно светилась улыбка, и теперь пожатие женщины было уверенным, наполненным теплотой.

«Испытываю душевное равновесие и покой», – передала она, проведя пальцами по его небритой щеке.

«Испытываю удовлетворение, находясь рядом с тобой», – послал он в ответ, отправившись умываться.

Открыл воду, намазал скулы эпилирующим раствором, включил радио.

Снизу вверх из-под смесителя к шее протянулась радужная дуга. Поток оказался неразборчивым, и мужчина скосил глаза. Заметив, что лучи уперлись в слой пены, сместил гибкий шнур радиостанции левее и выше, нацелив объектив себе в висок. Цвет тут же преобразовался в информацию, и Петрос закончил бритье, прослушав утренний выпуск новостей.

«Новый этап вторичного награждения победителей начнется после обеда, – сообщала дикторша, параллельно передавая котировки акций и прогноз погоды. – На этот раз обладателем путевки и главой жюри стал заместитель директора по инвестированию компании «Конструкции «СибСтрой» Артемидий Селиванов».

Петрос задумчиво поджал губу.

Он не был ярым сторонником охоты на пустышечников. Но и противником тоже не был. Пусть те выглядели как настоящие люди, таковыми все равно не являлись. Собака и волк когда-то тоже принадлежали к одному биологическому семейству... Но одно дело уничтожать дикие стаи скуднодухих, угрожающие благополучию Новосибирска, и совсем другое – устраивать сафари в поисках удовлетворения, напиваясь чем-то темным и кроважидным.

Из спальни раздалась трель телефона.

Кристиния, не успевшая уйти на кухню готовить завтрак, ответила на вызов. Скребок счищая со щек пену, перемешанную со щетиной, Петрос представил супругу – босую, в легкой розовой пижаме, держащую хрупкие ладони над световыми планшетами телефона. Кто может сигналить так рано?

«Фамилии еще четверых членов жюри, отправляющихся в социально ответственное, закаляющее характер путешествие, пока не разглашаются, – продолжала дикторша. – Предполагается, что ими станут члены семьи Селиванова или близкие деловые партнеры. Розыгрыш путевок на следующий лунный цикл запланирован на ближайший вторник, у желающих еще есть время подать заявку. О новостях культуры: вчера вечером в Театре оперы и балета с аншлагом состоялась премьера гала-представления «Я бы не смог продолжать физического существования, если бы ты не находилась в пределах досягаемости». Труппу режиссера Протанина, готовившую представление несколько лунных циклов, трижды вызывали на бис, чтобы аплодисментами и персонифицированными сигналами выразить свое одобрение отточенному симбиозу танца и светового шоу...»

Дальше Петрос уже не слушал, выключив радио и воду.

В ванную заглянула Кристиния, жестами дав понять, что вызов ждет именно его. Вытершись, Петрос погасил свет, возвращаясь в спальню.

Видеодисплей аппарата занимало улыбающееся лицо Евгения, его давнего рабочего напарника. Наверняка будет просить заступничества перед начальством, другие причины выбивались из рамок ожидания. Положив левую ладонь на принимающий планшет, искрящийся сотнями оттенков, правую Петрос опустил на передатчик.

«Рад, что вижу тебя, – поздоровался коллега. – Мои предположения подсказывают, что вы уже бодрствуете и вызов не заставил семью прервать своих фей».

«Корректно, Евгений. – Петрос передал аппарату цветовую шифровку транслируемых эмоций. – Есть причина для разговора?»

«Миния разболелась ночью, – поступил ответ, полный недовольства и сожаления. – Попроси за меня бригадира не вводить штрафные санкции до обеда. Все доказательства посещения больницы я предоставляю сразу по прибытии».

«Невозможность персонального сообщения? – Петрос добавил недопонимания. Но тут же вспомнил, что нынешней сменой управляет Лисницкий. – Отсутствие обязательств при ответе на предыдущий вопрос. Все сделаю».

«Испытываю благодарность», – попрощался Евгений и прервал соединение.

Лисницкий и Евгений не очень симпатизировали друг другу. Даже в релаксационном клубе, который бригада полным коллективом в обязательном порядке посещала раз в цикл, они не могли установить полного контакта. А это не лучшим образом сказывалось на взаимоотношении начальника и подчиненного.

Петрос понимал товарища: ему будет значительно проще лично убедить бригадира не включать систему штрафов, пока Евгений не предоставит доказательства необходимости отлучки. Отстаивать незаконность наказания в суде – нелегкое дело...

Открыв шкаф, мужчина степенно принялся одеваться и через несколько минут направился в кухню. Юная Аврора, недавно отметившая свой 98-й цикл, улыбнулась отцу, помахав рукой. Она уже сидела за уютным семейным столом, с нетерпением посматривая на горячую кашу. Кристиния возилась у кухонного комбайна, программируя варку чая.

«Вспоминаю радость, когда вижу тебя». – Дочь ухватила руку отца, протранслировав быстро и неразборчиво.

«Неверно. – Он наклонился, целуя девочку в лоб. – Верно: испытываю радость. Я испытываю доброту».

«Ты лучший представитель системы воспитания детей».

Усевшись напротив, он положил левую руку на личную телевизионную панель, вмонтированную в край стола. Выбрал ленту новостей, принявшись впитывать образы, пока общался с дочерью. По коже прокатилось знакомое жжение, покалывание, а затем он разобрал печатные строки, плывущие перед внутренним взором.

«Таким образом, представители корпорации «Агромех» утверждают, что урожай станет соответствовать растущим запросам города, а уже к десятому лунному циклу хранилища Девяти Куполов будут заполнены зерном на 95 %», – походя успел впитать Петрос, поворачиваясь к Авроре.

В правой руке он все еще сжимал ее крохотные пальчики.

«Что будут преподавать в школе?» – Глава семейства сопроводил вопрос легким пожатием, передавшим заботу и необходимую строгость.

«Историю XX века. – В потоке, пришедшем от девочки, Петрос разобрал скуку. – Будем знакомиться с первооткрывателями кожно-оптического восприятия».

«Ошибочная реакция, – мягко укорил он. – Если бы не первые эксперименты, человеческая эволюция никогда не получила бы такого мощного импульса. Подрастающие поколения должны знать, как все начиналось».

От общения отвлекла Кристиния, жестами предложив выбрать между омлетом или кашей. Петрос предпочел омлет, и супруга тут же ввела программу в кухонный компьютер.

Комбайн считал информацию, просканировал татуировку на изящной женской шее. Отминусовав от семейного счета нужное количество рублей, подал заказ на продовольственный склад. Через несколько секунд заявка получила одобрение, и ящик пневмопочты издал короткую трель. Вынув из посылки упаковку искусственных яиц, Кристиния принялась жарить омлет и тосты.

«В какой час у тебя начинается работа?» – Петрос вернулся к общению с дочерью.

«После окончания занятий. – На этот раз пришедший от ребенка сигнал был полон воодушевления: по всему выходило, что Авроре очень нравилось новое место приложения сил. – Нам в бригаду добавили еще двоих, по восемьдесят циклов, они справляются удовлетворительно. Сегодня мы снова будем устраивать атаку на сеть корпорации «Фундамент». Мы заняты поиском ошибок и дыр, а потом специальные специалисты эти ошибки исправляют».

«Ты умная», – с теплотой передал Петрос, выпуская руку дочери.

С тех пор, как девочка тоже начала зарабатывать, их семейный счет окреп и перестал испытывать дефицит. Они даже стали позволять себе редкие походы в один из ресторанов Первого Купола.

Кристиния поставила перед супругом тарелку с завтраком и чашку чая. Себе взяла единственный тост, покрытый джемом. Уселась посредине, и все трое соединили подушечки пальцев.

«Благодарность Единому Божеству за еду и полное света существование», – вразнобой, но искренне поделились члены семьи друг с другом, после чего принялись за еду.

В полной тишине позвякивала посуда, и только скрипели по матовому стеклу планшета пальцы Петроса, листавшего новостные ленты. В Восьмом Куполе опять пропали люди. На этот раз молодая пара, вступившая в брачный союз на прошлой неделе. Не вышли на работу, не отвечали на звонки, их штрихи уже несколько дней не фиксировались ни одним устройством в городе. Тела еще не нашли, и официальную версию полиция выдвигать не спешила. Но журналисты склонялись к мнению, что не обошлось без пустышечников...

Коммутатор, связанный с подземными стоянками и магистралями, выставил на экране расчетное время прибытия школьного автобуса, и Аврора торопливо дожевала кашу. Запила сокосодержащим напитком, побежала в персональную комнату за портфелем. Кристиния проводила ее до порога квартиры, поцеловав на прощание и протранслировав что-то доброе. Проследила, чтобы дочь благополучно погрузилась в лифт.

Слушая, как супруга прикрывает дверь, Петрос вспомнил, что запечатывал взглянуть на школьный дневник. Придется сделать это вечером или в обеденный перерыв по сети, если представится минутка.

Прощавшись с Кристинией, он тоже покинул квартиру.

Через несколько минут начинался его вспомогательный рабочий день, и Петросу очень не хотелось начинать его на ходу. Спустившись в транспортные отсеки жилого небоскреба, он попал на многополосные подземные магистрали, пронзающие город во всех направлениях.

Кругом находились спешащие люди – такие же честные винтики, как он сам.

Старательно обходя друг друга, новосибирцы многочисленной, но разреженной массой

текли на остановки общественного транспорта, приветливо и безинформативно улыбаясь друг другу. Улыбался и Петрос.

Первый автобус был переполнен, последние сидячие места заняли прямо перед Петросом. Но уже через двадцать секунд подоспел следующий автоматизированный перевозчик, и мужчина зашел в салон, устраиваясь у окна. Сканер над дверью считал штрих на шее, списав со счета деньги за проезд.

Мимо со свистом и шумом мельтешили скоростные трассы.

Умные автоматизированные транспорты развозили граждан по офисам и предприятиям. Между ними, как разноцветные конфеты в стеклянной вазе, ловко перекачивались машины технического обслуживания, медицинские фургоны и частные обтекаемые болиды бизнесменов или сенаторов.

Транспортное подземелье напоминало огромную трубу пневмопочты, по которой в разные стороны летели забитые людьми капсулы. Автоматическая система контроля безупречно справлялась со своей работой, не допуская ни единой задержки или, не позволив Божеству, аварии.

Положив портфель на колени, Петрос открыл клапан. Включил экран переносного компьютера, выдвинул планшеты, превращая обычное автобусное сиденье в полноценное рабочее место. Тридцать минут пути до стройки он привычно посвятит общению с теми, кто в этом нуждается. Платили за подработку немного, но в век спрессованных информационных валов и растущей динамики человеческого существования бездельничество считалось недопустимой роскошью...

Закрепив на голове обруч «Помощника», Петрос включился в общий канал.

Руки покоились на выдвижных стеклянных пластинах, одна из которых принимала информацию, а вторая позволяла отвечать. Почти сразу на левой загорелась радуга, подсветив ладонь снизу.

«Хороший день. – Он получил вызов, рассматривая женское лицо на экране. – Называйте меня Петрос».

Судя по данным, женщину звали Фотинией. Ей было полных 444 лунных цикла, и она работала в городском океанариуме, где содержались последние формы рыб и другой морской фауны. Оператор по диагонали просмотрел личное дело клиента. Прописана в Шестом Куполе, разведена, двое взрослых отпрысков живут отдельно.

«Испытываю радость, что смогла связаться с вашей организацией. – Левой ладонью консультант получил встречный поток, слабый и блеклый, как рассвет одиннадцатого лунного цикла. Никакой радости в волне Петрос не находил, как бы ни пытался. – Испытываю надежду, что сможете мне помочь».

«Готов попробовать. – Его правая рука непрерывно двигалась, подбирая цветовые решения транслируемых эмоций. – Опишите сложившуюся ситуацию».

«Испытываю усталость. – Он с трудом разбирал, что именно Фотиния пыталась до него донести. Впрочем, о многом говорило и лицо: изможденное, как после бесфейной ночи, с кругами вокруг глаз и глубокими морщинками в уголках губ. – Не в состоянии разобраться. Меня переполняют необъяснимые ощущения. Испытываю угнетение».

Краем глаза Петрос изучил световые табло снаружи – автобус выскользнул из-под спального Пятого Купола, сейчас перемещаясь по герметичному внешнему тоннелю, соединявшему городские районы.

«Ощущаю, что сегодняшней день что-то для вас значит, Фотиния. – Он все еще пытался расшифровать ее поток. – Я верно предполагаю?»

«36 циклов назад в этот день к Божеству отправился мой супруг. Не уверена, что это имеет какое-то отношение к моим тревогам». – Поток стал еще тоньше и беднее на оттенки.

«Вы принимали алкоголь?»

Вопрос ударил в точку. Клиентка даже отшатнулась от камеры, установленной на домашнем телефоне. Петрос закрепил предположение искренним обещанием поддержки, посланным вдогонку.

«Я не нарушала установленных законом сроков потребления. И норм. – Теперь в поток добавился стыд, единственная яркая эмоция. – У меня есть запас объема, не израсходованный на прошлые именины сына».

«Все правильно, – поддержал ее Петрос, убедившись, что время дороги позволяет продолжать консультацию. – Но вы должны не хуже меня знать, какое угнетающее воздействие алкоголь оказывает на нервную систему. Заметил, собираете предметы старины?»

Теперь, когда Фотиния отодвинулась, он рассмотрел настоящий музейный экспонат, лежащий рядом на столе.

«Ошибочно. – Ее поток дрогнул, но заискрился чем-то новым, светло-желтым. – Эту вещь подарил мне супруг. На 120-й юбилей союза. Вчера испытала непреодолимое желание ее полистать».

«Часто получаете информацию из старых книг?» – Любопытство было непрошеным, но Петрос действительно не понимал людей, способных иметь дело с неудобными пережитками прошлого.

«Нет. Знаю, что вы обязаны доложить начальству о факте. Но моя книга официально зарегистрирована, можете считать код». – На несколько мгновений оторвав правую ладонь от планшета, она подняла дряхлый экземпляр перед камерой, позволив зафиксировать штрих.

«Испытываю неловкость за проявленный непрофессионализм и излишнее любопытство», – послал он Фотинии, когда женщина отложила экспонат.

«Это ваша работа. Испытываю удовлетворение от общения с вами».

«Готовы воспринять рекомендации?»

Таймер в углу экрана сообщал, что совсем скоро автобус доставит его к рабочей площадке в Девятом Куполе. Информация, транслируемая женщиной, передавалась практически мгновенно, так же, как его ответные реакции. А вот паузы между ответами... Они занимали по несколько минут.

«Корректно».

«Незамедлительно примите препараты, выводящие из организма алкалоиды. Сообщите в офис, что сегодня не выйдете на рабочее место; это сократит сумму штрафа вдвое. Примите препараты, усиливающие действие феи, запросите новую программу в центре социальной поддержки».

Петрос транслировал убедительно и искренне. Из всех сил стараясь не пустить в поток воспоминание, что уже не раз и даже не два говорил подобные слова незнакомым людям.

«Отправил в базу вашего домашнего компьютера список фей, которым стоит отдать предпочтение в сложившейся ситуации. Их хронометраж составляет всего пять часов, так что уже к вечеру вы избавитесь от гнета. После просмотра выбранной феи включите энергичную музыку, выставьте ритмы настроения на максимальный уровень. Поговорите с детьми, пригласите их на вечернюю трапезу. Если позволяют финансы, купите трансляцию кинофильма или концерта. Высока вероятность, что уже утром вы сможете забыть о существовавшей проблеме и отправитесь на работу».

«Испытываю признательность за оказанную помощь».

Кажется, советы подействовали и убедили женщину, что нужно делать.

«Испытываю удовлетворение, что сумел оказать помощь, Фотиния. Оплата за консультацию списана с вашего личного счета».

Он прервал связь и протранслировал коллегам, что уходит с общего канала – автобус окончательно вынырнул на поверхность, приближаясь к месту его основной работы. Свернув планшеты, Петрос закрыл портфель и направился к выходу.

Вместе с ним на остановке сошли сразу десять человек – все они спешно двинулись к воротам строительной площадки, над которыми возвышалось гигантское голографическое табло: «Новый жилой комплекс «Великолепие» на 2 000 апартаментов, срок сдачи: IV-й квартал 2262 периода солнечного обращения. Заказчик и подрядчик строительства:

корпорация «Конструкции «СибСтрой».

Сканеры на входе прочитали штрих Петроса. Компьютер выдал рабочую карту нового дня. Турникеты распахнулись, пропуская на площадку, и мужчина окунулся в гул стройки, не замиравшей ни на секунду.

Массивная конструкция из железа и газобетона уже обрела очертания изящного небоскреба, поднимающегося под свод стеклянного купола, накрывавшего Девятый городской район. Было пыльно, не справлялись даже специальные промышленные кондиционеры, очищавшие воздух объекта.

По площадкам и широким эстакадам важно перемещались многоногие экскаваторы, грузовики и бетономешалки. Вдоль похожих на скелет боков «Великолепия» скользили монтажные люльки и рабочие лифты. На крыше недостроенного гиганта развевались флаги корпорации.

Сразу за проходной Петрос свернул направо.

Зашагал к модульному офису «ЭБ-2», потерявшему в нагромождении других отделов. Когда стройка будет завершена, блоки офисной временки аккуратно разберут, переправив на новое место. Поднявшись по двум лестницам к крыльцу своего блока, Петрос первым делом заглянул в кабинет бригадира.

Сегодняшнюю смену действительно возглавлял Лисницкий, уже приступивший к работе.

Поприветствовав начальника кивком, Петрос протянул руку, терпеливо дожидаясь, когда Лисницкий захочет обменяться информацией. Тот какое-то время демонстративно не замечал приглашения, но затем встал из-за стола, пожимая протянутую ладонь.

Петрос не пытался вкладывать в поток лишнего, чтобы ненароком не навредить напарнику. Передал историю о больной дочери Евгения, попросил не накладывать штрафов до обеда. Лисницкий впитывал поток без встречной реакции, но брови на переносице все же сошлись. Наконец бригадир вздохнул, протранслировав единственное:

«Удовлетворительно».

После чего вернулся к работе, больше не замечая присутствия Петроса.

Тот, незаметно вытерев руку о штанину, мягко выскользнул из кабинета. Вошел в личную кабину, сел за пульт. Идентифицировался, получил доступ согласно квалификации, ознакомился с планом работы на день.

Предстояло продолжить освоение восемнадцатого транспортного тоннеля, задействовав сразу пять машин: экскаватор, малый проходческий бур, грузовик для вывоза полезного шлака, бетонную пушку и трубоукладчик. Второстепенной задачей являлось обнаружение станции метрополитена «Мочище», существование которой с упорством буйных пытались доказать умники из исторического отдела.

Переключаясь между автоматизированными агрегатами, Петрос поочередно вывел ярко-желтую технику из бокса. Сформировал караван и, включив спецсигналы, направил колонну к тоннелю.

Не оборачиваясь, протянул свободную руку вправо, включил проигрыватель. Тесный кабинет заполнили приятные переливы, ненавязчивые и спокойные – в самую точку для сосредоточенной работы с серьезной тяжелой техникой. Включать смысловые баллады, наполненные сюжетом и мыслекомментариями исполнителя, операторам настрого запрещалось, чтобы не распылять внимание.

Музыка заставила Петроса задыхаться чуть чаще. Это отметили офисные приборы наблюдения, и он машинально отрегулировал пульс. Не стоило сжигать свои силы и разбалансировать настраивание прямо с утра.

Проверяя системы управления бродячим экскаватором, он невольно вспомнил старинную потертую вещь возле телефона Фотинии. Как ноутбук, только внутри не клавиши или планшет, а ломкие страницы. Громоздко, неудобно. Нелепо, в конце концов. А еще можно порезать кожу на пальце. Что заставляет людей пользоваться антиквариатом в быту? Читать книги, слушать запрещенные смысловые баллады, в которых повествование озвучено

отжившей свое речью? Или, упаси Божество, смотреть звуковые фильмы?

Петрос вздохнул.

Позволил музыке охватить себя всецело, наполнить голову и вытеснить лишнее. И приступил к ответственной работе. Это раньше музыкальные композиции слушали, чтобы вызвать в сознании вал воспоминаний, с которыми мелодия ассоциировалась. Сегодня, в век развития и просвещения, все иначе. Эволюцию совершило не только человечество, но и искусство. Так же, как феи, музыка подбиралась индивидуально и согласно поставленной задаче – отдохнуть, получить заряд возбуждения, сосредоточиться...

Караван начал спускаться в подземную часть стройки.

Координируя действия с транспортной картой, Петрос пропустил несколько бульдозеров, выбиравшихся на поверхность, активировал системы освещения. Камеры, установленные на технике, фиксировали каждую деталь заovalенных стен тоннеля, укрепленных пеноцементом.

Остановив цепочку машин у поворота в нужный коридор, Петрос переключился на управление буром, двинув вперед его могучий корпус. Где-то впереди, согласно схемам, залегали подземные коммуникации Старого Города, которые при строительстве новой транспортной системы предстояло аккуратно миновать. Сверившись с предоставленными координатами и данными глубинного зондирования, он начал бурение, работая осторожно, но быстро.

2

«Какими категориями определяется «человечность» сознания? Его способность создавать конструктивное сверхсоциальное общество? Что позволяет доминировать одному виду над иными в многообразии их, выделяться интеллектом или умением приспосабливаться, самосовершенствоваться и устанавливать поведенческие нормы? Ведь современная биология знает массу примеров проявления недюжинных способностей без всякой попытки превалировать над собратьями по экосистеме... Так, например, проживавшие огромными, до десяти миллионов особей, колониями пингвины имеют весьма развитый язык общения, базирующийся на взмахе крыльями, утробных звуках и качании головами. Эти уникальные вымирающие птицы даже умеют выставять дозорных, которые, отслужив смену, совершенно по-человечески будят своих собратьев, призывая заступить на службу».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

– Бодрячка заварил?

– Чего?..

Дремота никак не хотела отпускать, делая речь бессвязной.

– Бодрячка, спрашиваю, заварил уже?

– Вставай, балбес, опять на работу опоздаешь... – В руку ткнулась теплая железная кружка, благоухающая ароматами свежесваренной соломы.

Неугомонный Ливень мотался по общей комнате, одеваясь и жуя. Казалось, время на сон он не тратит принципиально.

– Убегаю, сегодня моя смена. Не забыл, надеюсь? После обеда придет Тугой, заплатишь ему за квартиру, деньги в тайнике. Да, кстати, это уже второй месяц, как я за

двоих башляю, в курсе? Ты мне уже на триста целковых торчишь.

– Да помню, помню... – Сорока поскреб редкую бородашку. Нагнулся, свободной рукой нашаривая под койкой носки. – На днях Сливоносый зэпэ выдаст, рассчитаюсь...

Он глотнул горького, но мигом прочищающего сознание напитка. Скривился, заставив себя допить до дна. Со стуком поставил пустую кружку на фанерную прикроватную тумбу, чуть не уронив сломанный вентилятор.

Побрел в сортир. Отлив в специальный бак, прополоскал зубы защитной жидкостью.

– Надо помои вынести, уже через край льет... – Парень вернулся в комнату, все еще пошатываясь. – И за водой сходить, на дне едва осталось.

– На выходных сходим, ага...

Сон был тяжким, сумбурным. Такие еще долго не отпускают, после себя оставляя лишь зловонный провал или обрывки неприятных образов.

В квартиру, которую они снимали на пару с Ливнем, медленно вплывала утренняя жара. Солнце, окончательно проснувшееся и осмелевшее, пыталось пробраться внутрь, выискивая бреши в дырявых шторах. Солнце, которого всегда мало, даже когда загорелая кожа начинает шелушиться и чесаться.

– Пожрать есть чего?

Сорока наконец нащупал под кроватью носки. Надел мешковатые оливковые штаны, сунул ноги в разношенные ботинки с высоким голенищем.

– Пара сосисок на сковородке, хавай. – Ливень натянул кепку, принялся собирать сумку: бросил внутрь пару перчаток из тефлоновой ткани, скомкал фартук, стеганный такой же армированной нитью. – Сегодня обещали паяк, так что ужин с меня, не заморачивайся.

– Добро... – Почесывая голое пузо, Сорока прошлепал на кухню, вдыхая запах сосисок, не имеющих ничего общего с мясом. – Я тогда самогонки раздобуду.

– Есть повод?

– А он нужен?

Ливень рассмеялся, залиvisto и заразительно.

Иногда Сорока искренне благодарил судьбу за друга, с которым жизнь свела восемь лет назад. Бывали в их непростой житухе моменты, когда удержаться на плаву обоим позволяли только его оптимизм или верткость...

Подобрав со спинки стула мятую майку, парень набросил ее на голову, на ощупь пытаясь включить радио. Чуть не своротил приемник с холодильной камеры, ругнулся. Ругнулся снова, сонно вернулся в комнату, забрал кружку. Налил еще бодрячка, глотнул.

– А для тех, кто только что присоединился, – ловко подловил его ведущий сквозь легкую трескотню помех, – напоминаем, что температура сегодня составит примерно двадцать семь градусов выше нуля, осадков не предвидится. Во всяком случае, из окна нашей радиостанции я вижу кристально-чистое небо. Возрадуемся же, дети мои.

Сорока сел за кухонный стол. Вывалил еще теплые колбаски в пластиковую тарелку, из которой чуть раньше ел Ливень. Тот все еще возился в коридоре, шнуруя ботинки.

Компаньон работал сортировщиком на свалке – одном из самых крупных и прибыльных предприятий Циферблата. Туда стекались потоки мусора из Пробирок, содержащие все необходимое для поддержания жизнедеятельности их умирающего города.

– Настало время объявить очередного победителя Лотереи! – продолжал упиваться солнечным летним утром ведущий радиопередачи. – Буквально через несколько секунд я назову фамилию счастливчика, а вы, уважаемые радиослушатели, пока трепещите в ожидании. Трепещите, я говорю!

– Что за пальба ночью была, не сообщали?

Охваченный тоскливым ожиданием, но старавшийся этого не показать, Сорока сунул в рот первую сосиску. Закусил пресной галетой.

– Нет. – Ливень закинул сумку за спину. – Бандосы, стопудово, никто даже желтопузых не вызвал. Ты слушай, слушай. – Выглянув из коридора в кухню, он многозначительно кивнул на радиоприемник. – Вдруг сегодня вечером будем в «Загуле» пировать, вспоминая о

прошлом как о страшном сне?

Мусорщик хохотнул, а Сорока показал ему неприличный жест.

Он уже давно разочаровался в Лотерею и временами даже жалел, что вообще подал заявку. В конце концов, это было небезопасно. Хотя что вообще безопасно в современном мире?

И все равно, пусть и в безверии, когда по радио объявляли фамилии, сердце замирало...

– Итак... Вскрываю конверт... – Ведущий выдержал драматическую паузу, а барабанная дробь усилила эффект. – Один миллион июньских рублей выигрывает Лариса Бажанова из Восьмичасового Сектора! Поздравляем счастливую обладательницу этой огромной суммы и желаем ей с умом распорядиться богатством. Если в данный момент Лариса не слушает нашу станцию, найдите ее и сообщите эту радостную новость! Как можно скорее найдите, вы слышите меня?! Вот так сюрприз, право слово...

– Ну, значит, пока не судьба, – криво усмехнулся Ливень. – Но ты не грусти, старина. Лотерея – дело пожизненное, а тебе только двадцать три. Успеешь свою удачу словить, я верю...

– Ага, или пулю, – оскалился в ответ Сорока, запивая огорчение остывшим бодрячком.

На душе стало поганенько. Причем не только от того, что вместо фамилии Сорокин ведущий назвал какую-то Бажанову, но и от ожидания второй части розыгрыша...

– Да ну тебя! – отмахнулся компаньон. – На Циферблате живет почти шесть миллионов человек. И уж точно половина из них подала заявки на Лотерею. Сам смекни, какова вероятность, что «морковка» выпадет именно тебе?

– Откуда мне знать? – Сорока дожевывал сосиску, похрустел безвкусной галетой. – Я ж не математик...

– Чтобы не разрушать интригу, получателя неотвратимого «оранжевого билета» мы узнаем не сейчас, – заливался ведущий. – Допустим... в час дня. В это время я с нетерпением жду своих любимых радиослушателей у их приемников. Именно в час пополудни мы убедимся, что в мире и природе существует баланс, в нашем городе построенный на фундаменте равноправия и свободы воли...

Сорока торопливо дотянулся до приемника, выключил.

Настроение, и без того не самое радужное, испортилось еще сильнее. Ливень, помахав на прощание, выскочил вон. Щелкнули замки.

Окончательно потеряв аппетит, Сорока сунул остатки завтрака в холодильник. С недовольством отметил низкий уровень заряда аккумуляторов, взяв на заметку предстоящую чистку солнечных накопителей на крыше. Допил бодрячок, наконец-то почувствовав себя проснувшимся. Заправил майку в штаны, застегнул ремень. Подобрал с тумбочки нож, возвратил его в поясные ножны, снял с полки кепку и очки. Ливень прав – сегодня у него были все шансы снова опоздать на работу...

В подъезде воняло так, словно кто-то не просто нагадил, но после этого еще и сдох.

Брезгливо морщась, Сорока старательно запер дверь. В подъезде дома, подконтрольного Тутому, уцелело двести квартир, но только треть из них была заселена, часто становясь добычей наглых домовщиков. Несмотря на то, что воровать из их с Ливнем убежища толком нечего, дверь приятели все равно предпочитали держать на замках.

Перешагнув через полосу пыли, Сорока прошелся по специальной доске, спрыгнул на лестничный пролет. Засовы – это хорошо, но и конспирацию никто не отменял: перед квартирой компаньонов лежал серый слой пыли и гора мусора, придававшие площадке нежилой и заброшенный вид.

Скатившись с одиннадцатого этажа во двор, он сразу угодил под беспощадное солнце.

Напялил очки, поглубже натянул кепку. На самодельной площадке играли детишки, с ближайшего продуктового рынка неслись голоса зазывал. Жужжали электропеды почтальонов и посыльных.

Солнышко старалось изо всех сил. Нежное и беспощадное, такое всепроникающее, что хоть по-девчачьи кутайся в его лучики и блаженно наслаждайся истомой. Но это для

бездельников. Тем, кто хотел жить лучше, не следовало поддаваться неге.

Широким шагом Сорока пересек двор, вышел на знакомую улицу.

Навстречу тут же устремились десятки торговцев, неспособных купить стационарное место. В лицо совали все подряд: батарейки, наркотики, бутылки с питьевой водой, солнцезащитные очки, кульки с тщедушной картошкой и прочий полезный хлам. Наохлившись, парень принялся пробивать себе путь, словно старинный корабль среди льдов.

Свернул на еще одну улицу, срезал по мрачным переулкам, пригодным для движения только в светлое время суток. Выскочил на базарную площадь, козырнул поджарым бойцам Тугого, наблюдавшим за суетой с вышки.

Уверенно нырнул в лабиринт железных контейнеров. Ему, в отличие от другана, с работой повезло чуть меньше – не так давно взяли торговать на один из рынков Двухчасового Сектора.

Поплутав по рядам, Сорока выскочил к своему месту на пятнадцать минут позже положенного. И конечно же, Сливоносый Вардан уже был тут, поджидал у открытого контейнера.

Определенно, не задался денек...

– Тэбя гиде, пилять, носит, ушлепок? – Тучный и носатый хозяин Сороки всплеснул руками.

– Извините, задержался... – пробубнил тот, ныряя за прилавок. – Больше не повторится.

– Ах ты ж, гиденыш такой! – Когда Сливоносый торопился озвучить переполнявшие его эмоции, хозяина было довольно трудно понять. Хотя его было трудно понять и в обычном расположении духа. – Ты, пилять, на пятнадцать минут опоздал! Нэ нравится работа, я, об таваю маму, нового найду хоть сэйчас!

– Нравится, шеф, очень нравится... – Поджав губы, Сорока заставил себя покорно залебезить в ответ. Взялся спешно раскладывать по витрине товары, сваленные в картонные ящики. – Прошу прощения...

На прилавок ровными рядами легли зарядные устройства, батареи высокой емкости, банки армейской тушенки, кобуры и пластины к бронежилетам, пакеты с махоркой и пистолеты.

– А это что? – Сорока чуть не запнулся о незнакомую коробку.

– Это, пилять, нужно на работа воврэмя приходиться! – не унимался хозяин. – Сам ташил – чуть спину нэ сорвал, пока ты шаставаешь гдэ-то... Ночью стрэляли, слышал? Значит, на патроны будэт спрос. И на бинты. Раскладывай, об таваю маму!

Сорока чуть не охнул.

Неизвестно, где Сливоносый доставал свой товар, но в этот раз он превзошел сам себя. Вещицы явно не со свалки. Новенькие, многие даже в заводской полиэтиленовой упаковке или промасленной бумаге – медицинские наборы, упаковки пистолетных магазинов, коробочки с патронами. Присвистнув, парень начал выкладывать товар на самое видное место.

– Значит, вот это по пидисять рублэй будэшь торговать, – тыча мясистым пальцем, распоряжался Вардан. – Вот это по дэсять. Это по сто. Эти – начинай с пятисот торговываться, понял?

Он прошелся по всему перечню завезенного товара, и Сорока послушно запомнил цифры. Послушно и виновато, как подобает опоздавшему холую...

Вообще-то работать на нерусь из крохотной общины считалось не очень хорошим тоном. Наверное, потому его и взяли так легко. Впрочем, продавец не рассчитывал задерживаться на новом месте надолго, хоть Сливоносому того знать и не полагалось.

Закончив с инструкциями, носатый купец побрел прочь, важно здороваясь с другими хозяевами контейнеров. Сорока, шумно выдохнув, упал на продавленный стул.

Перевел дух, растопил крохотную печку, на которой заваривал бодряк или лапшу.

Подвешенное в дверях контейнера радио радостно пикинуло – солнечная батарея набрала достаточную емкость. Включив музыкальную волну, парень настроился на обработку клиентов.

Их, надо заметить, оказалось немало.

То ли Сливоносый в самом деле угадал со спросом, то ли охочие на новенькие товары нашлись и без ночных происшествий, но уже к полудню Сорока продал два пистолета, четыре коробки с патронами и даже одну армейскую аптечку, выторговав за нее семьсот пятьдесят рублей. Семь сотен полагались боссу, остальное продавец ловко спрятал в секретный кармашек.

Учитывая, что на ужин Ливень обещал принести паек, а деньги за квартиру были отложены заблаговременно, вырученный бонус предстояло потратить на самогонку. Представив вечернее застолье, парень улыбнулся.

Жаркий летний день начинал играть новыми красками, обещая стать замечательным во всех отношениях...

3

«Для поддержания отношений в стае волки умеют использовать более полусотни мимических гримас и положений хвоста. Также немалую роль играет вой, с помощью которого осуществляется дистанционный контакт с сородичами или соперниками, а также выстраивается стратегия охоты. Однако при взаимодействии с человеком волк, в отличие от домашнего пса, гораздо охотнее и быстрее реагирует на движения рук и тела, нежели на вербальные похвалы или угрозы».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Предыдущая драка с Леонидасом напоминала эффектный затяжной фейерверк.

Одна за другой в сознании расцветали яркие вспышки, отдаваясь болью там, где защита Артемидия давала слабину, а кулак друга-корпатрицианта и делового партнера смачно входил под ребра. Тогда интенсивность боя была крайне высокой, противники почти не тратили времени на выстраивание оборонительных рубежей, предпочитая атаковать, атаковать и снова атаковать.

Новый спарринг не был похож на череду огненных шаров, рассыпающих искры по логосам участников. Он походил на схватку змеи и скорпиона, завораживая немногочисленных зрителей гипнотической плавностью бойцов и выверенностью каждого движения.

Крепкие, мускулистые хозяева жизни кружили по мягкому квадрату ристалища. Под белой хлопчатобумажной тканью комбинезонов перекачивались рельефные мышцы.

Леонидас не спешил лезть вперед.

Выжидал, время от времени награждая друга метким точным выпадом, почти всегда достигавшим цели. Артемидий уворачивался, гибко стелился над татами, отвечал хлестко, точно и прицельно, вкладываясь в каждый удар всем телом.

Под сводами просторного зала, раскрашенного глянцево-белым, песочным и небесно-голубым, метались короткие вздохи и звуки ударов. Под тонкими резиновыми подошвами поскрипывала плоть ринга. Почти бесшумно работали климатизаторы.

На третьей минуте бинтовая повязка на левом запястье Лео ослабла, обнажая кожу.

Когда через тридцать две секунды его рука соприкоснулась со щекой Селиванова, тот уловил эмоции соперника. Считал азарт, старательно взвешенный и рассортированный по всей длительности поединка. Жгучее желание взять реванш, но не подставиться под фатальный выпад. И немного зависти, причина которой Артемидию была отлично известна...

Георгина и Элина, наблюдавшие за схваткой корпатрициантов из дальнего угла, томно охали, когда один из кавалеров пропускал удар. Элина доедала третий гамбургер – жирный, сочащийся каплями томатного сока, хранящий в недрах хлебной мидии огромный бифштекс, прожаренный на настоящих древесных углях.

Георгина, беспрестанно тискавшая миниатюрную болонку, на бой смотрела украдкой. И то лишь когда была уверена, что ее милый Леонидас наконец-то достанет противника. Все остальное внимание девушка уделяла собачке – скудоумному продукту генетического моделирования, никогда не линявшему и купированному в инстинктах так, что не смел укусить, даже если бы хозяйка начала его заживо резать.

Полусупруги скучали.

Высокие, длинноногие, отретушированные пластическими хирургами так, чтобы вызывать зависть у представительниц своего пола и неумное желание – у мужчин. Одеты обе были по самой последней моде: в короткие юбки, разноцветные чулки и короткие бежевые тоги, небрежно повязанные поверх пышных полуоткрытых грудей.

Наблюдать за противостоянием умов и тактикой боя женщинам было не очень увлекательно. Вот если бы высокорожденные осыпали друг друга градом беззаботных оплеух, напрочь забыв о защите...

Тяжело вздохнув и благостно погладив себя по заметно округлившемуся животу, Элина взялась за четвертый гамбургер. Артемидий, к изысканной прихоти подруги относившийся с плохо скрываемым недовольством, переместился так, чтобы зрительницы остались за спиной.

Наконец слуга, замерший в противоположном углу зала, ударил в крошечный гонг.

Улыбнувшись, Селиванов тут же отскочил от противника, не дав тому завершить атаковую комбинацию. Он видел досаду на лице Леонидаса, и поэтому улыбался еще шире. Одолеть замдиректора по инвестициям одному из его подчиненных удавалось лишь раз из пяти...

Размотав бинты на запястьях, тот протянул начальнику обе руки. Запыхавшийся, раскрасневшийся, довольный и достаточно злой. Избавившись от ткани и ответив на традиционное пожатие, Артемидий уловил чуть насмешливое:

«Ожидаю ответа, на высшем ли уровне мастерства я нанес тебе серию ударов?»

Лео улыбался, но весьма натянуто, еще сильнее возжелав реванша на следующей неделе.

«Ты нуждаешься в дальнейшем обучении искусству рукопашного боя, взрослый мужчина, похожий в бою на ребенка», – протранслировал ему в ответ Артемидий, допуская в свои эмоции чуточку насмешливости и превосходства.

«Испытываю гордость и удовлетворение от регулярных занятий с тобой», – уже сдержаннее и без малейшей тени зависти вернул ему Леонидас Бродов, коротко поклонившись.

«Испытываю глубокую приязнь от состязаний с тобой», – столь же церемонно передал Артемидий.

По просторному помещению, в котором разместился спортивный зал корпорации «Конструкции «СибСтрой», прокатился разноцветный перелив. Это Георгина, отвлекшись от игры с собачкой, транслировала так, чтобы было заметно всем присутствующим. В одной руке ее по-прежнему висел мохнатый комок. Другую кисть девушка опустила на лентовидный передатчик, опутывавший спортзал по периметру.

«Утомительное ожидание. Испытываю удовлетворение от завершения занятия. – Цветовые волны не могли до конца передать ее эмоций, но общий смысл улавливался.

Миловидное кукольное личико, какие всегда нравились Лео и никогда не нравились его шефу, сложилось в капризную гримасу. – Насколько скоро вы приступите к главному?»

Отвечать на подобное нужды не было.

Мужчины неспешно прошли в раздевалку, где принялись стягивать тонкие спортивные комбинезоны, пропотевшие насквозь. Незримые тихие слуги вытянулись в струнку, держа наготове полотенца, гели и дезодоранты. Уже переступая порог, Артемидий заметил, что Элина с откровенным сожалением отложила недоеденный гамбургер на изящный кухонный столик, по такому поводу специально принесенный прислугой в спортблок.

Вздыхнув, его полусупруга вынула из дорогущего клатча неразлучные таблетки, стоившие корпатрицианту немалых денег. Проглотила одну, запив водой. Через полчаса после ее приема вредные жиры, лишние углеводы и холестерин вкуснейших гамбургеров будут бесследно уничтожены умным препаратом, настоящей радостью чревоугодников высшего света.

Спортсмены приняли душ.

Заглотили по горсти пилюль с индивидуально сбалансированными наборами витаминов и протеина. Вытерлись лучшими полотенцами, предложенными слугами. Надушились и приступили к облачению.

Но вместо привычных деловых костюмов из стального фиброшелка, в которые переодевались после тренировок, вынули из шкафчиков одежду иного рода – похожую на спортивные костюмы, облегающую, с жесткими пласторалевыми вставками на бедрах, коленях и локтях. Рабочий день, предстоящий высокопоставленным сотрудникам корпорации, обещал быть отнюдь не обычным.

«Уже проинформирован именем победителя?» – поинтересовался Лео, уважительно коснувшись тыльной стороны руки начальника.

«Корректно, на рассвете», – ответно протранслировал тот, застегивая липкое запястье так, чтобы рукав стал полностью герметичен.

Но перед этим успел бросить собеседнику яркий ответный образ, почерпнутый из вчерашних досье службы распределения победителей.

Синантроп примерно 280 циклов, высокий, темноволосый и худой, на чьей мордашке, как и у всех пустышечников, застыло выражение вечного голода, несправедливости и обиды. Самца кликали Павлом Сорокиным, он жил в секторе, который за границами Куполов именовали Трехчасовым, и, по полученной от разведывательных зондов информации, торговал на вещевом рынке. Заявку на участие в Лотерее подал почти 24 цикла назад.

Хмыкнув, Леонидас пожал плечами, что не укрылось от начальника.

«Недооценка напрасна. – Артемидий покачал головой, призывая коллегу не делать скоропалительных выводов. – Путевку пытались перекупить корпатрицианты из холдинга «ГорУправТранс». Пришлось настоять на своем».

Завершив переодевание, мужчины вернулись в прохладный зал для состязаний.

Двое высоких, подтянутых корпоративных божеств, повелителей вольготной жизни под сводами Куполов, сильных мира сего. И пусть психо-мнемонический конструкт не позволял целиком расшифровать смысл старинного понятия «корпоративный патриций», древний термин прорывался сквозь подкорку мозга, уверяя, что именно такого меткого образа высшие руководители промышленных гигантов и заслуживают...

Поманив полусупруг за собой, Артемидий и Лео покинули спортивный блок комплекса, просторными светлыми коридорами направившись в рабочую часть здания.

За огромными панорамными окнами сверкала изнанка Второго Купола – близко-близко, как того заслуживали самые высокопоставленные жители города. Солнце дробилось на шестигранных сегментах бронированного стекла, много поколений назад намертво сцепленных меж собой омертвевшей биоклейковиной.

Несмотря на дорогостоящую близость к небесному светилу, Селиванов не испытывал ни восторга, ни гордости. Мало того, что толстые бронированные соты лишали огненный шар пульса, превращая в нечто неживое, бездушное. Так еще и сам Артемидий, 431 цикл

проживший в лучах патрицианского великолепия, уже давно не находил в звезде ничего интересного или романтического. Солнце, оно и есть солнце – было всегда, одинаково теплое и для бедняка, и для директора корпорации...

Бродов учтиво – тыльной стороной ладони прикасаясь к тыльной стороне ладони босса, – проинформировал:

«Снаряжение ожидает под зданием, транспорт готов».

Задержался на секунду, ожидая ответа, и получил его.

«Кто входит в команду?», – протранслировал Селиванов, по-прежнему отстраненно изучая виды многокупольного Новосибирска, щедро залитого солнечным светом.

Лео послал старшему товарищу четыре образа, дополнив подборку отдела корпоративной безопасности коротким всполохом сообщения:

«Сохранил в памяти, что ты испытывал удовлетворение от перемещения за победителем в обществе этих людей. Взвалил на плечи груз и преисполнился отваги подобрать новую команду на основании схожих принципов симпатии и эффективности командной работы».

Задержав мнемослайды перед психовзором, Артемидий внимательно вгляделся в лица членов жюри – корпатрицианских ликторов, облаченных честью сопровождать его в процессе награждения. Трех он хорошо помнил: с двумя ходил в прошлую экспедицию, с третьим – тринадцать лунных циклов назад. Четвертый был новеньким, но окружавший мнемослайд приязненный оттиск Лео гарантировал надежность и профессионализм.

Внезапно изучение образов было прервано. Причем самым бесцеремонным образом – Элина нежно подхватила Селиванова под локоть, разворачивая к себе. Георгина вцепилась в своего полусупруга, подтягивая поближе и образуя живое кольцо диалога на четверых.

«Юные мужчины берут с собой драгоценно-обожаемых спутниц? – одновременно, почти вперебой и весьма схоже в гаммах психоотпечатков, пропульсировали девушки, позволяя себе оттенки каприза и приближающейся обиды. – Большая просьба, ультимативная форма, необходимость верного решения!»

Корпатрицианты переглянулись. Ответил старший, как и полагалось по корпоративному этикету:

«Неприемлемая просьба, юные женщины, – как можно мягче и теплее сообщил подругам Артемидий. – Нет причин для расстройства настроения».

«Большая просьба! – почувствовал он в ответ, и на этот раз плаксивости в передаче прибавилось. – Большая просьба, большое желание!»

«Удовлетворительно, – сдавшись, отправил он и покачал головой, наблюдая за сдерживаемой улыбкой Бродова. – Но только до границ Периметра».

«Острое сожаление, – тут же бросила ему Элина, поджав губы. – Половинные меры. Скука».

Георгина, впрочем, так не считала, снова уделив внимание собачке и даже разомкнув беседу. Кажется, для нее главным оставалась не предвкушаемая радость от предстоящей поездки за победителем Лотереи, а факт уступки, на которую пошел шеф ее полусупруга.

«Награждение не является женским делом, – предварительно отпустив руку Лео, протранслировал Селиванов своей подруге. – Необозримо устойчивая данность».

Термин «всегда» Артемидий проиллюстрировал отпечатком чего-то древнего, не имевшего начала и не имеющего конца. Однако Элина тут же ухватила за такую подачу, начав транслировать сбивчиво и жадно:

«Мы проживаем в новом мире, мое единственное удовлетворение! Ты проинформирован, как высоко в системе жизненных ценностей я ставлю удовольствия и возможность разделить их с собой. Я научусь получать удовлетворение от награждений по аналогии с вкусной пищей и долгим соитием! Возьми меня следом?»

Представив, что в сегодняшней охоте его актуальная полусупруга будет столь же ненасытной, как в поедании вредной жирной пищи, Артемидий даже отстранился: не хотел, чтобы Элина уловила его мрачное веселье. Снова взяв девушку за тонкое обнаженное

предплечье, он послал ответ отрицания – нежный, но решительный. Насупившись, та топнула каблучком, фыркнула и отвернулась, глядя на утренний город.

«Победителя скоро объявят официально», – мельком сообщил Селиванову Лео, намекая на недопустимость задержек.

«Желаю узнать решение, – снова прикоснувшись к Элине, бросил ей Артемидий. – Желание проехать совместно до Периметра?»

Но та снова фыркнула, выдергивая руку, отчего высокая грудь качнулась, выпадая из бесстыдно короткой и фривольно замотанной тоги. Артемидий вежливо улыбнулся. Пожал плечами, кивнул недоумевающей Георгине и развернулся на пятках.

Более не оборачиваясь, мужчины оставили полусупруг в светлом просторном коридоре, направившись к лифтам. На ходу Селиванов отстраненно размышлял, что в следующем цикле ему придется озаботить секретаря поисками новой спутницы...

4

«Уникальность пчелиного способа общения состоит в том, что он целиком основан на ритуальных танцах и положении тела коммуницирующей особи. В основном язык состоит из виляния, выписывания «восьмерок», кругов и поворотов на месте. С помощью этих двигательных комбинаций, основываясь на собранной ранее информации и положении солнца, пчела способна сообщить собратьям расстояние до источника корма, а также точное направление предстоящего полета».

**«Социализация высших млекопитающих
и иных живых организмов»,
д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Нарушить тишину и пошевелиться Яну Погремушку заставил мерзкий паук.

До тошноты гадкое насекомое, здоровенное, наглое и, безусловно, опасное. Спустившееся с пыльного бетонного перекрытия на едва заметной нитке, примерявшееся на левое запястье. Ровно на то место, где верная перчатка с цепким шершавым покрытием была прорвана, обнажая смуглую кожу.

Плавным беззвучным движением поднявшись с пола, Яна перебросила арбалет в правую руку. Дождалась, когда паук спрыгнет на кусок пенобетонного кирпича, и точным ударом ноги раздавила ядовитую гадину, успевшую вскинуть лапы в боевой стойке.

Встряхнулась, наконец-то чихнув. Звонко, от души, от чего стойко удерживалась всю засаду.

Вообще-то в планы девушки входило пролежать без движения еще минут пятнадцать. Но это скорее для пущей надежности – переулок остался гарантированно пустым. Все честно выжданные полчаса. Если бы по следам егеря кто-то шел, она бы наверняка засекла преследователя...

Привалившись к краю оконного проема, Яна еще раз внимательно осмотрела подступы к зданию. Никого. Ни любопытных, ни желавших поживиться ее снаряжением. Вынула стрелу из титанового ложа, забрасывая невесомое оружие за спину. Болт с зазубренным наконечником вернулся в закрытый набедренный колчан.

Баклажанчик бы такой поспешности не одобрил – факт.

Он вообще предпочитал выжидать не меньше часа, такой вот шеф был терпеливый. И недоверчивый. Всегда считал, что наиболее вероятный способ для егеря сдохнуть – это наивно и несвоевременно уверовать, что оказался терпеливее того, кто жаждет покуситься на

чужое имущество...

– Пусть, – привычно произнесла в ее сознании старшая сестра Ленка, чья непростая судьба определила и настоящее, и будущее всей семьи. – Баклажанчика поблизости нет, сестренка. А вот ты, Погря, за годы работы на детину-шефа уцелевшая в дюжине индивидуальных вылазок в Заповедник, есть.

Да, она – Погря – была.

Машинально кивнув, Яна согласилась с мысленными доводами погибшей сестры, молчаливые диалоги с которой вела в минуты неуверенности или психического напряжения. Она тут одна. И полагаться может только на себя. И если пятнадцать недосиженных минут будут стоять ей схватки, ну что ж... Проклятый паук!

Подняв с пола рюкзак и осмотрев – не прицепилось ли к брезентовому днищу иных ползучих гадов, – Погремушка забросила ношу на плечо. Поставила арбалет на предохранитель, чтобы случайно не врезали по заднице короткие взведенные дуги, на вид пластиковые, на ощупь – металлические. Память привычно откликнулась маячком-картинкой: Баклажанчик вручает ей оружие, грозное и хрупкое одновременно. На первую самостоятельную вылазку подопечной. Ничего надежнее и точнее она так подобрать и не смогла. Или не хотела, ведь самострел полностью удовлетворял запросам?

Яна принялась осторожно выбираться из пустой пыльной квартиры, час назад выбранной для обустройства засады. Шагала боязливо, будто по льду. На периферии Циферблата осмотрительность вообще стоило проявлять в трехкратных размерах. И дело было не только в бандитах, мародерах или забредавшем диком зверье – опасность тут подстерегала на каждом углу. Без преувеличения или метафор.

Старые перекрытия серо-бурых жилых домов; бледно-черный асфальт, натянувшийся над провалами обманчивой пленкой; ржавые растрескавшиеся переходные мосты, нависавшие над улицами, – все это в любой момент могло обвалиться само по себе, от старости и скрытых дефектов. Истории о егерях, сверзившихся в Старый Город и оставшихся там навсегда, до сих пор ходили по кабакам и рынкам. К тому же про уголовников, собирателей и хищников забывать тоже не стоило...

Спустившись с третьего этажа и предельно деликатно проскользнув наружу под нависшим подъездным козырьком, Яна минуту постояла в тени. После полумрака многоэтажки нужно было привыкнуть к яркому солнцу, штурмующему купола Инкубатора и отраженному миллионами огненных стрел. Да и темный ежик волос, по-мужски короткий и открывавший виски, от пыли отряхнуть не мешало.

На Погремушку налетел порыв ветра, в водовороте которого наиболее четко выделялись два аромата. Запах едкого машинного масла, которым для отгона живущих в подземке крыс была щедро смазана ее кожаная куртка. Запах неприятный, вязкий и въедливый, но необходимый при путешествиях вниз, где обретались существа с развитым обонянием.

И второй аромат – векового тлена, всеобщего запустения и одиночества, если у таких понятий вообще существовал собственный запах, – им было пронизано все вокруг. Печальный металлический, с нотками бетонной пыли, авторский парфюм брошенной человеком земли. Привычный любому егерю, совершавшему вылазки в Заповедник парниковых...

Миновав переулочек и открывшийся за ним мертвый проспект, Яна обошла один из своих главных ориентиров – пирамидальное строение, в прошлом служившее то ли банком, то ли торговым центром. Каркас круглой эмблемы на крыше лихо накренился, но все еще держался, позволяя углядеть высокий дом почти с любой точки Циферблата.

Обогнув массивное основание постройки, Погремушка вышла к провалу.

Пусто, безлюдно, свежих звериных следов на бетоне тоже не наблюдается. Оставленные ею нехитрые «сигналки», позволяющие выследить наглеца, решившего воспользоваться ее спуском, тоже на месте: и натянутая от столба леска, и кусок бутылочного стекла под обломком поребрика.

Сбросив рюкзак, девушка принялась раскладывать на вздыбленном тротуаре многослойную самодельную сбрую.

– Что бы послушать? – одними губами спросила она сестру, втискиваясь в корсет из ремней и альпинистских карабинов. Застегнула под бедрами две прочные металлизированные ленты.

– System of a Down, – без промедления откликнулась в ее голове Ленка, словно как раз решала, что посоветовать младшей при спуске. – Aerials, четыре минуты, почти хватит.

– Годится, – мысленно проговорила свое согласие Яна, застегивая упряжь и пинком отправляя с обрыва моток длиннющего сверхтонкого и столь же прочного каната. – Пусть будет Aerials...

Надела рюкзак, перевесила арбалет на живот.

Проверила, надежно ли застегнута набедренная кобура с раритетным наганом, потертым, но вполне боееспособным. Прощупала внутренний карман куртки, где хранился драгоценный носитель с вирусной базой. Еще раз осмотрела крепления троса и цепкость подвижного блока, обеспечивавшего скольжение вниз. Отступила на пару шагов, придиричиво оценивая, не заметна ли конструкция снаружи – ей совсем не хотелось, чтобы заблудший мародер снял тросы с обломков арматуры, отрезав ей путь к возвращению.

Завершив приготовления, Погремушка встала на самом краю пропасти, позволяя ветру трепать короткие волосы. Девушка не особенно рассчитывала на успех экспедиции – необычной, незаурядной, особенной. Но и в поражение заранее верить тоже отказывалась. Хорош тот егерь, что идет вниз, заведомо предполагая провал дела...

Она сделает все, что от нее требуется. Достаточно ли будет ее многолетней подготовки в группировке Баклажанчика, чтобы осуществить задуманное? Время покажет.

Яна глубоко вдохнула, включила портативный проигрыватель, один из беспроводных наушников которого выглядывал из ее левого уха. Выбрала нужную композицию. Едва в черепную коробку ворвались мрачные аккорды старинной мелодии, шагнула за рваный край тротуара, одновременно поворачиваясь к воронке спиной.

Слов англоязычной композиции она не понимала. Но уже в который раз убеждалась, что для восприятия искусства давно канувшей в Лету нации это совершенно необязательное условие. Язык творчества, музыки и богатых интонаций, с которыми пел солист, творил настоящие чудеса. И пусть сюжет песни до сих пор оставался для егеря загадкой, общее настроение музыка передавала, оставляя в душе чувство прекрасной злобной мощи.

В первые пять-шесть раз Яна спускалась, то и дело оборачиваясь, чтобы с замиранием сердца осмотреть открывавшуюся безрадостную картину. Потом приелось, и заново лицезреть дела рук человеческих не возникало никакого желания. Впитывать такие образы – что засохшие плевки отскребать, противно.

Она и без того знала, что сейчас за ее спиной простирается огромная – больше километра в диаметре – воронка, пробившая город до дна. Пронесется калейдоскопом, словно коржи слоеного пирога, сначала автомобильные магистрали, срезанные плазменной бритвой; затем подземные коммуникации; следом – нижние магистрали и гнезда скрытых в земле автомобильных парковок.

Еще глубже лежали линии метрополитена, на срезах похожие на норы гигантских насекомых. Затем резервное метро, бункера и бомбоубежища, трубы, коллекторы и прочая начинка, на которой стоял первый Новосибирск. Еще до того, как разделился на Циферблат и Заповедник, в котором жили странные...

Все это не интересовало Погремушку.

Да, на старых стоянках до сих пор можно найти ржавые машины, в которых еще есть чем поживиться. Если углубиться в тоннели, повезет выйти к нетронутым подземным хранилищам. Но все это – цели мародера, а не егеря. Ее же путь, как и двенадцать раз до этого, лежал в ином направлении...

Даже не оборачиваясь, Яна ощущала на своей шее дыхание сдохшего в агонии прошлого. Прикосновение иного мира – третьего, если считать «стекляшки» и Кольцо

самостоятельными вселенными. Хотя нет. Даже не мира – иномирья, изнанки, всепоглощающей пустоты, нетерпимой к людям.

Никто из Голи не возвращался.

Никто не приносил добычу.

Те, кто рисковал чересчур удалиться от подземного царства, залегающего под Заповедником и Циферблатом, гибли на глазах товарищей. Неприятно гибли, кроваво.

Высотомер, закрепленный на левом запястье Погремушки, сообщил, что совсем скоро девушка достигнет цели. Теперь главное – не перестараться и не съехать дальше положенного, где почва и осколки бетона превратились в настоящую трясину, о существовании дна которой знают только неудачники, сорвавшиеся с тросов.

Тяжелая песня, наполненная космической тоской и ожиданием столь же бесконечного триумфа, окончилась. Прекратив спуск, Яна выключила проигрыватель и спрятала наушник в нагрудный карман: теперь любая помеха ее органам чувств может стать фатальной. Это тебе не беспомощно болтаться на канате, надеясь, что летучие мыши мирно спят.

Последние пятнадцать метров скользила в тишине. Только где-то чуть дальше по краю воронки из ломаной трубы тихонечко плескал мутный водопад, теряясь в полумраке.

Яна качнулась, зацепилась рифлеными подошвами за край подземного тоннеля, не раз выводившего ее внутрь. Оттолкнулась, раскачиваясь чуть сильнее, и на следующем рывке дотянулась до металлической пластины, выступавшей из стены. Пластины, уже не первый год носившей отпечатки ее пальцев.

Подтянув себя к темному пролому в срезе воронки, девушка шагнула на бетонный парапет, втягивая за собой хвост шнура. Отстегнулась, зафиксировала веревки вокруг ржавого рельса, как делала ранее. Включила мощный наплечный фонарь. И снова зарядила арбалет полнотелой титановой стрелой.

Впереди лежала тьма, неохотно поддающаяся лучу прожектора. Густая, наполненная отзвуками далекого эха и пульсирующей тишиной, когда подземный лабиринт замирал. Яна почувствовала, как предательски вспотели под перчатками ладони, как противно пересохло во рту.

– Погряз, ну ты же кучу раз делала такое, – назидательно прошептала старшая сестра в ее голове, стараясь успокоить и поддержать. – Ради меня, сестренка, ты же понимаешь?

Она понимала. Прекрасно понимала.

Принцип на Циферблате один – кто сколько побеждает и подсуетится, тот столько и получит.

Кто-то зарабатывает на жизнь, торгуя на блошиных рынках. Кто-то вкалывает рикшей, день и ночь набивая мозоли на пятках. Кто-то выращивает дряблые овощи или охотится на крыс, поставляя в магазины свежее мясо. Кто-то поставил на кон жизнь, пытаясь одолеть Лотерею. А она и ей подобные уходят под землю. В опасный и незнакомый мир парниковых, где все совсем иначе, а зазевавшегося ждет пуля или укол тазера.

Это ее выбор. Ее и Ленки, погибшей больше десяти лет назад...

Яна сверилась с самодельной картой, нанесенной на лист мягкого пластика люминесцентными красками. Спрятала за отворот куртки, двинулась вперед. С каждым новым шагом гнездившийся под землей гул становился все отчетливее, все жирнее.

Это забавлялись со своими высокотехнологичными игрушками молчуны, искренне полагающие, что живут полноценной жизнью. Пробивающие тоннели, проводящие новые линии подземного транспорта, строящие высокие дома и беспрестанно латающие бронированные Теплицы из полуживой массы активного наноорганизма. Активные и трудолюбивые, словно аквариумные хомячки, роющие ходы в горах древесных опилок или выющие гнездышки из старых газет.

Но забавными эти «хомячки» кажутся только тем, кто никогда не сталкивался с Лотереей.

Остальным, кого та коснулась хоть краешком траурного одеяния, образ жизни нелюдей забавным или занятым не казался. Домашняя кошка и пустынный тигр тоже выглядят

похожими существами. Но если первого ты бесстрашнопустишь в дом, позволяя мурлыкать подле ребенка и ловить грызунов, то второй безжалостно порвет твою глотку когтями, вылакав кровь до последней капли.

– Парниковые – не люди, – сказала в голове Погремушки ее мертвая сестра. – И все, что они делают, от штамповки вырождков до охоты на обитателей Циферблата, права на существование не имеет.

– Я знаю, – беззвучно ответила ей Яна, поудобнее перехватывая арбалет и напряженно прислушиваясь, не заскребнут ли по бетону тоннеля крысиные лапки. – Я помню...

Разрезая тьму лучом прожектора и постоянно сверяясь с тускло светящейся картой, девушка углубилась под накрытое стеклянными полусферами сердце запретного Новосибирска.

5

«Основой коммуникации крыс, как известно, является горловой свист в ультразвуковом диапазоне. Его преимущество состоит в том, что такой способ общения не может быть перехвачен хищниками или врагами среды обитания. В частности, напуганный крысенок издает серию крайне громких звуков, однако же совершенно неслышимых для человека. Также доказано, что крысы способны оперативно менять частоту сигналов, достигая в этом умения поразительных результатов».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Поначалу Сорока даже не уразумел, что произошло.

Отстранившись от базарного гомона, умело и бездумно, как привык, перебирал выложенные на прилавок товары. Протирал тряпкой, старался расставить наиболее привлекательно с точки зрения подхихивших покупателей. Водрузил на огонь кастрюльку, в которой заваривал бодрячок, подложил в печь пару свежих прессованных таблеток сухого горячего.

А люди все подходили и подходили.

Сначала один, совсем смущенный, глаз не поднимал почти. Сорока его не помнил толком, вроде как тот обувью торговал на соседнем ряду. Гость что-то негромко говорил, головой качал печально. Парень ему в ответ тоже кивал. А вот о чем болтали – как отшибло!

Затем еще двое пришли.

Эти держали точку по продаже радиодеталей и прочей электронной требухи. Держались тоже неуверенно, но хоть землю не буравили, старались смотреть в лицо. Лиц, кстати, Сорока тоже не запомнил. Разговора – тоже. Невесть почему парочка пообещала, что, если понадобится, они могут кому-то что-то передать. Если Сорока сам не успеет. Тот поблагодарил, не совсем понимая, за что поклоны раздает, и от услуг вежливо отказался.

Потом появились двое парней от Тугого.

Из тех, что охраняли рынок. Бывшие желтопузые вроде, но точнее Сорока не знал. Да и вообще мордovorотов местных различал с трудом, они же все будто инкубаторские... Широкоплечие быки говорить лишнего не стали. Руку пожали. По-простому сдвинули товар Сливоносого на край прилавка, развернули принесенную скатерку – а там фляжка армейская, стопки жестяные, кусок колбасы да хлеба ломоть.

Без лишних слов разлили на троих. Что-то пробормотали, словно на перроне перед

уходящим поездом прощались. Ну и выпили. Дважды. Сорока с ними тоже пил, ясное дело. До сих пор не совсем понимая, что происходит. Да и не вникая толком, уж слишком тихими стали звуки окружающего мира.

Флягу, самогон и закуску крепыши оставили. Сказали, за вещами завтра к Вардану лично зайдут. А колбаску он может доест, натуральная свинина, мол. По-отечески так по плечу потрепали. И ушли, куря самосад в огромные кулачищи.

И вот только когда сивуха ударила в живот, а затем сразу в голову, до Сороки наконец дошло. Докатилось, долетело, и будто восковые затычки из ушей вынули. А в лицо словно снега пригоршню бросили. Да еще по затылку затрещину отвесили недетскую.

Ноги подкосились. В голове зашумело, да так на стул свой продавленный и упал, словно в кисель превратился.

Вспомнил. Осознал. Словно вечность прошла, а ведь часы в контейнере напротив показывали всего 13:17. И навалилось сразу на ребра так, что дышать стало не вмоготу. Хрипя, сопя и краснея, вспоминал Сорока события последних двадцати минут...

– Совсем скоро, буквально через каких-то три минуты, дорогие друзья, вы узнаете, кто заплатит за обеспеченную жизнь Ларисы из Восьмичасового Сектора!

Утренний ведущий за время эфира, казалось, не только сил не растерял, но голосил еще торопливее и задорней. А может, наглогался чего...

– Внемлите мне, дети Циферблата, ибо вновь на ваших глазах вершится доброе и справедливое!

Сорока, от скуки занятый изучением маркировки на новеньких банках тушенки, вздохнул и поднял голову к приемнику. Этот жест по всему рынку повторили сотни продавцов и покупателей. Все те, кто поставил себя на кон, мечтая выиграть огромные деньги, но рискуя потерять жизнь. Ради справедливости. Ради закона сохранения энергии и равенства шансов...

– Итак, друзья, – проскрипел старенький приемник, лучась состраданием и одновременно счастьем, – в этот раз «оранжевый билет» достался жителю нашего города по имени...

Казалось, весь базар затаил дыхание.

Так бывало каждый месяц. Все, кто не смог выиграть миллион, принимали к радиоприемникам, чтобы после озвученного имени шумно выдохнуть, без потерь выскользнув из дуэли со смертью. Сорока даже хмыкнул, наблюдая, как сутулый немолодой продавец тканей напротив через торговый ряд закусил губу и сжал кулаки.

– Павел Сорокин, житель Трехчасового Сектора Новосибирского Циферблата! – огласил ведущий. – Если Павел сейчас с нами, передаю ему свои искренние соболезнования. И пусть его уход станет вестником того, что ровно через месяц еще один счастливчик выиграет безбедное будущее, за которое мы должны быть благодарны укрытым Куполами корпорациям...

Сороку ударило под дых.

В ушах зазвенело, мгновенно вспотели ноги.

Он оцепенел. Банка тушенки выпала из рук, по дуге укатившись под прилавок.

Первой мыслью было: это не он! Мало ли в Новосибирске с его многомиллионным населением Павлов Сорокиных? Даже проживающих в секторе Трех Часов. Затем он поймал взгляд сутулого, и по сердцу будто резануло ножиком.

Второй мыслью было: произошла страшная ошибка. Он обязательно разберется, и когда из Инкубаторов пожалуют охотники за разумной дичью, все встанет на свои места. Вернется на круги своя. И сегодня вечером они с Ливнем выпьют самогона, закусив вкусным ужином...

– Силы Местной Самообороны уже предупреждены о вручении «оранжевого билета», – продолжал традиционную речь ведущий розыгрыша. – Согласно политике о невмешательстве, они приложат все силы, чтобы во время награждения победителей Лотереи не пострадали мирные жители и не был нанесен ущерб имуществу новосибирцев. Тем же,

кто невнимательно следит за проведением игр, я хочу напомнить, что любая помощь Павлу Сорокину будет расценена как диверсия против Лотереи, а потому спешу предостеречь слушателей от вмешательства в процедуру награждения...

Дальше Сорока не слушал.

Он вообще перестал что-либо слышать, продолжая стоять за прилавком живой статуей. Пока еще живой. Затем парень начал медленно двигаться. Подложил горячего в печь, протер коробки с товаром. А чуть позже стали подходить сочувствующие, которых он почти не помнил...

Стеснительный продавец обуви. Электронщики, предложившие передать завещание тому, кого бедолага посчитает своим правопреемником. Парни Тугого, передавшие, что с оплатой квартиры компаньоны могут не спешить и если сейчас с деньгами неважно, босс делает отсрочку.

После его накрыло душной волной осознания, и Сорока повалился на стул.

От выпитого в голове шумело и мешало думать. Над прилавком еще кто-то нависал, что-то бормотал, пытался пожать руку. С ним, живым мертвецом, прощались все: как те, кто знал парнишку раньше, так и те, кому только-только ткнули в неудачника пальцем.

– Мой тебе совет, – доверительно прошептала фигура без лица и имени, которую Сорока наблюдал как сквозь дымку смога. – Сидишь на оружии, все при тебе. Не давай ублюдкам шанса, земляк. Говорят, пару лет назад кто-то из желтопузых так и сделал. Они его нашли, а мужик табельный ствол в рот – и бах! Хоть как-то испортил ублюдкам удовольствие...

Фигура удалилась. Появились новые.

Но слова так и звучали в ушах продавца, навевая страшные образы. Его сочувственно хлопали по плечу. Обещали присмотреть за лавкой, пока не вернется Сливоносый. Советовали быстрее написать письма любимым. Напиться вдрызг, в конце концов.

Сорока обмяк, невидящим взглядом уставившись на часы над контейнером с тканями. Туда, где электронные секунды его жизни продолжали испаряться, как вода с нагретого солнцем камня.

А затем маховик мыслей завертелся все быстрее и быстрее, стряхивая пары алкоголя, словно парень и не пил. Сумбурно, наперебой, сбивчиво, но предположения различной степени бредовости все же закружились в сознании.

Он встал со стула, встряхнувшись бродячим псом. Конечности слушались плохо, будто отлежал и руки, и ноги. Но он не позволил себе сесть обратно. Глядел на часы и думал о своем...

Чаще всего получившие «морковку» сдавались. Безропотно возвращались домой или шли в парк, где, завершив мирские дела, предавались размышлениям и ожидали парниковых, пришедших по их душу.

Чуть реже пытались бежать. Пару раз, говорят, даже за пределы Циферблата, хотя такая судьба не лучше пули в лоб. Другие терялись в городе, делая «награждение» таким, каким его хотели видеть нелюди из «стекляшек». Азартным, наполненным погонями и даже перестрелками. Иногда затянутым на несколько дней. Реже – недель.

Несколько раз – и тут незнакомый мужчина с историей про желтобрюхого не врал – проигравшие кончали с собой. Выпивали яд или бросались с крыши, а если позволяли возможности, то стрелялись. Что-то поговаривали про тех, кто пытался за деньги заручиться поддержкой бандитов. Но когда тех автоматически записывали в пособияники, улицы краснели от крови: с оснащением ловчих не могли тягаться даже силы Местной Самообороны, носящие форменные черно-желтые бронежилеты.

Было и так, что в пособияники уходили добровольно.

Сорока слышал легенду, что года четыре назад парниковые «наградили» совсем молодую пару. Вытянул «морковку» он, а она отказалась его бросать даже на смертном одре. Когда милков нашли, пара перегрузилась наркотой и занималась любовью в тесной комнате старого общежития. Тогда изрешетили обоих, сплетенных в единое последнее целое.

Говорят, корпоративные псы из Девяти Куполов были особенно счастливы настолько романтическим стечением обстоятельств.

Некоторые пробовали сдаваться. Вступать в переговоры. Умолять.

Про таких потом вспоминали не очень хорошо, ибо весь город знает: если ты участвуешь в Лотерее, будь готов и к деньгам, и к расплате. Парниковые, естественно, слушать не желали. Они вообще не умели слушать, эти вырождающиеся из сверкающих небоскребов, результат древнего дурацкого эксперимента по возведению человека на новую ступень эволюционного развития. Просто расстреливали бедолагу. Иногда резали – все зависело от конкретного характера того, кто возглавлял «награждение».

Еще шептались, что где-то на Циферблате существует мифическое сопротивление парниковым и их беспощадно-щедрой игре. Круг Противодействия, дескать, так они себя именуют. Хотя кто в точности именует и перед кем именует, было неясно: за годы игр подпольщики не спасли ни одной жизни и ни разу не проявили себя активными действиями. Впрочем, если над целым городом нависает беда, пусть даже добровольная, люди обязательно придумают сказочного защитника, так уж устроена натура...

– Пашка? – позвали его слева.

Сорока затравленно обернулся, чуть не надув в штаны.

Пришли! Так быстро?! Быть того не может... Но в железном контейнере, переделанном под магазин, не было никого. Так кто же тогда окликал? И кто на всем белом свете, кроме желтопузых и корпоративных убийц, знает, что его зовут именно Павлом?

– Пашка, сынок? – негромко позвали справа.

Он снова метнулся в сторону, чуть не опрокинув прилавок.

Несколько местных торговцев, направлявшихся к бедолаге выразить соболезнование, испуганно замерли на месте. Поспешно сменили курс. Потому что какой-то процент «победителей» при звуках своей фамилии, произнесенной на награждении «билетом», терял рассудок. А что может выкинуть безумец, торгующий пистолетами? Лучше не проверять. За ним сегодня приедут, а людям тут еще жить и бороться за пропитание...

– Да не кибишуй ты, балда, – попросил все тот же голос, и Сорока, к собственному ужасу, вдруг узнал в нем родного отца.

Не того небритого строителя бараков, что пришел жить к маме после бегства папашки. А настоящего отца – подарившего ему жизнь два с хвостиком десятка лет назад. И пусть в последний раз слышал его Паша давным-давно, еще когда под стол пешком ходил, успев напрочь позабыть, сейчас ни с чем иным спутать не мог.

Голос этот, что напугало парня не меньше последних новостей по радио, звучал в его голове. Четко, отдельно, до мурашек по коже реалистично.

– Батя? – хрипло выдавил Сорока, заставив еще нескольких сочувствующих разом сделать вид, что шли они вовсе не к лотку Сливоносого.

– Ну точно, балда, – грустно вздохнул отец. – И как я такого олуха родил?

– Ты чего?... – только и просипел «победитель», не замечая, что говорит вслух.

– Как чего? – удивился тот, невидимый и неслышимый ни для кого, кроме родного сына. – Помочь хочу... Или ты решил сдать?

Сорока замолчал.

Глотнул гадко-теплого бодряка, расплескав на грудь. Закусил губу, не замечая, с какой досадой и тревогой разглядывает его сутулый из ларька напротив. Пройдет пара часов, и этот человек со взглядом, полным печали за судьбу незнакомца, одним из первых укажет молчунам, куда направился приговоренный. Лишь бы отвадить подальше и побыстрее. Лишь бы жизнь шла своим чередом, а над рынком не свистели дурные пули...

– Так что, балбес, слушать будешь? – осведомился папаша, когда Сорока перестал нервно хрустеть пальцами и замер. – Оглянись-ка.

Медленно, словно во сне, Сорока осмотрел ларек Сливоносого Вардана.

Печка, прилавок, коробки с лежалым товаром, стул и даже короткий топчан в глубине. Пачка лапши, мешочек с заменителем соли, несколько грязных ложек в уголке, который

парень привык считать кухонным.

– Вот же утырок! – Отец недовольно повысил голос. – На прилавок смотри! Верно тот мужик сказал, на патронах же сидишь! Хотя, если лапки кверху поднять собрался, я тебе не советчик... Ага, осознал?

Последний вопрос батя задал, когда взгляд Сороки упал на вереницу пистолетов, тонкой цепью прикованных к прилавку сквозь скобы спусковых крючков. Затем – на коробки с патронами. На аптечки, принесенные Сливоносом целую вечность назад.

– Ну а дальше сам решай, сынок, – уже добрее, по-настоящему любя и без раздражения, произнес родитель. – Но сдаваться этим тварям не смей. Не той породы Сорокины. Согласен?

И пропал. Как не бывало.

Сорока, на всякий случай еще раз обернувшись, повторно осмотрел пустой ларек.

С крыш рифленых железных контейнеров за ним наблюдал один из боевиков Тугого. Смотрел с интересом и любопытством, как на пережеванного тележными колесами енота. Сам подохнет или придется помогать?

– Батя? – одними губами спросил Сорока, уже догадываясь, что ему никто не ответит.

Он не верил в призраков.

Не верил, и все тут. Не существовало в мире загробной субстанции, и не было в окружении парня тех, кто мог бы доказать обратное. Выходит, он только что говорил сам с собой... Говорил искренне, забытым, выкопанным из глубин подсознания голосом отца, желая самому себе добра и твердости.

Не обращая внимания на трясущиеся руки, Сорока подступил к стойке и принялся торопливо перебирать пистолеты. Не как продавец, собравшийся впарить случайному прохожему лежалую некондицию. А как дотошный покупатель, придирчиво осматривающий каждый боек, каждую пружину и дульный канал.

Когда пистолет был выбран, Сорока упал на колено, чтобы не было видно зевакам снаружи. Притаившись за прилавком, он начал набивать компактный кордуровый рюкзак всем, что считал нужным его взбудораженный рассудок.

– Объект перешел к действиям, Почитаемый.

– Активность нейронов миндалины мозжечка подавлена на 78 %, давление стабилизируется. Почитаемый, мы отметили усиление кровотока в зоне Брока... предположительно, принятию решения о бегстве поспособствовали слуховые галлюцинации... Предположительно, вызванные алкогольным опьянением... Внести данные в отчет?

– С фиолетовой пометкой. Возможно, мы не приняли во внимание повышенный индекс пространственно-образного мышления выбранного объекта...

– Корректировка проведена, штрих выставлен. Почитаемый, наблюдаю повышенную активность коры головного мозга. Стратегия поведения объекта выбрана и подкреплена внутренним моральным одобрением.

– Эмоции страха окончательно нивелированы. Запрашиваю дополнительное глубинное сканирование. И переправьте обновленные данные в базу Старшего Прозревшего...

– Будет исполнено. Якорная точка от начала процедуры – 14,7 временной единицы. Присовокупляю информацию о виктимном профиле объекта, социальном положении, узнаваемости в ареале обитания, физических данных с поправкой на стартовый выброс адреналина.

– Почитаемый, операторы флота вводят на посадочную орбиту новое судно...

– Краткий отчет на вспомогательную панель.

– Роботизированный межконтинентальный челнок «Цирцея», маршрут Берлин – Новосибирск, класс грузоподъемности В. На борту комплектующие браслетных компьютеров и партия голографических нанолинз. Объектами повышенной важности

отмечены два биологических объекта: разнополая пара леопардов, приобретение в немецком зверинце. Идентичность объектов 97 %, отметка созревания 89,4 %. Замедлить разгрузку до окончательного созревания?

– Продолжать в штатном режиме, рекомендую дозревание по месту в новых условиях проживания. Завершайте вывод на орбиту и передавайте челнок навигаторам Западного Кордона... Смотрящие Со Стороны, запрашиваю отчет о внешнем социальном отклике...

– Почитаемый, модуляция сотрудников СМИ успешно завершена. В трансляцию включаются четыре зарубежные телекомпании, отчет выслан. Добро на азросъемку получено, пошлины уплачены, летательные аппараты иностранных компаний уже направлены к месту проведения процедуры. 2 временные единицы назад журналисты Беседки начали представление с комментариями в прямом эфире и общим приемом ставок.

– Подключайтесь к прямому эфиру, трансляция без купюр...

6

«Удивительным беспозвоночным, обгоняющим в уровне интеллекта многих позвоночных животных, является осьминог. Несмотря на катастрофическое загрязнение океана и вымирание этого вида, эксперименты с ним продолжаются и по сей день. Так, достоверно установлено, что осьминоги дрессируются, обладают хорошей памятью, различают геометрические фигуры и обучаемы простейшим арифметическим действиям. Все это подтверждает научные теории начала XXI века, согласно которым существа со столь развитыми органами, используемыми в качестве орудий труда и охоты, склонны к активному развитию своего вида и формированию более сложного сознания».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

*д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год*

Удовлетворение.

Мыслеформа, и без того сопровождающая жизнь Петроса большую часть времени, сейчас была как никогда яркой и приятной. Удовлетворение от работы. Удовлетворение от семьи и ее достижений. Удовлетворение от сексуальной стороны существования или поэтапного продвижения по службе. В этом богатом на оттенки понятии логосолитона сплелось все, чем мужчина дышал и мыслил, переполняя естество благостными нотками необходимости обществу и родным людям.

Музыка, настраивающая на повышение профессиональной эффективности, вышла на новый виток. Центральная буровая машина оставалась покорной и чуткой, реагируя на малейшие изменения траектории. Находясь на безопасной поверхности, Петрос собственными руками укреплял величие родного города, действуя с точностью отлаженного механизма.

Сопровождающая гусеничный бур флотилия из мелких уборочных машин сновала вокруг флагмана. Подчищала породу, сортировала металлический мусор, отброшенный к краям тоннеля, укрепляла стены струями светло-серого пенобетона. Покачиваясь на волнах музыки, оператор сам стал машиной. Не одной – сразу пятью, вгрызавшимися в подземелья Новосибирска с монотонной грацией и неумолимой мощью.

За несколько часов после принятия вахты он прерывался только дважды. Один раз –

сходить в туалет, расположенный в задней части модульного офиса. И еще раз – чтобы налить себе горячего кофейного напитка из кухонного комбайна в уголке для отдыха.

К обеду, что уже был не за горами, управляемый Петросом караван прошел почти пять десятков метров. Каждый их миллиметр был заботливо нанесен на электронные карты строящейся транспортной схемы. Каждое действие протоколировалось и заносилось в отчеты.

Шипя химической сваркой, трубопрокладчик наводил систему для отвода возможных грунтовых вод, иногда встречавшихся на такой глубине. Бетонная пушка гулко била в овалы своды там, где сканирование почв выдавало хотя бы минимальную возможность обрушения. Когда бур обваливал чрезмерно большое количество породы, вперед на паучьих ногах выступал экскаватор. Ювелирно взмахивая ковшом, он загружал прессовочные резервуары грузовика, утрамбовывающего почву в компактные кубы.

Каждое действие было максимально эффективным и оправданным.

Вся техника двигалась, словно в танце, не мешая друг другу и демонстрируя высочайший уровень умений своего дирижера. Вся она, так же как сидящий на поверхности машинист, испытывала удовлетворение.

А затем датчики бура зафиксировали странное, и от сыпанувших на экраны искр зарябило в глазах...

Нахмурившись, Петрос отнял руки от джойстиков и трекболов, с помощью которых управлял мобильной пенобетонной пушкой. Выключил музыку, в условиях экстренной ситуации сбивавшую с мысли.

Глотнув кофейного напитка, он всматривался в объемную голографическую карту, развернутую на панели справа от основного пульта. Взгляд его прикипел к пирамидальной области, мерцающей предупредительным красным цветом.

Остановив технику и переведя ее в режим экономии энергии, Петрос еще раз сверился с картами. Со старыми, можно даже сказать – древними картами, в большей своей массе неточными, но дававшими хоть какое-то представление о подземных коммуникациях Старого Города. Затем наложил на объемное изображение пунктирную схему специалистов, рассчитывавших план строительства новой низкоуровневой магистрали.

Внимательно изучил отчеты канализационных служб. Соотнес данные с текущим графиком работ. И в очередной раз убедился, что бур обнаружил нечто, не обозначенное ни на старых, ни на новых план-схемах строительной корпорации.

Соприкасаясь с основным тоннелем под углом в 28,5 градуса, на объемной карте вскрылся еще один проход. Почти параллельный, расположенный на шесть отметок выше его персонального уровня работ. Довольно широкий, мощно укрепленный изнутри и мешающий вести намеченное прохождение.

Бур, неудачно подставивший лазерный теодолит под кусок отлетевшей арматуры, послушно отполз. Замер, продолжая передавать наверх скудную информацию, собранную датчиками внешнего наблюдения.

Откатившись на стуле к вспомогательным пультам на левой стене кабины, Петрос попытался связаться с Евгением. Уже опустив ладони на передающий планшет, он начал формулировать мыслеформы, с помощью которых намеревался просить коллегу о помощи. И только после этого вспомнил, что у напарника заболела дочь. И о визите к угрюмому Лисницкому вспомнил, общение с которым было одним из немногих мнемобразов, выбивавшихся из картины глубочайшей удовлетворенности собственной работой...

«Оператор 53. Нештатная ситуация, – переместившись к планшету внутренней корпоративной связи, протранслировал Петрос, одновременно делая пометки в сетевом рабочем журнале. – На отметке 12/74.2 буровая флотилия бригады № 8 наткнулась на незапротоколированное ответвление старинной системы подземных ходов. Прошу специалистов откликнуться и провести анализ. Требуется группа подземной разведки».

Вернувшись к экранам, на которые флотилия «Конструкций «СибСтроя» транслировала изображения с многорежимных камер, Петрос продолжил изучать

проделанное буром отверстие. Сейчас туда были нацелены объективы и сканеры сразу трех машин. Это худо-бедно позволяло оценить пролом и даже нанести его трехмерную схему на существующий проходческий план.

Да, теперь сомнений не осталось.

Дыра в старый тоннель. Возможно, в ту самую резервную ветку мертвого метро, существование которой предполагали историки, этнографы и археологи. Пролом был немалым, метра четыре высотой и минимум два в ширину. За ним, подсвеченные фонарями бура и экскаватора, смутно виднелись противоположные стены, покрытые провисшими связками проводов.

Однако же это не станция «Мочище», поиск которой входил в его второстепенные задачи. И, даже наткнувшись на верный след, он обязан продолжить движение по заданным направлениям. За обнаруженный тоннель, конечно, тоже могут премировать. Если при этом машинист, что становилось все более вероятным, не выбьется из графика...

С растущим раздражением оператор взглянул на экраны внутренней связи. Пустые.

С ним не спешили связаться ни в текстовом режиме, ни в режиме светомыслительной волны. Ни начальник Лисницкий, ни парни из картографического отдела. Может быть, уже ушли на обед. А может быть, заняты своими, без сомнения более важными, делами на благо корпорации и всего города.

Простой затягивался.

Физически ощущая ускользающие минуты, Петрос почувствовал, как переполнявшее его удовлетворение сменяется раздражением и даже тревогой. Офисные медицинские приборы, распластанные по стенам, отметили учащение пульса, выдав несколько световых предостережений. Мужчина отрегулировал настроение, не в силах избавиться от мысли, что, если заминка продлится более получаса, его ждет вовсе не премия, а самый настоящий штраф. Разбирайся потом, по чьей именно вине вхолостую жгло электричество крохотное буровое воинство...

По истечении четверти часа Петрос встал со стула, уже не в состоянии удерживать раздражение и досаду. Снова отреагировал на предупреждения надзорной медтехники, зафиксировавшей скачок эмоций.

Еще через две минуты повторил сообщение о необходимости срочного вмешательства экспертов. А еще через шесть принял окончательное решение лично спуститься в зону работ. Оценить повреждения буровой машины, расставить предупредительные маяки и скрупулезно задокументировать находку он был в состоянии и сам...

Походы на отведенные участки работ случались нечасто. Но и особенной редкостью тоже не были. Только в прошлом цикле Петросу довелось дважды покидать пост. Один раз – когда бур уперся в гранитную плиту, чье глубинное сканирование пришлось настраивать лично и по месту.

Второй раз – когда разведчик, кротовый зонд, выпал в полость. Как предполагалось, заполненную газом. Тогда Петроса успели остановить еще до входа в тоннели... Как оказалось, юркий механизм свалился в огромный химерный тейп, а вместо инженера-оператора вниз отправили вооруженную огнеметами группу зачистки.

С рывком настроения вспомнив об этом неприятном случае, Петрос повторно изучил данные сканеров. Чисто, никакой биологической активности: внизу его ждали только бездушные камни, бетон и пострадавший бур.

Вынув из шкафчика плотный серо-синий комбинезон, оператор начал одеваться.

Чуть не расчихавшись от пыли, застегнул на поясе сбрую с противогозам, фонарем, датчиком радиации и токсического загрязнения, настроенным на ультразвуковую химерью волну акустическим станнером и прочей полезной амуницией.

Оставив еще одно сообщение в рабочем журнале, мужчина покинул кабину, выбравшись под слепящее, но совсем не жаркое летнее солнце.

Площадка по-прежнему гудела, скрежетала и рычала десятками силовых установок строительной техники. Стараясь не заступать за границы пешех коридоров, выложенных по

земле крохотными светомаркерами, Петрос двинулся к спуску в подземную часть стройки. Возводящуюся высотку он рассматривал с воодушевлением и чувством гордости.

Юркий погрузочный электрокар подскочил к нему опасно близко.

Крутанул на месте, привлекая внимание, и посигналил мягким светозвуковым импульсом. Идентификационные номера не помогли определить оператора, но Петрос догадался, что его заметил со своего рабочего места кто-то из знакомых.

Дотянувшись до желтого борта, он приложил ладонь к теплому металлу и считал слабый сигнал, исходящий из управляющего центра машины. Информации было мало, ее отпечаток с трудом пробивался через броню кара, но личность водителя установить позволил. Обернувшись в сторону модульных офисов, оператор № 53 помахал рукой Александросу из четвертой бригады, заметившему его перемещения по площадке.

Свернув на пеший спуск, огороженный от эстакады бетонными перилами, Петрос вошел в тоннели. Здесь было значительно прохладнее, чем снаружи, и он включил подогрев рабочего костюма.

Фонари, закрепленные под сводами, света давали немного, но ориентироваться в полумраке позволяли, и мужчина решительно зашагал вниз. Нащупал на поясе громоздкий передатчик, проверяя рабочую волну. И еще раз убедился, что его экстренное сообщение о находке неизвестного тоннеля никто так и не принял.

Мимо с ревом и клубами пыли проносились грузовики и подвижные экскаваторы на телескопических ногах. Эхо каталось по тоннелю, играя в прятки само с собой; где-то в глубине урчало и грохотало – это отрабатывали свои участки инженеры-проходчики из соседних бригад.

Петрос шел вниз, почти не сверяясь с картой.

За несколько вахт работы на данном направлении он изучил систему ответвлений как свои пять пальцев, а потому ориентировался даже без световых указателей, развешанных на поворотах специальной командой из транспортного отдела. Однако когда температура упала еще ниже, а впереди показались неосвещенные свежепрорубленные коридоры, ему пришлось включить фонарь и почаще заглядывать в лист электронной бумаги.

Поворот, еще один.

Теперь он вышагивал не по специальному проходу с пандусами для машин, а прямо по следам собственной колонны, оставленным несколько часов назад. Совсем скоро впереди открылось зарево фонарей, установленных на вверенной ему технике. Приборы на поясе молчали, не обнаруживая ни заражения, ни следов активности живых существ.

Добравшись до буровой установки и ее свиты, Петрос остановился. Осмотрел тупик и открывшийся слева провал.

Часть машин еще работала, выполняя задачи, поставленные до заминки. В частности, бетонная пушка, раздвинув во все стороны сложносоставные конечности-манипуляторы, продолжала нагнетать растворы в вертикальные потолочные отверстия, на глазах оператора создавая черновую крепь забоя. Однако там, где стена обвалилась, отметившись ошибкой на трехмерной голографической карте, грунт по-прежнему оставался неукрепленным.

Первым делом Петрос, занося отчетные мнемослайды в рабочий журнал, занялся изучением поврежденных теодолитов. С сожалением обнаружил, что базовый требует полноценной замены, а это означало отгон аппарата в гараж. Вспомогательный прибор можно было переоснастить на месте. Но в этом не было никакого смысла: его коллеги из цеха обслуживания легко проделают и эту операцию...

Все несколько минут, что мужчина провел на броне буровой машины, его взгляд притягивало к пролому. Силой воли не позволяя себе отвлекаться, он все же закончил инспекцию. Только после этого спрыгнул на землю и приблизился к темному провалу в шершавой стене будущего тоннеля. Открыл ящик на борту экскаватора, вынул несколько радиомаяков, расставил их вокруг отверстия. И подступил еще ближе, неспособный совладать с любопытством.

Согласно протоколам, он справился со своей первоочередной задачей.

Мог возвращаться, вблизи засняв причину остановки колонны и переслав информацию в центр оперативного командования стройкой. Но Петрос не спешил покидать место открытия. Так и стоял напротив пролома, нацелив внутрь яркий и широкий луч фонаря. Смотрел во мглу, не забывая коситься на экранчик радара, и ничего не мог поделать с желанием лично осмотреть открывшуюся за дырой каверну.

Еще раз связавшись с операторской кабиной и занеся в журнал очередной запрос на срочное изучение находки, он легко вскарабкался на груды обваленной породы. Обогнул торчащие из земли и бетонных обломков штыри арматуры.

Воровато оглянувшись, словно подчиненные ему роботы могли укорить своего инженера за этот легкомысленный поступок. И осторожно вошел в пролом, готовый в любую секунду включить на поясе аварийный маяк бедствия и броситься наутек.

Теперь к переполнявшему его удовлетворению щедро примешалось еще одно щемящее чувство.

Не то чтобы в добропорядочных кругах его коллег и знакомых оно считалось чем-то запретным. Нет. Но острые его проявления расценивались как проявление низкой духовной культуры. И, отчасти, мыслительной порочности. Однако сейчас Петросу на это было, в сущности, наплевать. Потому что он уже давно не испытывал такого жгучего, гнавшего вперед и ни с чем не сравнимого любопытства.

7

«Единственными представителями кошачьих, сумевших выстроить социализированное общество, остаются львы, чья популяция сегодня стремительно сокращается. Как и сотни лет назад, обязанности по «бытовым работам» в прайде лежат на самках: забота о потомстве, добыча пропитания, поиск источников воды и обустройство ночлега. В случае гибели львицы заботу о ее потомстве берут на себя товарки погибшей. При этом нужно отметить, что львы обладают зачатками механизмов сложного общения, проявляя ласку в момент приветствия знакомой особи».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Выезд из-под Купола всегда ассоциировался у Артемидия со сменой цветных стеклышек, через которые дети любят смотреть на окружающий мир. Вот он ярок и прекрасен, сверкает хромом небоскребов, сияет ограненным драгоценным камнем, комфортен, цивилизован и благополучен. И вот восьмиколесный бронированный транспорт пересекает последний рубеж, за спиной остаются шлюз и вереница КПП, и цвет стекла меняется.

Теперь он пепельный, словно запыленный, как на фотографиях с давней-давней войны или на пленках с ее же хроникой. Дома некрасивы, блеклы, убоги с архитектурной точки зрения, однообразны и стары.

Кругом кучи бытового мусора, которые местные службы не убирают или утилизируют, а просто сгребают к обочинам, чтобы не мешали движению телег и рикшей. Светофильтр меняется окончательно – гостей из метрополии встречают уныние, примитивный образ жизни пустышечников и облезлые стены многоэтажек.

Вместо псевдообъемных рекламных проекций на широких фасадах – уличные тканевые растяжки, размалеванные от руки. Вместо магазинчиков и миленьких бутиков – обветшалые

лавки и блошинные рынки, где торгуют старьем и запрещенными товарами. Вместо ресторанов, кафетериев и уютных патио – стоячие закусочные и рюмочные, где синтетическое мясо жарят на открытом огне, поливая натуральным кошачьим жиром, чтобы придать хотя бы запах настоящей еды.

Шарахающиеся от бронемашины нелюди серы лицом, скованны в движениях, замкнуты. Встав на якорь в подземельях эволюционной цепочки, там же, где застряли их предки-обезьяны, они с упорством сорняков продолжают цепляться за существование, ошибочно почитаемое ими за жизнь.

Селиванов оторвался от пуленепробиваемого стекла, откидываясь на удобную спинку сиденья.

Корпатрициант понимал, как много пользы приносят высоколобым антропологам и таксономистам из научных корпораций снующие вокруг скуднодушие. Осознавал, как нужна Новосибирску активная мусоросортировочная база, величаемая Циферблатом.

И все равно не мог отделаться от грызущего душу презрения. К стаям на улицах Кольца; к их варварскому образу жизни и способу обмена информацией; к забвению и нищете тех, кто живет под электронной линзой микроскопа.

Вон там несвежий бродяжка что-то оживленно рассказывает другому, столь же помятому судьбой. Скорее всего, первый источает ложь, присущую всем пустышечникам, ставшую их сутью и смыслом жизни. А может, замухрышка только готовится обмануть приятеля, сам того не зная: сознание примитивных весьма изворотливо и двулично, как, впрочем, и они сами.

В доме напротив, где от жары распахнуты все окна, молодой самец о чем-то шепчет привлекательной самочке. Стоят обнявшись, оцепенелые от ласк, глядя на пыльную улицу, и улыбаются, упиваясь самообманом слов о любви. Для того, чтобы узнать, что уже вечером кобель изменит подруге с ее бывшей одноклассницей, Артемидию даже не нужно прикасаться к немой коже местного жителя. Он знал эту породу, и не только благодаря нескольким выездам на награждения. Просто знал.

Серый фильтр... Серый мир...

Грязный пузырь вторичных вещей и их беспрестанного круговорота. Населявшие Циферблат существа привыкли жить в этой серости. Привыкли не замечать ее, подсознательно игнорировать, превратили в вечного спутника и союзника.

Прикосновение к чужой вещи, напитанной логосолитоном прежнего хозяина, никогда не оставит в их недоразвитых мозгах горячего отпечатка. Никогда не расскажет истории, не передаст эмоций, не наделит силой или негативной энергией, которую на Кольце именуют проклятием. Этим синантропы и пользуются, словно малые дети, волокущие в рот все, до чего дотянутся, и не помышляющие о вредных микробах или вирусах. Меняются вещами, продают их и покупают, дарят и подбирают на улицах, такие счастливые в своем неведении...

«Четыре минуты до точки высадки. – В не по-армейски комфортабельном салоне бронемашины вспыхнул светомыслительный сигнал, переданный водителем по внутренней связи. – Рекомендация к последним приготовлениям».

На Селиванова эта информация подействовала как ведро холодной воды после парилки.

Встрепенулся, собрался, придирчиво осмотрел спутников. Несмотря на то что Артемидий отправлялся на награждение уже в четвертый раз, он еще не потерял азарта к преследованию пустышечников. Не то что высокие корпатрицианты из Министерства Управления Промышленностью – те на вылазки отправлялись неохотно, словно делая одолжение. Ходил даже слух, что где-то дюжину циклов назад один из выигравших путевку толстобрюхов передал ей своему полусупругу...

Особенную пикантность предвкушению добавляло присутствие следопыта, украсившего прошлое приключение Селиванова. Настоящего следопыта, матерого, почти переступившего порог «гамма», несмотря на юный возраст. И пусть ее услуги обходились

Артемидию дороже содержания целого общежития полусупруг, он точно знал: дело того стоит.

Остальные члены жюри, готовые выписать выигрышный билет некому Павлу Сорокину из Трехчасового Сектора, вдумчиво готовились к высадке. Следопыт Клеоника, дистанционному оружию предпочитавшая ножи и ручные тазеры, все же зарядила психокоррекционный станнер, забросив его в специальную кобуру на спине. Леонидас довольствовался полуавтоматической охотничьей винтовкой и пистолетом под мышкой, рассчитанным на несколько типов боеприпасов.

Федот, четвертый боец отряда, уже участвовавший в награждении вместе с Селивановым, так же, как в прошлый раз, был увешан самым разным оружием. От икр до самой коротко остриженной макушки. Впрочем, если позволяли внушительная физическая комплекция и количество слотов на бронекомбинезоне, отчего бы и нет?

Пятым членом жюри был совсем молодой Дионисий. Новенький в команде, но перспективный и надежный, если верить мнемослайдам Бродова. Заменял ликтора, в трех местах сломавшего ноги во время погони прошлого награждения. Оттого всю дорогу в глазах новичка светилося – для прочтения этого даже не нужно было вступать в тактильный контакт: «Я не подведу, патрон, можете на меня положиться!» Чтобы изучить поступавшие от Дионисия волны, Артемидию вовсе не требовалось быть альфа-эмпатом. Он и без того ощущал металлические нотки боевой готовности, излучаемые парнем.

«Две минуты», – сообщил пилот бронемашин.

А из крыши тут же выдвинулась обтекаемая башенка управляемых изнутри пулеметов, напоминавшая пустышечникам о сохранении благоразумия.

Сидящие внутри опустили зеркальные забрала тесных, повторяющих форму черепа шлемов. Активировали акустические фильтры, блокирующие речь обитателей Циферблата. Оставался риск, что во время погони тонкая электроника выйдет из строя или кто-то из нелюдей использует незапротоколированный тембр, нанеся урон геному охотника, но такая вероятность только подстегивала азарт...

Подняв руку к высокому воротнику усиленного броненитью комбинезона, Артемидий включил дистанционный передатчик логосолитонов, настроенный на общую волну. Не громоздкий и неудобный, какие стоят в любой квартире или офисе Новосибирска, а миниатюрный, едва заметный под тканью – последнюю разработку оборонных корпораций.

Эти пять желеобразных, но не теряющих формы полусфер, закрепленных над левыми ключицами членов жюри, были, пожалуй, самым дорогим оборудованием комитета награждения. После того, как группа вернется под Купола и срок аренды подойдет к концу, корпатрицианту предстоит также профинансировать непростую процедуру по чистке передатчиков.

«Место высадки. – Он ощутил, как водитель, вклинившись в волну отряда, передал яркую мыслеформу, сопроводив ее визуальным образом. – Выгрузка по готовности».

Защелкали винтовочные предохранители, загудели прыжковые батареи, встроенные в подошвы массивных ботинок. Сквозь акустические фильтры, способные выдрать из сонма аудиальной информации мерзкую речь скуднодухих, наполнявшие салон звуки казались чистыми и яркими, как первая наледь на оконном стекле.

«Следовать за мной, – на общей линии связи распорядился Селиванов, открывая аппарат бронемашин и первым выпрыгивая наружу. – Лео прикрывает спину, Клеоника находится за ним; Федот занимает правый фланг, Дионисий левый».

Броневики разродились двумя увесистыми шарами цвета старинного серебра. Выкатившись из-под днища, вспомогательные роботы с лязгом трансформировались в паукообразных созданий, переходя в режим автоматической проверки систем.

Под забралом корпатрицианта ударил ураган запахов: пыль, вонь пригорелого жира, мочевины, пот, несвежая одежда и немытые волосы, деревянные стружки и клей древесных плит, разгоряченный солнцем примитивный асфальт, испражнения редких тягловых животных и машинное масло, которым местные обмазывались для отгона агрессивных

грызунов.

Возможно, ольфактопату высокого уровня эта информация бы многое рассказала о районе Двух Часов и его обитателях. Но у Селиванова пощечина запахов вызвала лишь очередную волну брезгливости.

Бронемашина, как было спланировано заранее, остановилась на окраине крупного вещевого рынка – одной из центральных площадок всего Сектора. Большинство покупателей, издали заметив хищный восьмиколесник, предпочли ретироваться в подворотни и ближайšie многоэтажки. А вот продавцы, не успевшие свернуть торговлю и замуровать жестяные контейнеры, из которых продавали хлам, остались на местах, словно парализованные ярким светом звери. Каковыми, впрочем, и являлись...

На крышах рынка, занимавшего целый район, виднелись хмурые охранники.

Откровенные бета-самцы, приставленные наблюдать за стадом травоядных; недальновидные, но сильные, исполнительные и злые. Приближаться к краю ареала не спешили. Наблюдали за прибытием людей издали, демонстративно спрятав оружие за спины, чтобы не быть уличенными в невольной агрессии.

Выдвинув из-под забрала щиток дыхательного фильтра, другой рукой Артемидий забросил на плечо силовой метатель, которому на охоте отдавал предпочтение перед любым иным оружием. Улыбнулся, дрожа от нетерпения. Он хорошо представлял себе, как члены жюри выглядят со стороны: рослые, затянутые в светло-зеленые бронекомбинезоны; обвешанные оборудованием для награждения; сопровождаемые полумразными механическими гончими; скрывающие лица за слепящими полосками кевларопластика.

Пустышечники оцепенели, боясь сделать лишнее движение. Должно быть, так американские индейцы косились на закованных в железо конкистадоров, поражаясь их божественному величию.

Неспешным шагом люди двинулись вперед.

Пользуясь электронным прицелом в забрале шлема, Артемидий всматривался в лица нелюдей, старательно выискивая малейшие признаки угрозы или желания поделиться информацией. Скучнодушие за лотками походили на статуи, неподвижные статуи испуганных существ, застигнутых врасплох.

Вот один отвернулся, прячась в недрах контейнера, словно это ему выпала честь выиграть «оранжевый билет». Еще двое поспешили скрыться в боковом отвороте, оглядываясь через плечо, как если бы по ним могли открыть стрельбу.

Ориентируясь по данным службы наблюдения, Селиванов уверенно вел своих бойцов сквозь рынок, приближаясь к месту работы Сорокина. Бронемашина, вертя пулеметной башенкой, осталась на окраине; одинокая в своеобразном круге отчуждения, образованном разбежавшимися местными.

Контейнер, в котором, по данным зондов-наблюдателей, работал победитель, оказался пустым. Лишь суетился за прилавком тучный носатый самец с провалами выбитых зубов, что-то свистяще бормочущий под нос и то и дело всплескивающий пухлыми лапками. Судя по всему, проводил пересчет продукции, и результаты инвентаризации его явно не удовлетворяли...

Заметив жюри, он испуганно выпорхнул в торговый переулок, что-то торопливо и сбивчиво залепетав. Фильтры, настроенные на речь пустышечников, исправно гасили вербальный мусор, которым тот осыпал Артемидия и его команду.

Догадавшись, что его не слышат, носатый замер, покорно опустив руки.

Приблизившись, корпатрициант протянул тому лист электронной бумаги. Единственный лист, на котором были размещены несколько фотографий победителя, сделанных летающими зондами ученых, а также краткая биография, которую предоставила Капитель.

На лице беззубого отразилось понимание.

Глаза вспыхнули звериной злобой. Но уже через мгновение Артемидий понял, что эта злость нацелена не на охотников – вероятно, Павел Сорокин сумел чем-то лично досадить

толстому носатику. Переведя взгляд с фото на непроницаемый шлем человека, тот обреченно пожал плечами и неопределенно взмахнул рукой. Со всей очевидностью он не знал местонахождения победителя, хоть и был с ним знаком. Попятившись, затравленно обернулся, в глупости своей ожидая несправедливого наказания. Что ж, некоторые корпатрицианты, выигрывавшие путевки, иногда наказывали нерадивых помощников, хоть Селиванов таковым и не был...

За спиной произошло движение.

Обернувшись, Артемидий увидел пожилого сутулого нелюдя, выбравшегося из лотка с тканевыми рулонами. На того, застывшего под прицелами трех винтовок, было жалко смотреть: поникший, понурый, измотанный непростым существованием. Тем не менее желающий помочь. Это чувствовалось даже на расстоянии и даже через бронеткань комбинезона. Обернувшись еще раз, корпатрициант обнаружил, что носатый хозяин лотка, в котором торговал победитель, трусливо исчез.

Сутулый тем временем уходить не торопился.

И терпеливо ждал, несмотря на переполнявший его ужас. Протянул костлявую руку, указывая на фотографию Сорокина, что-то сказал. Указал на запад, в дальний конец рынка. Выдал еще одну беззвучную тираду. Вероятнее всего, собирался доложить жюри, куда подался беглец, отчего сердце Артемидия забилось чуть чаще.

Перегнав властный логосолитон в примитивный внешний передатчик, звуков которого сам слышать не мог, глава комитета трансформировал мыслеформу и бросил сутулому одну-единственную фразу:

– Сорокин вещь собственность.

Механический голос, усиленный динамиками костюма, разлетелся над торговым кварталом, заставив пустышечников поморщиться и с недоумением взглянуть на старшего ловчего. Так домашняя кошка смотрит на своего хозяина, когда тот самозабвенно мяукает ей, находя это забавным...

Наконец, сообразив, чего хотят от него люди в охотничьих костюмах и с оружием наперевес, сутулый метнулся в лавку Сорокина. Снял с проволочного крючка небольшой радиоприемник на солнечных батареях, раболепно передал Селиванову. Тот, покрутив примитивную вещичку в руках, тут же перебросил ее Клеонике.

«Отпечаток, – почти сразу отчиталась следопыт на общей волне. – Четкость высокая. Вещь не принадлежала победителю, но он часто пользовался ею. Начинаю установку следа».

Сутулый самец, по-прежнему не поднимая глаз, еще раз ткнул пальцем в западном направлении. Спешно вернулся к лотку с тканями. Исходящие от него волны забитой услужливости и волевой скованности Селиванов чувствовал даже сквозь экранирующую материю комбинезона.

Но юркнуть за прилавок осведомителю не позволила все та же Клеоника.

Прыжком оказалась в шаге. Сдернула армированную перчатку и быстрым движением прижала ладонь ко лбу скуднодухого. Жест смелый, достойный только небрежливых, но за это следопытам и платили...

«Победитель обокрал хозяина, – протранслировала девушка Селиванову и другим членам жюри, без труда считав неказистые мнемозмоции торговца брезентом. – Четверть часа назад. Взял чужие вещи и скрылся в направлении Куполов. След взят, можем продолжать движение».

Корпатрициант улыбнулся, сделав остальным короткий знак на языке военных.

Перехватив оружие, они зашагали по проходу между контейнерами, ускоряясь и занимая боевую формацию. От Дионисия тут же разошелся веер алого удовлетворения, помноженного на багровый азарт и лазурную боязнь неудачи. Леонидас улыбался, о чем сообщал его цветовой фон; Клеоника погрузилась в мрачную уязвимую сосредоточенность.

Сотрудники сил Самообороны Циферблата, разряженные в черно-желтые куртки и такие же бронежилеты, отворачивались, делая вид, что совершенно не замечают охотников. В их обязанности входило обеспечение безопасности мирных гражданских нелюдей,

способных угодить под пулю, но ни один из патрульных не спешил вмешаться в начавшуюся погоню даже словом.

Артемидий и его люди бежали все быстрее. И все больше попадалось на их пути тех, кто, потратив миг на подобострастное осознание, покорно вытягивал руку. Вытягивал, в очередной раз подтверждая направление, по которому следопыт вела группу.

8

«Именно птицам из семейства врановых, в частности – роду Pica Pica, ученые должны быть благодарны за доказательство того, что не только млекопитающие обладают способностью к узнаванию. Несмотря на то, что птицы не имеют неокортекса, отвечающего за высшие нервные функции, первые эксперименты наших немецких коллег над сороками еще полвека назад доказали, что те демонстрируют высшие проявления человеческого умения узнавать себя в зеркале, развивавшиеся параллельно с известной эволюционной историей позвоночных. Благодаря этому открытию сорока была поставлена в один ряд с такими высокоинтеллектуальными млекопитающими, как обезьяна или дельфин».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

План стал трещать по швам через каких-то пятнадцать минут.

Ничтожных пятнадцать минут, в течение которых Сорока почти поверил, что его замысел удался. А ведь он почти все предусмотрел, и если бы лишь чуточку раньше сорвался с места... Впрочем, если бы у бабушки был зеленый хвост, она была бы крокодилом...

На его след сели, едва парнишка успел покинуть рыночный квартал.

Нет, он не сразу заметил своих преследователей, безжалостных прямоходящих хищников. Но по гулу голосов, завертевшемуся над контейнерами, словно взметнувший листву осенний ветер, мгновенно догадался, что за ним идут.

И тут же понеслось совсем рядом, едва ли не обгоняя: шепотки, вытянутые руки, приоткрытые рты. И новые шепотки. Люди на тротуарах, на балконах и в закусных под открытым небом... все они смотрели, запоминали, становились причастными.

Кто-то хлопал в ладоши, узнав обладателя «морковки» и желая поддержать. Незнакомая девушка в окне второго этажа задрала майку, качнув обнаженной грудью, подбадривая его криками и задорным свистом. Стайка мальчишек устремилась следом, бросаясь мелкими камнями, но без особенного энтузиазма, вскоре отстав.

Многие прохожие качали головами. По большей части облегченно, и по этим жестам и беззвучно шевелящимся в молитвах губам Сорока узнавал таких же, как он сам, участников Лотереи. Хотя нет, не таких же... Эти счастливицы, возможно, никогда не выиграют: ни один билет, ни другой. А он «выиграл». И теперь бежит, сопровождаемый сотнями взглядов.

Он никогда не мог похвастать, что обладает богатой фантазией или умением видеть вещи с разных сторон. Но сейчас – столь же неожиданно, как услышал в голове голос потерянного отца, – вдруг представил себя, словно бы с бесшумного летательного зонда. Сверху и чуть сбоку, четко-четко, в малейших мелочах и деталях, как в старом кино высокого разрешения. Не хватало только тревожной, нагнетающей напряжение музыки и, может быть, закадровых комментариев...

Его несло по городу, словно бумажный кораблик полноводным весенним ручьем,

заставляя протыкать Двухчасовой Сектор от границы к границе. За спиной шумел народ, как если бы он двигался сквозь спящую птичью стаю, испуганно пробуждавшуюся по мере его продвижения. Для того чтобы понять, что охотники уже миновали рынок и движутся по тесному лабиринту Циферблата, не нужно было ни оборачиваться, ни обладать мощным радаром.

В боку начало колоть.

Люди, как сочувствующие беглецу с обочин и из окон, так и запоминающие его маршрут для выдачи молчунам, постепенно превращались в размытые силуэты. Безликие силуэты статистов, принявших участие в последнем бенефисе Павла Сорокина. Рюкзак за спиной начинал наливаться угрюмой каменной тяжестью, и все чаще на краю сознания проскальзывало раздражение, что он набрал слишком много лишнего. Не то чтобы перед Сливоносым неудобно, но это же откровенный балласт!

В переулке справа закричали.

Расколосось что-то массивное и стеклянное, следом прогремел приглушенный взрыв. С грохотом и характерным шелестом шифера провалилась крыша приземистой шестизэтажной халупы, в которой не рисковали висеть даже отмороженные наркоманы.

Затравленно обернувшись, Сорока прибавил ходу, с быстрого шага переходя на легкий бег.

Они совсем рядом! И бегут по крышам!

Конечно, он предполагал, каким современным оборудованием и снаряжением могут обладать застекольщики. Однажды, совсем маленьким, он даже наблюдал одну из церемоний «награждения», когда стая первоклассно экипированных нелюдей пришла в Семичасовой Сектор, где жила семья Сорокиных. В костюмах, которые и не всякой пулей-то взять. Со специальными прыжковыми усилителями, позволявшими с легкостью брать высоту до десяти метров. С радаром и сканерами, подручными механизмами слежения и воздушной разведки. С оружием, способным парализовать человека, отняв один из самых драгоценных даров – умение говорить. Умение кричать, звать на помощь, умолять или слать проклятья на головы убийц...

На бегу, расталкивая встречных, провожавших его криками недовольства или пожеланиями удачи, Сорока вспоминал все, что когда-либо слышал об охотничьих отрядах парниковых вырожденков.

Говорят, среди них встречались уникалы, способные считать «отпечаток» человека с любого предмета. Высосать информацию о его владельце с помощью невидимых и необъяснимых материй, суть которых понимали только сами жители Пробирок. Считалось, что самые умелые могут прочесть ее даже в следах, оставленных беглецом.

Старики говорили, что выглядит это...

Впрочем, откуда они вообще могли знать, как это выглядит? Но они говорили и говорили, шепотом передавая знания из поколения в поколение – для молчунов это выглядит как яркие люминесцентные пятна на фоне пестрой цветовой палитры иных «отпечатков», оставляемых обитателями Циферблата. И если существо из Теплиц возьмет такой след, оно не собьется, пока не приведет стаю к его обладателю.

Сорока бежал, ощущая, как болезненно давит в живот двадцатизарядный «Рогалев», заткнутый за ремень. Парень, еще пару часов назад мирно торговавший на рынке, а теперь превратившийся в вора и приговоренного к смерти, ощущал себя щепкой, которую сточные воды гонят к канаве, где та найдет свой последний приют, догнивая день за днем. Страх, плескавшийся в душе, все громче нашептывал, что украденное оружие пора обнажать, снимая пистолет с предохранителя и досылая патрон в ствол...

В голове стучали мысли.

Как в жестяной банке, на треть заполненной галькой, а затем брошенной в стиральную машину. Что еще он знает об охотниках, наседающих на пятки? Они отлично вооружены, и если хотя бы один из них выйдет на линию огня, дурацкая игра, затеянная Сорокой, тут же оборвется. Впрочем, по тем же слухам, многие из них предпочитали действовать вблизи,

упиваясь «награждением». Хотя немало поговаривали и о тех, кто выбирает крупнокалиберное оружие, не щадящее ни жертву, ни находящихся вокруг.

Может быть, эти захотят стреножить его, а потом хладнокровно, что присуще всем нелюдям, добить прямым выстрелом в голову? Может быть. Сорока мог лишь терзать себя догадками, а потому продолжал бег, наблюдая, как тараканами снуют по укрытиям и закоулкам невинные гражданские. Такие же невинные, как он сам. Но более удачливые. Или благоразумные настолько, чтобы не вступать в жестокую Лотерею, с одинаковой легкостью возвышающую бедняков и так же легкомысленно отнимающую их жизни.

Его, конечно же, сдали.

Указали ловчим направление, ткнули рукой в нужную сторону.

Может быть, кто-то шустрый и желающий выслужиться даже сбегал в квартиру компаньонов, чтобы принести личную вещь Сорокина. Как собакам, которые нюхают рубашку жертвы, чтобы уловить ее запах через тысячи метров от цели... Думать, что коллеги по рынку станут держать языки за зубами, особенно после наглого обворовывания Вардана, было глупо. Тот, скорее всего, первым же на сотрудничество и пошел, сизоносый урод!

Плутая по переулкам, расталкивая пешеходов, велосипедистов-курьеров и едва не переворачивая передвижные лотки с печеной снедью, Сорока ускользал прочь от базара, с каждым новым шагом дыша все тяжелее. А он, тупица, еще планировал успеть заскочить домой. Подбросить Ливню немного денег из кассы носатого. На жизнь в одиночестве, так сказать. Рассчитывал даже пару строк прощания чиркнуть, вот ведь какой безграничной бывает наивность...

Первая пуля ударила в бетонный угол бывшего торгового центра прямо над головой Сороки.

Даже не пуля – сгусток энергии, резанувший по глазам синеватой вспышкой. Волоски на руках приподнялись, ноги стали тяжелее килограммов на сто, а затылок онемел. Парализующие заряды, как пить дать!

Не позволяя себе обернуться, Сорока прыгнул за оплавленный угол, прибавляя скорость сквозь волну сковавшей тело боли. Он лучше сдохнет сам, выблевав порванные легкие, нежели подарит вырождакам возможность спокойно провести вручение «морковки». Пустая улица впереди – разбросанные детские игрушки, солнечный зонт, тележка велорикши – гостеприимно распахнула объятия. Он бросился мимо нее, не заметив, как в руке оказался массивный, но великолепно сбалансированный «Рогалев». Готовый к бою.

Бежал зайцем, как это называла мама, петляя и укрываясь под натянутыми над тротуарами тентами. И уже через секунду удивил себя повторно: развернулся прямо на ходу и трижды выстрелил в угол пустого торгового центра.

Да, ответная стрельба только подхлестнет охотников. Заставит парниковых ублюдков поверить, что «награждение» станет ярким, захватывающим, огрызающимся. Но и пыл остудит, убедив сбавить ход и не лезть на рожон.

По нему снова принялись стрелять.

Слева сверху, то ли с крыш, то ли из недр полупустого многоквартирника. И тут же справа, из параллельных переулков, по которым тоже кто-то несея. Кто-то тяжелый, быстрый, обращавший в труху препятствия в виде фанерных ларьков или рикшевских тачек. Из-за спины тоже ударили – в дощатый щит, закрывавший выстекленную когда-то витрину, с визгом и облачками пыли вонзились три металлических диска, пущенные из силового метателя.

Сорока взвыл, выплевывая проклятья.

Яростно замотал головой, с парадоксальной двуличностью отказываясь верить в происходящее и одновременно выискивая надежное укрытие, в котором сможет дать последний бой. Стреляли, как и он сам, неприцельно. Клади заряды винтовок рядом, сознательно и умело корректируя его маршрут; загоняли туда, где высились яркие, горами самоцветов сверкающие Купола.

Он выстрелил еще пару раз.

Почти в воздух, не рискуя целить по окнам, где еще могли оставаться горожане, врасплох застигнутые в своих квартирах появлением охотника. А Инкубаторы впереди действительно надвигались, вдруг заставив Сороку задуматься, что произойдет, когда он достигнет границы Циферблата. Мелькнула шальная мысль рвануть к автоматическим пушкам обороны Заповедника, таким образом украв «награждение» у корпоративных псов и избежав греха самоубийства. Мелькнула – и погасла...

Теперь он видел как минимум троих палачей, приехавших из Теплиц по его душу. Один действительно находился внутри обветшалого кондо по левую руку. Продвигался по пятому этажу прямо сквозь гипсокартонные перегородки и часто постреливал в окна.

Еще двое следовали точно по маршруту Сороки, той самой гостеприимной улицей, что в тесном Циферблате тянула на звание проспекта. Короткими перебежками нелюди сокращали дистанцию, прячась в подъездах и за ржавыми остовами брошенных сто лет назад автомобилей. Стреляли редко, причем огонь открывал только один из молчунов; второй преследователь вообще не обнажал притороченного к спине жуткого агрегата.

Лабиринт опустел окончательно.

Забились в норы перепуганные рейдом люди. Поспешили убраться прочь желтопузые, призванные следить за безопасностью зрителей. Не осталось даже зевак на крышах, до этой минуты заключавших ставки, как долго продержится обладатель «морковки».

Залпы сразу из двух стволов заставили Сороку метнуться к основанию здания, в котором засел один из ловчих. Били справа, через проспект, невидимые невооруженным глазом, обогнав парня и устроив засаду. Стреляли, впрочем, опять не на поражение. Это он успел осознать, опрокидывая пустые баки для уличных костров и вкатываясь в вонючий переулок – пули ложились на шербатый асфальт рядом, но нарочито в стороне, продолжая гнать «дичь» в нужном направлении...

Над головой, вышибая окно кондоминиума и одним прыжком влетая в балкон соседнего дома, промелькнул силуэт. Под ноги упало, зашипело, задымилось. Кашляя и отплевываясь, Сорока еще несколько раз выстрелил по укрытию, из которого давили огнем. Не веря ушам, расслышал короткий вскрик, после чего ответная стрельба прекратилась. Однако газ, валивший из сброшенной сверху гранаты, не позволил насладиться триумфом: парнишка опять бросился бежать, жадно хватая чистый воздух распахнутым ртом...

От него отстали минуты через две.

А может, сразу после брошенной дымовой плетки, Сорока точно не знал. Лишь через какое-то время убедился, что в спину больше не стреляют, а вокруг стоит такая тишина, что слышно работающее через два квартала радио. По нему, кстати, все тот же обдолбанный ведущий вел почти прямую трансляцию погони, основанную на показаниях очевидцев.

Остановившись и прислушавшись, беглец без сил уперся ладонями в колени. Дышал так, словно вынырнул с пятнадцатиметровой глубины. Затем его вырвало, фактически одной бодрячковой желчью, отчего во рту и на душе стало еще поганее. В ушах колотило, глаза чесались от газа выродков, на правой пятке зрела жирная мозоль, плечи болели под тяжестью рюкзака.

Почему они остановились?

Водички попить? Растянуть удовольствие или разработать новую тактику? Свериться с картами? Сорока не знал, да и не особенно хотел. Хотя нет, враки – хотел! Он бы дорого дал за то, чтобы узнать, как дальше собираются действовать его убийцы... А может, ловчие отстали, чтобы перевязать раненого, которого он – нищелюб и раздолбай из Циферблата – умудрился-таки подстрелить из краденого пистолета? Пусть теперь насладится погоней, сукин сын, когда станет истекать кровью!

В узкой полоске неба, болезненно зажатого шершавыми стенами близкостоящих домов, проплыл плоский разведывательный зонд. Парящий скат с корпоративной маркировкой на блестящем пластиковом боку. Покружился, блестя объективами камер и чутко шевеля жерлами сканеров. Скрылся из виду.

Все еще не в силах отдышаться, марафонец поневоле отбросил полупустую обойму

«Рогалева». Вытянул из кармана полную. Уронил, наклонился поднять и чуть не упал на колени. Кое-как зарядил пистолет. Заставил себя сделать новый шаг. За ним еще один. И снова побежал, пытаясь сориентироваться в малознакомых переулках Сектора...

Последние надежды таяли, словно кусок маргарина на раскаленной жаровне: по всему выходило, что молчуны гнали Сороку в тупик. Прямо к основанию одной из Пробирок, к смертоносной демаркационной линии, пересекать которую в здравом уме не согласится ни один житель Циферблата. Значит, все же остается лишь финальный бросок на пулеметы? Пусть удавятся, дерьмоголовые, когда поймут, как сильно просчитались...

Ни одно из окружающих зданий в качестве укрытия, конечно же, не годилось. Во-первых, Сорока четко осознавал, что в многоэтажке его молниеносно зажмут со всех сторон, выследив по психотепловым следам. Да еще и благодарные свидетели выдадут: никому не хочется ждать, пока охотничья свора стрельбой и гранатами выкурит жертву, решившую спрятаться именно в их здании.

Во-вторых, несмотря на запущенный вид домов, многие квартиры были заселены. Такими же, как он и Ливень: не совсем уж нищими, но и неспособными купить или снять апартаменты в зданиях с работающими водопроводом или исправными лифтами. А подвергать опасности невинных Сорока не хотел. Даже сквозь щемящую зависть к их благополучному существованию, которое продолжится и завтра...

Под ногами хрустел мусор – битое стекло и пластиковые упаковки фабричных пайков, производимых на предприятиях Застеколья. В легкие будто залили кипящего олова, у парня кружилась голова и заплетались ноги. Но он все равно заставлял их двигаться, стараясь как можно сильнее увеличить разрыв между собой и кровожадными нелюдьми.

Еще через несколько минут по нему снова начали стрелять.

Автоматная очередь перечеркнула проезжую часть слева, недвусмысленно давая понять, что в выбранный переулок ход заказан. Сорока метнулся вправо, споткнувшись и едва не рухнув на кучу битого кирпича. Охнул, вскинул пистолет. Обернулся, но целей не обнаружил.

Где-то над головой закричала женщина. Что-то хлопнуло, с треском обвалилось. Дважды выстрелив наугад, бывший продавец Сливноного Вардана бросился в единственно возможный проулок, проклиная себя за трусость и малодушие.

Впереди вскинулись к летнему небу Купола – один за другим, разновысокие, похожие на великанские пчелиные соты, обработанные фрезой до состояния полусфер. Сверкающие, неприступные, холеные. И территория отчуждения перед ними, похожая на полосу выжженной земли, – зона безопасности, пересекать которую жителям Циферблата запрещалось под страхом расстрела.

Над демаркационной линией проплыл знакомый корпоративный зонд, прицеливаясь в «победителя» трубками сканеров. Из жилого дома за заасфальтированной площадкой, где когда-то парковались машины, с лязгом и жужжанием выкатились два наземных шарообразных робота. Выдвинули лапки-манипуляторы, угнездились на краю парковки и застыли, наблюдая за строптивой мишенью.

А слева и чуть впереди, нависая над перекрестком и закрывая от взора немалую часть «тепличного» Новосибирска, покосившимся бетонным столбом взметнулось здание брошенного делового центра – массивное, угловатое, с торчащими из стен обломками монорельсовых дорог и огромной буквой «М» на одном из фасадов.

Сорока замер всего на мгновение.

Лишь для того, чтобы вспомнить, что в брошенном метро, большая часть входов в которое была забаррикадирована, не рисковали ночевать даже самые отъявленные отщепенцы, скрывающиеся от желтобрюхих. Сигнал угрозы, прозвучавший в мозгу, еще не успел сформироваться во что-то осмысленное, предостерегающее. А парень уже летел ко входу в купеческие палаты, прямо на бегу разряжая себе за спину почти полную обойму «Рогалева».

Синтетического машинного масла он, конечно, внутри не найдет. Но хищные крысы

сейчас – проблема вторичная, меркнущая перед крысами двуногими, наверняка уже решившими, что охота подходит к финалу...

Позади кто-то выпрыгнул из окна восьмого этажа.

Посыпалось битое стекло. Зашипели прыжковые усилители и амортизаторы, по асфальтовому полю прокатился глухой удар приземления. Шарообразные подручные молчунов тут же дезактивировали режим наблюдателя, спешно покотив наперерез жертве. В иссохший остов грузовика ударил десяток металлических дисков, каждый из которых мог с легкостью снести голову человеку. Край глаза зафиксировал размытую тень: справа кто-то приближался по дуге, посверкивая полосками обнаженных клинков.

Но Сороку уже было не остановить.

Сейчас он видел окружающий мир в самых незначительных, повседневно не замечаемых мелочах и нюансах. Различал беспокойное марево над разгоряченным растрескавшимся асфальтом. Чувствовал едкий запах собственного пота. Обращал внимание на сотни жизнерадостных бликов там, где луч солнца разбивался о гексагоны ненавистных Теплиц, дробясь и расплескиваясь.

Еще раз метнувшись из стороны в сторону, Сорока на пределе сил пересек заброшенную стоянку.

Одним невероятным прыжком перемахнул ярко-желтые предупредительные барьеры-козлы сил Местной Самообороны, выставленные в провалах дверных кабин делового центра. Поскользнулся на гладком стеклобетоне пола, машинально нажав на спусковой крючок «Рогалева» и только благодаря пустой обойме не продырявив себе бедро.

Разгоняя вековую тишину частыми хлопками шагов, второй победитель Лотереи понесся по безлюдным и пыльным холлам мертвого здания, на ходу высматривая старые покосившиеся указатели.

9

«Пастух, воин и заботливый член племени, обладающий хорошей памятью и способный к элементарным арифметическим действиям. Научно доказано, что перечисленные качества принадлежат не только древнему скифу, но и обыкновенному муравью. Выстроив микрокосм, в котором пасут домашний скот, казнят ленивых фуражиров и заботятся об инвалидах, муравьи создали уникальнейший мир, тесно сосуществующий с миром человека. Так похожий на него, и столь же иной. Не менее, чем перечисленные особенности этого насекомого, до сих пор поражают умения муравьев проводить выборы маток путем организации ритуальных схваток-дебатов, после чего проигравшая партия навсегда выселяется из общего дома».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

**ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

Эльдар Котляков,

2064 год

На какой бы стадии своего развития ни находился человек, в самых потаенных чуланах его души всегда найдется место первобытно-оцепенелому почитанию темноты и одиночества в ней. Даже не пытаясь облекать мысли в упорядоченные логосолитоны, Петрос аккуратно пробирался по просторному тоннелю, испытывая странную помесь страха, преступного азарта и совершенно наивного любопытства.

В отличие от современных разработок в области тоннельного строения и возведения подземных объектов, находка его проходческой колонны казалась немыслимой архаикой.

Своды были исполнены в одном из ранних типов армированного пенобетона; в качестве каркаса использовались металлические ребра, когда-то применяемые с неумным расточительством. Столь же примитивными и смешными казались Петросу три рельса одноколейной линии метро, вместо направляющего полотна поставленные на частые бетонные шпалы.

Кое-где, не выдержав осады временем, в едва скругленном потолке зияли бреши. Сквозь них просыпалась жирная земля, местами образуя посреди тоннеля настоящие горы и завалы. Провода, которые инженер рассмотрел через пролом, тянулись не только вдоль стен, но и над головой: многочисленные, обвислые, зачастую с потекшей или сгрызенной химерами изоляцией. В технических нишах и ответвлениях клубился пыльный мрак, еще более непроглядный и таинственный, чем в основном проходе.

Петрос сделал еще десяток осторожных шажков вперед.

Под каблуками скрипело и крошилось. Да, тут действительно будет чем поживиться корпоративным археологам. Многое пойдет в дело, обретет новую жизнь: в работу и переплавку отправятся и кабели, и старое железо, и доисторические шпалы. А если повезет, они даже наткнутся на старинный состав, который можно будет выставить в музей или превратить в авангардный бар.

Луч мощного фонаря сиротливо шарил по стенам, не позволяя оценить истинные масштабы открытия. Темнота, окружавшая Петроса, была необычайно плотной, почти осязаемой на ощупь. Она подкрадывалась со спины, стоило человеку лишь повернуться, чтобы настороженно бросить луч в другую сторону.

Настоящего страха при этом оператор колонны не испытывал. В конце концов, зачем бояться темноты, когда нужно страшиться тех, кто в ней обитает? Но радар молчал, датчики загрязнения атмосферы – тоже, а станнер на боку не давал пульсу сорваться в лихорадочную барабанную дробь.

Отойдя от пролома еще на пару десятков метров, Петрос на всякий случай обернулся, взглядом находя дыру в привычный ему мир. Вон он, остался позади, подсвеченный прожекторами строительной техники, нацеленными внутрь обнаруженного тоннеля. Убедившись, что в случае угрозы достигнет спасительного пролома за считанные секунды, мужчина двинулся дальше.

Подземелье было очень темным. Не имело ни единого источника света, если не считать света фар машин за спиной или желтого пыльного столба, растущего из руки Петроса. Но оно не было немым. Далеко впереди, едва слышно, бежала вода, через равные интервалы времени до инженера доносилась мерная дробь капли. Гулял по ветке затхлый шумный ветерок, рожденный где-то снаружи, возможно, даже в пределах Циферблата, но постаревший к сердцевине тоннеля. Он пытался что-то насвистывать, блуждая по техническим отсекам в стенах, но делал это печально, очень тихо. Что-то гудело на одной низкой, почти басовой ноте, причем установить источник гула или его местонахождение оператор затруднялся даже приблизительно...

А еще в темноте что-то скреблось, и оператор буровой техники мог предположить, что именно.

Однако стоило навести фонарь туда, где только что скрежетали по бетону россыпи острых алюминиевых веток, как те замолкали, пытаясь убедить человека в иллюзорности своего существования. Радар честно молчал. Ни мелькнувшей тени, ни размытого силуэта, ни писка не окружало чужака: если четвероногие обитатели и населяли подземелье, от спустившегося в их королевство человека они предпочитали держаться подальше.

С каждым шагом все сильнее удаляясь в дремотное забвение, Петрос убеждался, что попал не в обычную систему метрополитена. Их-то в Новосибирске по пальцам пересчитать, все наперечет известны, на карты занесены, в схему развития подземных трасс включены и надежно изолированы.

Тут же, на глубине чуть большей, чем рыли предки-метростроители, крылась постройка резервная, наверняка секретная, на отдельные фрагменты которой время от

времени и натыкались производственные корпорации города.

Гордый своей находкой, инженер продвинулся еще на двадцать шагов.

И наткнулся на перрон, приподнятый над рельсовой дорогой метра на полтора.

Луч пробежался по стене, с которой обсыпалось больше половины покрывавших ее светлых керамических плиток. По остаткам объемного панно «ище-2», тысячи циклов назад встречавшего гостей короткого перрона. По дверным проемам, ведущим внутрь подземной метробазы, по бетонным щелям бойниц, выглядывавших в тоннель так, чтобы простреливались подходы...

Так и есть. Резервная ветка, убежище на случай большой войны, от которой никто не успел убежать. Метро под метро, город под городом, компактный, оснащенный всем необходимым и готовый спрятать избранных. В таком нетронutom состоянии, как вторая станция «Мочище», археологи или строители пока не находили ничего.

Закрепив фонарь в наплечном зажиме комбинезона, Петрос еще раз проверил показания датчиков загрязнения. Убедившись в безопасности воздуха, ухватился за край перрона. Подтянулся на руках, забрасывая себя наверх. Поднялся в полный рост и машинально отряхнул испачканные колени. Приборы молчали, так же, как сканер движения, заставляя поверить в лживую пустоту заброшенных линий.

Именно эта расслабленность, внушенная чувствительной и надежной электроникой, едва не стоила человеку жизни...

Петрос оглянулся. Пролом в стене, из которого внутрь секретного метрорусла били прожектора буровой колонны, был еще замечен, но уже едва-едва, где-то за плавным поворотом.

Под ногами оглушительно хрустела битая керамика. Из рта вырывались облачка пара: температура существенно упала, влажность повысилась. Поглаживая рукоятку станнера, инженер подошел к одному из открытых дверных проемов, осторожно заглядывая внутрь.

Пыльные полы. Боковые ответвления коридоров. Тяжелые металлические двери, по большей части открытые. Пустые порты для подключения компьютеров и иной электроники. Так и не активированные бронеплиты, готовые рухнуть с потолка и надолго отрезать поселение от линий снабжения. Две фланговые кабины для стрелков с распахнутыми бойницами и пустыми турельными станками. Запахи тлена и звериных экскрементов, запахи затхлой воды, ржавчины и могил, способные рассказать профессиональному эмпату больше, чем предсмертная записка.

Впитывая, вслушиваясь и жадно всматриваясь в желтый луч, Петрос шагнул в один из коридоров.

Он считал себя физически крепким мужчиной с хорошей реакцией. Регулярно занимался спортом, посещал соревнования по силовым единоборствам и играм в мяч, не позволял себе переедать. Но когда из-под ног своевольно и неожиданно ушла твердь, по правому колену что-то ударило, а затем его повлекло вниз – в пыльную бездну, – среагировать не успел совершенно. Попытался развернуться в полете, чтобы ухватиться за порог комнаты, но предательская плита пола, расколовшаяся и вставшая на дыбы, не позволила дотянуться.

За одну секунду Петроса спеленал дикий, неконтролируемый страх.

В сознании пронеслось что-то черно-серое, грязное, сверх меры наполненное негативом и ожиданием дурного. Не сдержавшись, инженер, словно животное, издал короткий нечленораздельный вопль.

По шее хлестко рубануло спружинившим прутom арматуры. Слабее, чем могло бы, ничего не сломав и лишь порвав кожу, но ощутимо и болезненно. А затем оператора «СибСтроя» завертело, оглушило и, наконец, припечатало ко дну.

Шум в ушах превратился в пронзительный свист, перемешанный со скрежетом и треском. А затем образы и мыслеформы погасли, и на какое-то время в голове наступила благодатная непрозрачная тишина...

Как долго он провалился без сознания, определить сложно.

Внутренний биологический хронометр, эволюционно синхронизированный с логосолитическим восприятием окружающего мира, вышел из строя и молчал. Обыкновенные наручные часы, подарок супруги на 60-й цикл совместного проживания, оказались безнадежно разбитыми при падении. Каска отлетела прочь, канув в небытие.

Мужчину окружала густая, дурно пахнущая тьма, наполненная шорохами и скрежетом осыпавшихся вниз обломков. Фонарь не только выключился, но и сорвался с плечевого крепежа, отлетев в неизвестном направлении.

Первым делом Петрос ощупал себя, одновременно запуская внутреннюю проверку состояния. Переломов, к счастью, не обнаружилось, чего нельзя было сказать о многочисленных ссадинах, царапинах и гематомах. Комбинезон порвался в нескольких местах. С пояса срезало станнер и часть мелкого оборудования.

Нащупав кислородную маску, инженер выдвинул мягкие подпружиненные дужки, цепляя устройство на лицо: обрушение потолка взметнуло в воздух такое количество бетонной пыли, что забитые легкие уже горели огнем.

Он попытался нащупать на шее радиостанцию, но с растущим ужасом обнаружил, что ее тоже сорвало. На пальцах осталось что-то липкое, соленое, еще теплое и наполненное его собственными мыслями; Петрос догадался, что рана от удара железным прутком щедро кровоточит. Ничего... сначала он найдет фонарь, затем – аварийный маяк, свяжется с поверхностью и выдаст в эфир сигнал бедствия. До той поры постарается лишний раз не двигаться: после полноценного медосмотра у него все-таки могут обнаружиться скрытые переломы, внутренние кровотечения или серьезные растяжения.

Подавляя кашель и двигаясь как можно аккуратнее, оператор снял с пояса датчик атмосферного загрязнения. Активировав экран с подсветкой – на нем мельтешили предупреждающие надписи, но Петросу сейчас было не до них, – принялся водить анализатором из стороны в сторону, пытаясь сквозь оседающую пыль рассмотреть среди обломков цилиндр фонаря.

Слева мелькнула тень.

Крупная, темная, окатившая человека отзвуком приглушенного звериного логосолитона.

Затем еще одна.

Петрос вздрогнул, но приказал себе хладнокровно продолжать поиски. Включив еще и треснувший в падении сканер, он постарался как можно выше поднять приборы, чтобы увеличить круг испускаемого их дисплеями света. И даже не обратил внимания, что на экране радара обнаружены многочисленные биологические объекты...

Фонарь все же нашелся.

Справа, под бетонным обломком, но, к счастью, не очень глубоко. Отложив анализатор, Петрос со стоном потянулся в его сторону. Оцарапал тыльную сторону ладони, но все же подцепил пальцами увесистый бочонок персонального прожектора. Включил, возблагодарив Божество за то, что стекло и лампы не разбились. И поспешно рубанул лучом по границам помещения, в которое так нелепо угодил. Рубанул, прочертив излишне-яркий след от стены к стене. И застыл, чувствуя, что в горле образовался комок.

Потому что комната тут же взорвалась недовольным писком и скрежетом сотен химерьих лап. Из-под злой солнечно-желтой полосы во все стороны метнулись рычащие коричневые тушки тех, кто пришел на смену пасюкам из рода *Rattus Norvegicus*...

Похолодев, Петрос потянулся к поясу, где еще несколько минут назад висел верный станнер, способный на максимуме заряда испепелить взрослую химеру. Не нащупав оружия, принялся отползать назад и вверх – полулежа на спине, размахивая фонарем так, словно его свет не только доставлял животным дискомфорт, но и мог навредить. Сканер, забытый в пыли, показывал так много целей, что начинал барахлить и исходить помехами.

Комната, в которую просел пол коридора, оказалась квадратным залом примерно десять на десять метров. Часть стен помещения тоже обвалилась от времени, открывая взгляду твердую серую почву и многочисленные провалы нор, ее пронзавшие. Груда

ломаного бетона, на которой лежал Петрос, под крутым углом поднималась вверх, где на высоте четырех-пяти метров темнела бесформенная дыра, в которую он провалился.

Застонав, Петрос принялся карабкаться как можно выше, уже предвидя, что наверняка не дотянется до края даже с верхушки оползня...

Химеры были рядом. Они были повсюду, заставляя слышать свой отвратительный запах, слушать свой неумный и злобный визг. В мельтешащем из стороны в сторону луче Петрос видел лобастые лысые головы, разветвленные на четыре хоботка длинные носы, нежно-розовые хвосты. Все еще перепуганные вторжением и ярким светом, грызуны отпрянули от источника угрозы, собравшись в огромный колышущийся ковер. На ближних к инженеру рубежах, готовясь защищать стаю, остались самые крупные особи, в холке достигающие колена взрослого человека.

Благодаря ускоренному эволюционному процессу его дочь будет считывать логосолитоны животных куда эффективнее отца. Но и он, насколько позволяло затрудненное дыхание и сковывающий страх, улавливал остаточные следы, пульсацией исходящие от живого шерстяного покрова. Слышал испуг, перерастающий в агрессию, улавливал ненасытный голод и стремление защитить потомство, территорию и свою жизнь.

На призывы стаи из нор появлялись все новые бойцы. С откушенными ушами, в шрамах и с блеклой жесткой шкурой. Еще нерешительные, только приноживающиеся к двуногому чужаку, посягнувшему на территориальную целостность питающей империи. Но вливающиеся в общую массу, как римские легионеры – в строй манипулы.

Встав на неустойчивом, готовом рассыпаться склоне из обломков, Петрос попробовал дотянуться до края, с которого упал. Не смог. Прыгать или совершать иные резкие движения побоялся. Швырнул в химер несколько камней, распугав передних. При этом отдав себе хладнокровный взвешенный отчет, что эта мера надолго зверей не остановит. А это значит, что скоро они...

Заметив под бетонным фрагментом бывшего пола рукоять станнера, Петрос чуть не вскричал от радости.

Обвалив на наступающих животных еще один кусок перекрытия, он упал на колено и потянулся к оружию. И тут же обнаружил, что не дотягивается сантиметров на сорок. Перекатился на спину, пинком отшвыривая от себя самого дерзкого химерьего разведчика. Застонал, срывая с пояса обрывки ремня. Если ему удастся подцепить рукоятку электрического разрядника, шансы на спасение вырастают... Но если нет...

Он затравленно обернулся, проводя лучом фонаря по сомкнутому строю готовых к атаке хищников. Крупных как на подбор. Способных сожрать его заживо в считанные минуты, как только будет дан сигнал к наступлению.

Застонав, Петрос изо всех сил снова потянулся за станнером. И опять не достал, даже вжавшись в обломки и раскровив себе щеку. Рванулся вверх, рискуя дотянуться до краев пролома в последнем решительном прыжке. И вновь потерпел неудачу...

Рухнул на мешанину острых углов, больно ударившись боком и еще раз проткнув комбинезон.

Мысленно попрощался с родными. Когда спасательная команда найдет его останки и вещи, Аврора и Кристиния смогут прочесть остаточные мыслеформы, впечатанные в мертвую плоть фонаря или анализатора воздуха.

И вдруг стало светло.

Не как днем или под прожекторами на технике. Но значительно светлее, чем было только что, причем непривычно – словно кто-то разжег над головой человека живой огонь. А еще через мгновение в серо-бурых ковер, медленно накатывавший на гору обломков снизу, упал настоящий факел. Нещадно чадающий, скудный, плюющийся искрами и до тошноты воняющий горелым машинным маслом. Но спасительный.

Первым грызунам опалило морды и чувствительные хоботки. По стае прокатился вой боли, и она подалась назад. Затем еще немного. И еще, выгибаясь так, чтобы лежащий на полу жаркий источник угрозы оказался окружен ровным полукругом безопасности.

Одна из подземных тварей, вероятно решив взять на себя обязанности таранного наконечника, снова устремилась к жертве. Остальные потянулись следом, скаля желтые зубы и шипя на вонючий огонь.

Глухо лязгнула тетива.

Смельчака в ржавой шкуре порвало напополам, что отбросило стаю еще на пару метров.

По лицу Петроса что-то ударило.

Почти безболезненно, но настолько неожиданно и неприятно, что он вскрикнул и чуть не сверзился с бесформенной бетонной пирамиды. Замахал руками, сбрасывая с лица что-то длинное, похожее на холодный химерий хвост. И только теперь понял, что касается веревки, сброшенной сверху. Оттуда же, откуда прилетели факел и стрела.

– Хватайся же ты, идиотина! – вдруг ударило сверху. – Быстрее, мать твою, они идут!

Непонятно, гортанно, так умеют только пустышечники. Раскатилось бездумное эхо, повторяя непонятные выкрики. Когда агрессивная и громкая речь нелюдя резанула по его сущности, Петрос, не разобравший ни слова, ощутил внутри глубокую щемящую боль.

Уловил дистанционную мыслеформу существа над собой: ярко-багряную, пронизанную болотными молниями парадоксального желания помочь, перемешанного с откровенной злостью на себя и неудачливого оператора буровой колонны. Расшифровал желание вытянуть его. Отшвырнул фонарь и анализатор. И схватился за веревку обеими руками, невольно задумавшись, что сейчас попадет из огня да прямиком в полымя...

Рванули, с жужжанием веревки о бетон поднимая мужчину над надвигающимся тысяченогим ковром. Еще раз, резко выдергивая из досягаемости самых прыгучих гадов. Вцепились в воротник комбинезона, по-звериному скуля от натуги, нетерпения и страха.

Волны, расходящиеся от скуднодухого, были густыми, вязкими. Такие подчас исходят от волков в зоологическом парке перед тем, как смотрители покормят зверей...

Химеры бесновались. Их юркие тела сновали в луче откатившегося фонаря, выплескивали тени. Просторный зал под опавшим коридором наполнял визг разочарования и ярости, присущих всему живому, свободно существующему за пределами Куполов.

– Беснуются, суки... – прошептал хозяин веревки и факела, снова лишив Петроса возможности понять себя.

Однако ауросемантическая оболочка пустышечника сообщила инженеру куда больше.

И про усталую радость от победы над хвостатыми. И про жалость к потерянной стреле и склянке масла, истраченного на факел. И о предвкушении куша, которым спаситель планировал разжиться за вырванную у смерти жизнь человека.

Окутанная полумраком фигура нагнулась, поднимая отложенный в сторонку фонарь. Старый, потертый, какими завалены резервные армейские склады города. Щелкнула кнопкой, направив широкий луч ровно в потолок. А затем снова хлестанула Петроса жесткой непонятной фразой, в которой читались презрение, чувство превосходства, а еще удовлетворение от проделанной работы:

– Ты что, debil, в старые тоннели соваться, не пристегнувшись?! Да тут же прогнило все!

И пусть человек не понял рычащей тирады скуднодухого, демонстративное похлопывание по системе страховочных ремней на поясе недочеловека оказалось весьма доходчивым. Подобрал с пола разряженный арбалет, существо присело на корточки. Поставило фонарь между ног, принялось взводить короткие блестящие «рога» оружия с помощью примитивного механического устройства.

Оцепенев от столь непредсказуемого развития событий, Петрос лихорадочно думал.

В ближайшие пару минут ему предстояло разработать стратегию общения с новым хищником, куда более хитрым и опасным, нежели голодная дикая стая в яме у него за спиной.

Как нелюдь проник в запретную зону, миновав автоматические пулеметы? Как вообще оказался в такой близости от тоннелей, пробиваемых в земле корпорацией Петроса? Что

теперь сделает со спасенным? Вспоминая все, что слышал и читал о варварах, живущих за надежными стенами Куполов, инженер проходческой колонны приготовился к самому худшему.

Наблюдая, как пустышечник неспешно сматывает веревку, вокруг хвоста которой еще скакали наиболее разъяренные химеры, мужчина вдруг осознал, что перед ним самка. Взмолвившись Единому Божеству, он второй раз за четверть часа приготовился оставить своей семье прощальный отпечаток на одежде или фляге.

Пустышечница! Как все иные – непредсказуемая, вспыльчивая, переменчивая нравом, лишенная умения контролировать эмоции во время менструального цикла, способная убить человека даже после того, как спасла.

Наблюдая за ауросемантическими протуберанцами, выстреливающими от нее во мрак старинного секретного метро, Петрос старался не делать лишних движений. Изучал чумазое, утонченно-острое и агрессивно-привлекательное лицо самочки. И пытался прочувствовать, как велико ее сожаление о том, что скуднодухая вообще решила отправиться на грохот обвала и несколько сдавленных криков...

10

«Уникальный мозг лошади давно обеспечил этому животному место не только в многочисленных мифических пантеонах, но и в линейке самых высокоразвитых млекопитающих планеты. Так же, как люди, лошади любят музыку, весьма избирательно подходя к выбору композиции и не особенно жалуя тяжелый рок. Умеют различать эмоции, великолепно обучаемы, обладают способностью к узнаванию себя и себе подобных на изображении или в зеркале. Так, еще учеными XX века были задокументированы попытки общения – качание головой, тихое ржание и пофыркивание – лошадей с фотографиями других особей этого вида».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Артемидий испытывал глубочайшее удовлетворение.

Оно пронизывало его мужскую суть, как во время ежевечерних сексуальных ритуалов благорасположенности и признательности, которым он предавался с полусупругой.

Впрочем, нет – сейчас удовлетворение было куда сильнее.

Достигло высочайшей из высших степеней. Расцветало в душе и сознании корпатрицианта ослепительными перламутровыми цветками. Меняло окрас на нежно-фиолетовый. И тут же становилось пурпурным, насыщенно-красным, как кровь, или прозрачным, будто рубин высшей пробы. Цвета вспыхивали, смешивались, перетекали друг в друга, выбрасывая в организм новые и новые заряды эндорфинов и адреналина. Напитывались оттенками и снова трансформировались, не теряя затянувшегося пресыщения удовольствием и удовлетворением.

Для того, чтобы описать охватившие его чувства остальным, Селиванову не требовались вербальные варварские конструкты, вроде «восхитительно», «сказочно» или «упоительно». Ему оставалось лишь прикоснуться к обнаженной коже своих спутников, чтобы через мгновение, наполненное острой вспышкой, те познали и тоже прониклись. Узрели, как всецело приемлет текущую Игру предводительствующий ими корпатрициант.

Награждение удалось. В этом Артемидий был уверен еще до официального окончания церемонии. Все развивалось невероятно непредсказуемо, стремительно, в чем-то даже

рисково.

Победитель Лотереи не только не смирился с участью. Не только не позволил наградить себя на месте. Не только побежал, наивно рассчитывая укрыться от блестяще экипированных членов жюри. Он еще и показал зубы. Оскалился, как загнанный в угол зверек. Решился дать неумелый, но от этого такой умильный и трогательный бой.

За это Артемидий крайне ценил Павла Сорокина.

И даже начал подумывать о юном пустышечнике как об очередном голографическом трофее в своем каминном зале. Главное в этом случае – не сильно изуродовать тело. Чтобы осталось что погрузить в трехмерный таксидермический сканер.

Руководствуясь такими мыслями, Селиванов даже обменялся оружием с раненым. Дисковый метатель ликтор сможет тащить с той же легкостью, как отобранную командиром винтовку. Ведь ему самому воспользоваться богатым арсеналом все равно в ближайшее время не предстоит.

Какой же верткий гаденыш этот Сорокин! Ничем ведь не примечательный экземпляр, казалось бы. А сам пока уходил от выстрелов, да и ответный шальной умудрился сделать...

Ранило широкоплечего Федота. Наугад выпущенной пулей, что добавляло награждению тех самых кисло-медных ноток азарта и страха за жизнь, чего часто не хватает при вылавливании скуднодухих самок. И хоть ранен ликтор был не очень серьезно, но болезненно и так неудачно, что выбыл из награждения как полноценный участник.

Пуля угодила ликтору в левый бок, нащупав лазейку между металлизированными чешуйками костюма напротив селезенки. И все бы ничего – дыру мгновенно запенило специальным анестезирующим гелем, а в кровь выплеснулись необходимые для поддержания боеспособности препараты. Но Клеоника прижала обнаженную ладонь к окровавленному боку здоровяка, а потом протранслировала неутешительный вердикт.

Патроны для пистолета, из которого отстреливался Сорокин, были изготовлены еще до войны. Задолго до общего упадка, подарившего Циферблату тот вид и образ жизни, какого упомянутая помойка и заслуживала. Пустышечник-литейщик, в злополучную вахту стоявший на конвейере по изготовлению пуль, был существом недалеким, глупым, сварливым и крайне матерщинным. Именно его грязный отпечаток богохульника и сквернословя, сохранившийся в свинце спустя многие годы, сейчас терзал логос Федота изнутри, лишая возможности продолжать награждение...

Возможно, в бронемашине при помощи пилота они даже смогут извлечь пулю, вернув здоровяка в строй. Но к этому времени, по планам Артемидия, награждение уже состоится. Поэтому руководитель отряда протранслировал крепышу, чтобы тот смирился, не допускал расстройств, никуда не спешил и мирно отдыхал до их возвращения. Предварительно вернувшись к броневнику и подогнав его к указанному деловому центру со спуском в старое подземелье.

Ликтор, конечно, проявил огорчение.

Еще бы – такая активная церемония! Такой дерзкий нелюдь, как можно пропускать?! Но все же позволил себя перевязать, без вопросов обменялся с корпатрициантом стволами, отстегнул под сумки с магазинами и послушно убрел в сторону вещевого рынка.

Летающий зонд остался кружить над пустырем со ржавыми автомобилями, высматривая малейшие признаки агрессии со стороны зрителей или внутренней псевдоармии Циферблата. В старинное здание, трещащее по швам и готовое обвалиться в самые ближайшие циклы, члены жюри вошли вчетвером.

Коридоры, по которым недавно пробежал победитель Лотереи, вычислялись и без помощи Клеоники. Полы покрывал толстый слой пыли, иссеченный лишь мелкими цепочками химерьих и собачьих следов. Свежие отпечатки рифленых ботинок на широком каблуке на их фоне смотрелись неоновыми голографическими указателями, ведущими людей вперед.

Артемидий улыбнулся, предвкушая скорую развязку. Его настроение опять передалось остальным.

Однако совсем скоро Селиванов почувствовал легкое недоумение других членов отряда. Да и сам начал испытывать откровенный интерес к поведению особи, выбранной Капиталью Распределения из сотен тысяч ее сородичей. Нахмурившись под забралом шлема, он размышлял, являются ли действия избранного следствием необдуманности. Или же Сорокин осознанно заводит их на откровенно опасные территории?

Выставив оружие и двигаясь двумя боевыми парами, они неспешно, приставным шагом и под прикрытием шарообразных роботов, достигли спуска в заброшенное метро. Тут и остановились, делясь сомнениями и пытаясь расшифровать стратегию беглеца.

Потому что следы со всей очевидностью уводили под землю, а там... А там пустышечника ждала неминуемая гибель, что не совсем вязалось с его жизнелюбием и желанием сохранить собственную шкуру.

«Высокая степень риска», – протранслировал свои соображения Дионисий на общей волне.

«Роботы не смогут двигаться с положенной скоростью и выполнять поставленные задачи, – вторила ему следопыт, ощупывая след чужого ботинка на ступенях, ведущих в темный провал входа. – Рекомендация затребовать автоматизированное подкрепление для ведения боевых действий в условиях тоннелей».

Однако Артемидий не мог согласиться с товарищами.

Растущее уважение к победителю розыгрыша крепло в его душе. Опасность предстоящей вылазки вниз еще сильнее подстегивала азарт. Корпатрициант понимал, что, если отряд повернет и вызовет поддержку, он – Артемидий Селиванов – мгновенно потеряет уважение со стороны наблюдателей. И ставки. А еще позволит Сорокину одержать пусть и совсем крохотную, но победу над преследователями.

Мелькнуло сожаление – ему следовало старательнее целить в спину нелюдя. Стрелять очередями крутящихся зеркальных дисков, не просто загоняя в тупик, но и подравив, лишив сил на такой смелый маневр...

«Завалы, – осторожно передал ему свои соображения Лео, соглашаясь с Дионисием и следопытом. – Метановые каверны, радиация, стаи химер. Скуднодухий избрал самостоятельную смерть».

Артемидий оставил это замечание без ответа.

Если бы победитель выбрал самоубийство, то пустил бы в себя пулю или сбросился с крыши. Ускользнув в старую подземную сеть, он пытался украсть у членов жюри удовольствие лично вручить «оранжевый билет». Полагался на минимальные шансы спастись, если трусливые ловчие прекратят преследование. Такого подарка Селиванов своему будущему трофею делать не хотел.

Внимательно посмотрев на троих спутников, он отрывисто передал всем:

«Идем следом».

Даже без тактильного контакта корпатрициант ощутил нерешительность и мало того – страх, исходящие от мужчин и женщины, держащих под прицелом вход в метро. Ни один из них не осмеливался напрямую перечить заместителю директора по инвестициям. Но и первым спускаться по обшарпанным ступеням не спешил.

Лучи фонарей пересекались, ощупывая просторную мраморную лестницу, по которой могли бы одновременно пройти полторы тысячи человек. Из-под активированных респираторов вырывалось глухое, скрипучее дыхание. Анализаторы загрязнений молчали, датчики движения – тоже. Развернувшиеся в боевой режим роботы с легким жужжанием переминались на выдвижных проволочных ногах, заняв позицию с фланга.

«Сомнений не испытываю, – уверенно протранслировал Артемидий, проверяя боезапас винтовки. – Желающие прекратить церемонию вольны вернуться к бронированному транспорту и дожидаться возвращения остальных».

Следопыт подняла щиток шлема, сплюнула на пол.

В этом жесте не было непочтительности, как не исходило ее и от самой Клеоники. Просто во время перемещений по комплексу все четверо надышались пылью. Но когда

женщина отерла рот рукавом и до того, как из-под забрала опять выдвинулся перфорированный полумесяц респиратора, Артемидий успел заметить, что ее губы сжались в тонкую линию.

«Иду вниз, – решительно распорядился он, не желая тратить драгоценное время. – По прибытии в машину доложить по всей форме в журнал награждения. Сообщить мои координаты в оперативный центр Лотереи лично управляющему Беседкой».

От одной мысли о том, что кто-то из них троих будет должен покаяться в собственной трусости на коврах центрального небоскреба Второго Купола, где корпорация «Конструкции «СибСтрой» делила этажи с главным стратегическим штабом Лотереи Равновесия, логосы Дионисия, Лео и Клеоники тут же окрасились оранжевыми всполохами стыда и обиды.

«Отрицание. Совместное продвижение», – старательно контролируя лишние эмоциональные выплески, протранслировал верный Леонидас.

«Отрицание. Совместное продвижение», – одновременно подтвердили следопыт и новенький.

Медленно кивнув, Артемидий послал всем троим искреннюю благодарность. И яркий мнемобраз – шипастую розу, растущую в остекленном цветнике. Человек, срезающий ее, тоже может уколоть палец. Но рана не идет ни в какое сравнение с испытанием пройти сквозь густой и полный опасности лес, подняться на отвесную скалу, где растут дикие цветы, – и только после этого насладиться призом.

Теперь Селиванов снова чувствовал азарт. Кристально чистый, не замутненный ни сомнениями, ни страхом, ни пустыми размышлениями. Однако едва он сделал по ступеням несколько шагов, Клеоника позволила себе еще одно конструктивное замечание.

«Предупреждение. Микрофауна подземелий густа и архаична. Отсутствие цивилизованных отпечатков, наличие отпечатков прошлого. След имеет вероятность потускнеть. Рекомендация не разделять группу. Рекомендация подготовить боевые заряды на случай нападения химер».

Мужчины кивнули, а женщина первой перезарядила громоздкий станнер.

Корпатрицианты продолжили спуск, а ликтор ненадолго задержался, перепрограммируя роботов-пулеметчиков охранять холл до возвращения группы. На шлемах, ориентируясь на пониженное освещение, включились дополнительные тактические фонари.

«Дионисий, ты создаешь карту продвижения вглубь, – напоследок скомандовал Артемидий. – Леонидас, следишь за датчиками биологической активности и прикрываешь тыл. Клеоника, поиск следа».

Четыре человека спустились в наполненную шорохами и капелью темноту под фундаментом старинного делового центра. Охота, и без того начавшаяся весьма неординарно, была далеко не окончена. Кроме того, она пока вообще не стремилась к развязке...

От сладкого осознания этого факта по закованной в бронированный комбинезон спине Селиванова пробежала россыпь мурашек.

«Потрясающей особенностью этого вида является его врожденное умение изготавливать орудия труда. Без всякого обучения со стороны родителей лабораторно выращенные вороны способны изготовить из ветки подобие миниатюрного копья, с помощью которого извлекают из-под древесной коры личинки насекомых. Также зафиксированы случаи соиздания более сложных орудий, вроде багра или крюка для захвата пищи. В ходе исследований доказано, что вороны обладают огромным «словарным запасом», регулярно переговариваясь между собой, а также демонстрируют легкообучаемость сложному поведению и способность к решению

простых логических задач».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

*ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН*

Эльдар Котляков,

2064 год

Ливень, в свободное время собирающий на помойках старые, еще на обычной бумаге напечатанные книги, как-то вычитал компаньону в своих пожелтевших запасах один афоризм. Сейчас, молясь лишь о том, чтобы не подвернуть ногу, Сорока полагал, что заплесневелое высказывание великолепно ему подходит. Незнакомый мужик, живший лет, должно быть, четыреста назад, изрек: «Своевременное бегство равнозначно мужеству свободного человека; он выбирает бегство с той же храбростью, что и сражение».

Парнишка не до конца понимал мудрствование древнего. Ни тогда, ни сейчас.

Но в эту минуту, пробираясь по темному тоннелю и в самый последний момент перепрыгивая черные зловонно-бездонные лужи-колодцы, он отчего-то считал, что этот афоризм про него. Во всяком случае, там было про мужество, свободного человека и своевременное отступление. Плюс главное – осознанный выбор. Не панический и ошалелый, но осмысленный в разумных пределах. И имеющий шансы на успех. А большего Сороке пока не требовалось...

Вот он и бежал.

Со всей возможной скоростью, которую позволяло темное подземелье с единственным источником освещения, лихорадочно болтавшимся в его правой руке. Бежал без остановки и оглядки, чуть притормаживая лишь на перекрестках и развилках, чтобы наугад выбрать новое направление и снова прибавить ходу.

Один раз позволил себе чуть больше, чем просто заминку. Прислонился к ледяной стене и минуты три спал наяву, не ощущая вокруг себя ни пространства, ни времени. Казалось, душа и тело провалились во вселенское ничто, где нет верха и низа, будущего и прошлого, обитателей нынешних и бывших.

Ноги подкашивались, но Сорока не позволил себе сесть.

Сдернул со спины рюкзак, глотнул воды из легкой пластиковой фляги. Отыскал и натянул на лицо респиратор. На всякий случай переложил в карман ветровки запасную батарею для фонаря – его единственного союзника и друга. Застегнулся, чувствуя, как холод городских катакомб пробирается под летнюю одежду, насквозь пропотевшую во время погони по улицам Циферблата. Хорошо еще, догадался прихватить одну из легких армейских курток Вардана, иначе бы уже околел...

Одними губами досчитав до трехсот, побежал дальше.

Без осознанной цели, окончательно потерявшись в лабиринте тоннелей и поворотов.

Преследуемый шорохами и крысиным писком, раздававшимся из каждого угла. В тоннели для составов – а затем в ответвления для технических платформ-поездов. Оттуда – в помещения, где когда-то отдыхал и готовился к сменам обслуживающий персонал. По лестницам все ниже и ниже, едва не срываясь в черные шахты просевшей породы, откуда ему чудился острый запах серы.

Делать привалы было нельзя. Даже несмотря на то, что охотники могли крепко отстать или вообще побоялись лезть следом. Потому что, если остановка невольно окажется в ареале обитания хвостатой стаи, за человеком сразу придут разведчики. А это не сулит ничего хорошего, так же как выигрыш «морковки»...

Происходящее слилось в его сознании в одно огромное и разноцветное пятно, словно кто-то решил сознательно испортить богатую палитру великого художника. Макнул кисть в растворитель, да и смешал все подряд, капризно и зло. На загривок давили тонны грунта и бетона, отделявшие беглеца от неба и солнца. Которых тот, если прекратит движение, уж

точно никогда больше не увидит.

Сорока окончательно заблудился.

Несколько раз ему казалось, что он пробирается там, где побывал пять минут назад, сделав крюк. А может быть, час назад. Он вообще потерял ощущение времени, а выискивать в заплечной ноше армейский хронометр, зачем-то украденный у Сливоносого вместе с нужными вещами, казалось неуместным.

Разок мелькнула – на самых задворках сознания, едва приблизившись к границе восприятия, – мысль: даже если его не смогут разыскать ловчие молчунов, он все равно стал живым трупом. С его хаотичными метаниями по коридорам... С его рискованными спусками там, где лестницы были раскурочены и отсутствовала даже призрачная возможность подняться назад...

С медленно растущей в сердце паникой и отсутствием карт он элементарно погибнет от голода и холода. Или будет сожран крысами, когда кончатся патроны или «землеройки» соберутся в решительную и бесстрашную армию. Мысль мелькнула и ушла, чтобы не мешать Сороке бежать дальше, все глубже закапывая себя под чудовищно-холодные Пробирки...

Сорока перестал быть птицей, давно вымершей, но еще ассоциировавшейся с его фамилией. Он стал крысой, бесцельно бегущей вперед, куда гонит инстинкт. Каждая минута пребывания под землей сводила с ума. Каждый шаг на целые световые годы уносил от поверхности и надежды на успешное возвращение.

По самым крохотным и осыпающимся карнизам парень огибал заводи и водопады с резкой химической вонью на десятки метров вокруг.

Спускался с таких оползней и разрушенных лестниц, где одно неловкое движение вело к сломанной шее, параличу и смерти в крысиных зубах.

Пролезал в столь узкие щели в завалах, куда не рискнул бы запустить змею.

Слившись с темнотой, вонью и затхлостью, зараженными воздухом и почвой, он искренне уверовал, что вооруженные прыжковыми амортизаторами, поисковыми роботами и колдунами нелюди останутся ни с чем. Не рискнут лезть еще глубже. Потеряют след. Отравятся в облаке испарений. Свихнутся от давящих на голову глыб.

Сорока не верил в это.

Сорока искренне верил в это.

И продолжал бежать.

Он сам частично стал парниковым шаманом, способным читать о человеке из его вещей. Вывел свои чувства на такой высочайший уровень, так обострил и изготавил к бою, что буквально физически ощущал, что где-то за спиной вышагивают по его следам пятеро хладнокровных убийц. Столь же легко и непринужденно чувствующих свою несчастную жертву, которой просто не повезло в идиотской бескомпромиссной игре...

Новый коридор. Лестница вниз в бетонной трубе со ржавыми П-образными ступенями, грозящими сломаться под его весом. Помещение с бронированной дверью. Новая лестница и новый коридор. Он чувствует крыс. Их много, они совсем рядом и настроены враждебно. Он стремится увеличить расстояние между собой и этой иррациональной злобой.

Выход на перрон, необычно короткий и узкий...

Поскользнувшись и едва не сверзившись с полутораметровой платформы, Сорока неловко упал набок. Тяжело, до крика и невольных обидных слез, приложился правым коленом. Сквозь штанину в ногу тут же впились острые осколки керамической плитки. Респиратор сорвался с лица, повиснув на шее. Фонарь выскочил из руки, покотившись в сторону.

Уже заваливаясь и готовясь удариться затылком, парень запоздало спохватился, что если лампа разобьется, он... Затем мысли кончились. Все.

Несколько секунд просто лежал на спине.

Это было так приятно. Не хотелось вставать. Вообще никогда. Ни под каким предлогом.

Фонарь не разбился, лишь отлетел на пару метров и неваляшкой встал на днище, нацелив ослепительный луч в сферический потолок перрона. Странного перрона, технического, по всей вероятности. Но и на это было наплевать. Главное – лежать как можно дольше, давая отдых ногам, и больше никуда не спешить.

Однако почти сразу, еще не успев опасно заохладить спину мрамор платформы, своим обостренным восприятием Сорока ощутил, что в темноте кто-то есть. Не только крысы, они тут были повсюду и совсем рядом. В темноте таился некто враждебный. И бесповоротно чужой этому миру, так же, как сам бывший продавец Вардана.

Они нашли его...

Непостижимо как, но нашли. Каким-то образом вычислили направление движения. Определили, срезали скрытыми ходами. Устроили засаду и готовы вручить «выигрышный» билет.

Охнув от неподдельной боли и усталости, Сорока рывком сел. Глядя прямо перед собой и ничем не выдавая, что обнаружил западню. Если парниковые выродки хотят поиграть, он предоставит им такую возможность. Что там было про мужество бежать и мужество принять бой?

Кряхтя, как столетний старик, парнишка перевернулся на четвереньки, вставая нарочито медленно и неуклюже. Однако правая рука его тут же скользнула к поясу, нащупывая рукоять «Рогалева», сейчас ставшего самой ценной вещью на всем белом свете. И когда казалось, что пальцы вот-вот сомкнутся на шершавом рифленом пластике и он будет готов швырнуть в темноту столько пуль, сколько успеет...

– Не шевелись, – без особенной угрозы, но твердо прозвучал из бездны тоннеля женский голос. Низкий и бархатистый. Совершенно не подходящий для шуток или заливистого смеха. – Попробуешь вытащить пистолет, продырявлю башку.

Сорока замер.

Оцепенел от волнения и бьющейся в подсознании радости. Это не нелюдь, те говорить не обучены, сразу дают заряд из тазера! Но каким образом тут, на невероятной глубине, в самом неизведанном месте из всей неизведанной подземной сети оказался человек? Да еще и девка!

Скосил глаза, заметив, как грозно играют блики на хищном трехграннике гарпуна, нацеленном ему в лицо. Медленно отнял руку от пояса, демонстрируя полумраку пустые раскрытые ладони. Стоявший на полу фонарь теперь оказался почти между ними. Женщина притаилась на самой границе светового пятна, не позволяя себя рассмотреть. А через секунду в Сороку уперся еще один луч, нестерпимо яркий и бьющий в лицо – это гарпунерша включила наплечный источник освещения.

– Пожалуйста, не надо стрелять, – непослушными пересохшими губами прошептал беглец, шурясь и невольно пытаясь отвернуться. – Я не причиню тебе вреда, клянусь... Мне очень нужна помощь...

– Помощь, говоришь?

Луч переместился с его лица, позволяя приоткрыть зажмуренные глаза.

Женщина тоже сместилась, теперь находясь слева. Сделала полшажка вперед. Сорока разглядел, что оружие, принятое им за гарпун, оказалось арбалетом с короткими пружинными дугами. Впрочем, менее опасным стреломет от этого не становился, и бывший продавец Сливоносого предпочел не опускать ладоней.

– Да, у меня за поясом пистолет, но я не собирался пускать его в ход... – Сорока решил, что лучшей политикой станет предельная честность. Кроме того, девка все равно углядела «Рогалева» под одеждой. Какого черта она вообще тут делает?! – Клянусь могилой матери, мне очень нужна помощь, и я никому не собирался причинять вреда...

В темноте за границей светлого круга что-то шевельнулось, и Сорока чуть не шарахнулся прочь. Скосил глаза, обнаружив, что стрела по-прежнему смотрит ему в переносицу, словно приклеенная. И только теперь догадался, что странная женщина в подземелье определенно не одна.

– Что вам нужно? – осторожно подбирая слова, поинтересовался парень. – У меня есть немного денег и провизии, я могу отдать. Только не трогайте и укажите дорогу, ладно? Мы ведь должны друг другу помогать, когда дело касается молчунов, это же закон Циферб...

– Запай дуло! – негромко, но жестко приказала арбалетчица, и Сорока умолк. – А пушку не трогай. Пусть будет там, где есть.

В круге света появился ее напарник – мужик лет сорока, крепкий и невысокий, одетый в драный рабочий комбинезон с ярким логотипом на рукаве. Выглядел он так, словно его неделю извлекали из обрушенного забоя: чумазый и перепуганный, совсем без снаряжения для исследования катакомб. Это что, случайная жертва? Заблудившийся клиент из богатеньких, за которым сюда и спустилась рисковая следопытка?

Сорока еще раз осмотрел мужчину в изорванной одежде.

Что «победителя» Лотереи обнадежило, так это его полнейшая безоружность. Что заставило нахмуриться и недоуменно покоситься на девку, так это выражение его лица. Отрешенное, с оттенком нездешней блаженности, какое бывает у глухонемых или на голову нездоровых. А еще бывает у...

Сорока тихонечко, одними губами выругался. Но стоявший в трех метрах справа мужик все равно поморщился, будто его шлепнули по щеке. Не веря собственным догадкам, Павел покосился на женщину, совсем не старую и даже привлекательную, если смыть грязь. Ее серые глаза сверкали из-за арбалета пуще наконечника стрелы, но домыслы беглеца она комментировать не спешила.

– Ты откуда здесь, чучело? – спросила арбалетчица все тем же бархатным голосом, почему-то ассоциирующимся у Сороки с мягкой периной, набитой острыми иглами. – Аль заплутал, егерёк?

Одна из частей головоломки встала на место, заставив брови изумленно изогнуться.

Ну конечно! Из-за дурного освещения он не мог в деталях рассмотреть девчонку, но и увиденного должно было хватить, если б только не усталость и страх. Короткая стрижка, удобная кожаная куртка, лоснящаяся от смазки. Страховочные ремни, нож и ледоруб. Высокие ботинки, отнюдь не новые арбалет и кобура на бедре – все это говорило об одном.

– Так ты ж егерь! – выпалил Сорока, заставив эхо удариться в потолок.

Егерь, ну надо же. Раньше он их только издали видел, почитая за сумасшедших.

Пришло ведь в голову придумать себе профессию такую: ходить в вылазки на территорию Заповедника, воруя у застекольщиков электронику, снаряжение, запчасти к машинам или даже технологии. Пришибленными и отмороженными егерей считали даже бандиты, не говоря про обычных горожан. Вот и держались те особняком, закрытыми коммунами, куда постороннему вход заказан...

– Тоже мне новость! – презрительно фыркнула девушка, не позволив стреле даже чуть-чуть дернуться в сторону. И вдруг нахмурилась, расшифровав радостные нотки в голосе бывшего торговца. – А сам-то разве нет?..

Казалось, непринадлежность парня к цеху ее коллег выбила почву из-под ног арбалетчицы. Не ожидала, наверное, встретить гражданского так далеко от Циферблата. В глазах застыл немой вопрос, но она тут же бросила короткий взгляд на мужика в рваном комбезе, и Сорока понял: одним вопросом тут не обойдется...

– Пожалуйста, не стреляй, – снова попросил он, медленно-медленно опуская руки. – Отвела бы ты стрелу, а? А то вдруг палец дрогнет... Нет? Ну как хочешь, ты тут старшая... Да, я не егерь. Но я и не мыслил причинять вам зла. Гадом буду, я тут совершенно случайно... не хотел я на вашу территорию лезть, или как это у егерей называется?.. И трофеи мне ваши не нужны, и находки разные. Мне просто нужно выбраться. Отсюда. Желательно, где-нибудь в Семичасовом Секторе...

Арбалетчица молчала. Кусала губу, поглядывая то на одного, то на другого. На лбу прорезались морщины. Вся ее поза сообщала, что сероглазка ведет непростой внутренний диалог сама с собой, все еще не в состоянии принять какое-либо решение.

Мужчина, застывший справа от Сороки, наконец шевельнулся.

Потер пыльное лицо, нахмурился. Все это время он с интересом прислушивался к разговору, но сам не произнес ни слова. Да и вообще, казалось, понимал меньше остальных. С одной стороны, это наталкивало на мысль, что дядя просто прохулил крышу. С другой – Павла все крепче опутывали самые мрачные и серьезные предчувствия.

Не позволяя себе окончательно поверить в то, о чем уже пару минут голосом отца настойчиво нашептывала интуиция, Сорока тяжело вздохнул. Так же медленно и безвольно опустил руки вдоль тела.

– Но мы-то с тобой люди, егерь... – сказал он тихонечко, будто застекольщик по правую руку туго слышал, а не был лишен возможности вообще понимать человеческую речь. – А люди друг другу помогают. Спаси меня, егерь. Не знаю, что тут у вас происходит, но молю – сейчас мне очень нужна твоя помощь...

12

«Отдельные племена Северной Америки и Канады считали медведя представителем отдельной человеческой расы. Характерные особенности этого животного, такие как схожие с человеческими стоматологические проблемы, кратковременное прямохождение и иные особенности моторики – в частности, умение перебрасываться предметами – действительно позволяют провести определенные параллели. Не меньший интерес представляет интеллект медведя, а также сестринская забота молодых самок о младших представителях помета, пока родители заняты добычей пропитания или охраной территории проживания».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

*д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год*

Погремушка пребывала в глубочайшей растерянности.

Такой же глубокой, как подземелье, куда ее занесла нелегкая. И такой же необъяснимой словами, как происходящее.

Палец ее застыл на спусковой скобе арбалета, чья стрела целила в лицо жилистого жидкобородого паренька, которого она сначала приняла за конкурирующего егеря. Сознание при этом блуждало где-то далеко, пытаясь дать определение происходящим событиям. Угораздило же, по-другому и не скажешь...

Сначала нелюдь. По-своему несчастный и убогий, как все дети Заповедника; и столь же нескладный, опрометчиво сунувшийся в старый коридор с осыпавшимся полом и чуть не доставшийся на обед голодным крысам.

Яна чувствовала, как в ней клокочет злость на саму себя, решившую проверить, что за грохот она слышала из тоннеля. И еще жалость – и к безвозвратно потерянной стреле, которые стоят отнюдь не по две копейки за пучок; и к фляжке масла, изведенной на неказистый факел. А еще к утекающему времени, которое она могла потратить на дальнейшее продвижение вглубь Теплиц и выполнение задания Баклажанчика.

– Это было глупо, Погря, – тяжело вздыхая, констатировала Ленка в ее голове. – Нужно было пройти мимо. То, что тебя не касается, касаться и не должно. Неужели забыла первый закон путешественника на запретные земли? Такие ошибки Пробирки не прощают, ты знаешь...

Погремушка не собиралась спорить с мертвой сестрой. И с голосом шефа со смешным прозвищем тоже. Оба они настаивали на том, что Яна совершила ошибку, но отступать стало поздно еще минут десять назад. А уж когда появился этот запыхавшийся, выщелкнутый

темнотой, словно клинок выкидного ножа, и подавно...

Она могла многое ответить голосам в своей голове.

Начать с того, что не была убийцей, несмотря на всю жесткость характера и закалку, выпестованную Баклажанчиком. Нет, бросить умирать угодившее в западню существо – это не по ее части. Убить или обречь на смерть у нее бы просто не хватило духа. Даже после спасения, когда девушка поняла, что перед ней совсем не человек.

Конечно, в ее восприятии молчуны не шибко отличались от крыс, оставаясь животными столь же свирепыми и стайными. Но раз уж она сбросила этому неудачнику одну из своих веревок, утащив из-под розовых носов-хоботков... Интересно, повторила бы она свой поступок, если б знала, что под ногами готовится к смерти от крысиных укусов один из тех, кого она ненавидела и презирала всей своей сущностью?

Ленка могла ответить на этот вопрос. Баклажанчик тоже мог. Сама Яна, если и знала ответ, проговаривать его совсем не хотела. Последний бы, наверное, вообще столкнул спасенного обратно, стоило ему лишь догадаться. Но Погремушка не была убийцей. И становиться не собиралась. Даже ради сестры...

Та, словно устав спорить, замолчала, оставив младшую в компании двух незнакомцев.

Да уж, завертелось так, что нарочно не придумаешь. И словно одного встречного было мало, внезапно появляется второй. Нормальный, человечный, хоть и выглядящий так, словно сбежал из Преисподней. Что он, ради всего святого, вообще тут делает?

Лет на пять моложе самой Яны, в отличие от взрослого нелюдя. Одет так, словно ограбил армейскую лавку. Новенькая куртка, уже рваная в нескольких местах. Рюкзак, пистолет за поясом, недавно распечатанный респиратор. Погремушка не спускала его с прицела, хотя хорошо видела: парнишка не опасен. Во всяком случае, если потянется за стволом, нажать на спуск она успеет гораздо раньше.

Где-то в глубине, за что ей стало неожиданно стыдно, она вдруг захотела такого поворота событий. Стало бы одной проблемой меньше, верно? А иначе наперво решать, что делать со спасенным застекольщиком. Отпустить на все четыре стороны? Так сразу ведь выдаст. Тогда наверху зафиксируют прорыв периметра, обшарят тоннели и закроют лазы в Купола. За это ее не только другие егеря поблагодарят. Баклажанчик первым будет, если вообще не пришибет. А как Погря эту дилемму решит, так потом еще и с неказистым возиться.

Словно прочитав ее мысли, парнишка настойчиво повторил просьбу:

– Ты должна мне помочь, егеря. Мы же люди...

Снова фыркнув, Яна опустила арбалет. Не убрала совсем, но отвела чуть в сторону и вниз, чтобы не затекали руки.

– С какой стати мне тебе помогать? – спросила она, краем глаза наблюдая за реакцией несостоявшейся крысиной трапезы. Тот стоял неподвижно, вслушиваясь в диалог и глядя на обоих недопонимающими глазами умного животного. – Егеря, видишь ли, отнюдь не благотворительная организация. Не знаю, малыш, каким ветром тебя занесло так далеко под землю, но уверена, свой путь ты выбирал сам...

К удивлению девушки, «малыш» вдруг рассмеялся. Искренне, но устало и обреченно, словно ставя под сомнения ее последние слова. Плечи задрожали под тонкой армейской ветровкой, перемазанной в грязи; из легких вырвался кашель.

– С сегодняшнего дня я в этом сильно не уверен, – ответил он, продолжая всхлипывать и трястись.

Если излишнее веселье не прекратить, с минуты на минуту молокосос скатится в самую настоящую истерику. Качнув арбалетом, Яна привлекла его внимание, заставив оборвать смех. Поинтересовалась негромко, но с нотками угрозы. Чтобы не расслаблялся и не забывал, кто тут управляет ситуацией...

– Как зовут?

– Сорока... Могла слышать обо мне, если включала радио в обед.

Яна снова нахмурилась, окончательно перестав понимать происходящее. Сорока тем

временем проявил недюжинную проницательность, прочитав ее мысли, будто парниковый шаман.

– Лотерея, – просто пояснил он, но за этими словами Погремушка расслышала горечь и боль. Встрепенулся и молчун, вдруг посмотрев на людей с новым, неподдельным интересом. – Меня выбрали. «Морковка», если неясно. Повезло, да?

– Мне-то что? – отрывисто просипела Яна, проклиная себя за то, что голос подводит, выдавая неискренность. – Сам знал, на что идешь. Мог бы миллион выиграть...

– Мог. – Сорока вздохнул, невесело усмехнувшись в бородавку. – Но не выиграл. Теперь там, – он осторожным движением поднял правую руку, ткнув пальцем в бетонированный потолок погрузочной платформы, – у меня совсем не осталось друзей. И союзников не осталось. Выберусь – сразу сдадут нелюдям...

И одарил застекольщика в рваном комбинезоне взглядом такой неприязни, что тот отпрянул. Судорожно втянул пыльный воздух, выставя перед собой ладони, и скривился, словно пытался подобрать слова, но никак не мог. В другой ситуации это бы выглядело забавным, как говорящая птица или подвывающий в такт песенке хорек...

– Наверху только враги и остались, – словно оскорбление, выдал Сорока сквозь зубы, все еще глядя на парникового. – На тебя, егерь, последняя надежда...

Яна побелела, надеясь, что скудный свет двух фонарей не позволит разглядеть мертвецкий оттенок ее лица. Вот значит как? И сестра, такая разговорчивая наедине, с ремарками лезть не спешит, словно назло. Погремушка даже специально прислушалась к себе. Может, обронит Ленка веское словцо, не оставляя сестренке выбора? Молчит...

Девушка облизала губы, чувствуя пыль и неприятную липкую сырость.

Массовое спасение тонущих щенят, не иначе. Лотерея. Проклятая, неотвратимая, раз за разом подтверждающая неистребимость человеческой глупости, жадности и надежды на бесплатное чудо.

У Яны чуть не закружилась голова. Ее ждут дела. Ждет Баклажанчик, причем только с хорошими новостями. Ее задача куда важнее, чем амортизация молота и наковальни, несущихся навстречу друг другу. Если она потеряет время, если упустит момент... В другой раз вообще может не набраться необходимой храбрости.

– Помоги мне, егерь, – как заведенный, в четвертый раз повторил парнишка.

Оба вздрогнули. Погремушка от искренности произнесенных слов. Парниковый – не пойми от чего. Но на Сороку покосился с печалью и жалостью. Так смотрят на выброшенного котенка, спрятавшегося от ледяного ливня в старой картонной коробке.

В целом паренек, наверное, не такой уж и дурной человек...

Переступив с ноги на ногу, Яна еще раз осмотрела беглеца. Трусоват, это заметно по повадкам и манерам, худосочен для бойца или егеря. Но для мишени, в которую целит заряженный арбалет, держится молодцом. Сдаваться выродкам, опять же, не стал – из всех Погремушкиных знакомых на такое осмелился бы лишь каждый десятый. В пещеры, кстати, сигануть не побоялся, а ведь это верная смерть.

Только если не встретить такую дуру.

– Я укажу тебе выход, – наконец заявила Погремушка, заметив, как тут же напряглись широкие плечи молчуна. – Могу карту показать. Выйдешь там, где я вошла. Веревки остались, разберешься. Больше ничего сделать не могу.

Колени Сороки подкосились. Он удержался на ногах, судорожно втягивая воздух, но закашлялся и спешно натянул респиратор. В глазах его стояли слезы. Парень медленно покачал головой.

– Не могу я обратно... – прошептал он. – Там меня первый встречный сдаст... Только не в этом Секторе. Уведи поглубже, ладно? Если дерьмоголовые соймутся со следа, у меня появится шанс. Выведи на другой конец города, прошу! Я знаю, под землей это возможно...

– Байки это. Но у меня все равно дела, – равнодушно, без эмоций, бьющих ключом. – Важные. Хочешь в Семичасовой Сектор Циферблата, добирайся сам.

– Я заплачу!

– Нужны мне твои гроши.
– Стану твоим рабом до конца дней...
– Да пошел ты!
– Проси что хочешь!
– Ничего мне от тебя не нужно.
– Но я же не егерь...
– И что предлагаешь? – как можно холоднее спросила Яна, не позволяя растущей жалости победить профессиональную расчетливость. – За город тогда вали, в Голь, там искать не станут!

– Это смерть... – выдохнул Сорока.

И тогда парниковый схватился за сердце. Судорожно, рывком, чуть не упав на колени. Погремушка, сначала решившая, что тот полез за оружием, тут же взяла его на прицел. Затем спохватилась, вспомнив, как бедолага отмахивался от крыс голыми руками. И запоздало сообразила, что у застекольщика случился приступ.

Однако девушка ошиблась и во второй раз. Выпрямившись, нелюдь медленно помахал обоим, сообщая, что в норме. Но когда позволил взглянуть себе в глаза, Яну пробрало до костей колким морозом...

Он же ни черта не понимал! Как собака, с интересом наблюдавшая за беседой хозяев. Но едва посмотрел сначала на парня, а затем на нее, Погремушка могла поклясться, что выродок понимает если не все сказанное, то основные моменты.

– Телепат, – беззвучно подытожила сестра. – У них такие водятся, ты знаешь. Он просто читает ваши мысли, не более того. И учится ими управлять.

– Заткнись! – совершенно недружелюбно ответила ей Яна, поглаживая спусковую скобу.

Вероятнее всего, где-то под рабочей одеждой у чужака скрыт ретранслятор-переводчик, с помощью которого охотники обычно опрашивают свидетелей. Забросив арбалет на плечо, Погремушка шагнула к спасенному, одновременно вынимая револьвер.

Сорока вскрикнул. Застекольщик отшатнулся, а девушка приставила ствол «Нагана» к ребрам молчуна, быстрыми движениями обыскав. Ничего не нашла, поразившись пуще прежнего...

И уже собиралась отступить на прежнюю позицию, как парниковый вдруг схватил ее за запястье. Крепко схватил, сила в самце чувствовалась немалая. Яна вскрикнула, рванулась, взводя курок револьвера, но тут в голове словно вспыхнуло. Всего на долю секунды, но будто кто-то явственно начертил перед внутренним взором четыре коротких слова:

«Петр. Отрицание. Причинение. Зла».

Она окаменела, с ужасом уставившись в светло-карие глаза державшего ее существа. Заметила, что Сорока успел обнажить оружие – новехонький армейский «Рогалев», – дрожащей рукой целясь в нелюдя поверх ее плеча. Медленно, словно Ленка оказалась права и ее сестру загипнотизировали, та отвела ствол нагана в сторону.

Спасенный ослабил хватку, но все еще продолжал удерживать ее запястье – выше рукава куртки и ниже края перчатки, прикасаясь к смуглой коже. Вены на его лбу вздулись, по вискам катился пот, оставляя на пыльных щеках извилистые дорожки.

«Объясню. Необходим. Тактильный контакт», – снова пронеслось в сознании Погремушки, и она медленно повернулась к Сороке.

– Опустит-ка пушку, малец... – прошептала Яна, сглатывая комок. – Кажется, этот уродец пытается нам что-то сообщить.

Девушка слышала много баек о подобном псевдоразумном поведении животных. О том, как собаки древности перед землетрясением выталкивали хозяев на улицу. О преданных и умных лошадях, танцевавших под музыку. О питомцах, приносящих тапки или находивших сорвавшихся в колодцы детей.

Но выродок, стискивающий пальцы вокруг ее левого запястья, не был домашним питомцем. Он был результатом кропотливой работы тысяч ученых, причем результатом

опасным. Разработавшим и запустившим в массы такую добровольную казнь, как Лотерея...

– Ты чего, егерь? – не разжимая губ, с негодованием выдавил Сорока. Рука все еще тряслась, неровен час, нажмет на спусковой крючок против воли. – Долбанулась, что ли? Отклонись-ка влево, я ему промеж рогов...

– Опустит пушку, – спокойно, не повышая голоса, повторила Яна.

Демонстративно спрятала наган в кобуру, застегнула. И, надменно глядя на создание, назвавшее себя Петром, с вызовом дернула подбородок вверх:

– Ну, болезный, выкладывай, если есть о чем потолковать...

Тот смутился, не улавливая смысла незнакомых слов. Вообще не улавливая смысла слов. Но руку девушки он держал не просто так – прищурился, соображая. А потом невероятным новым узором пустил в ее сознание объемную, выпуклую мысль:

«Благоприятнее формулируй в голове. Аудиальный канал атавизм. Вербальный канал невосприимчив».

Поняв, чего хочет спасенный ею самец, Яна чуть не выругалась.

Ее начало мелко и часто потряхивать, и она встрепенулась, чтобы не выказать слабину. Впервые в жизни егерь вот так близко, лицом к лицу, находилась к млекопитающему, которое презирала всей душой. И не просто находилась, но и готовилась выслушать мысли, внедряемые ей в голову. Образы обрывочные, путанные, наполненные разноцветными завихрениями, отчего каждый из них представлялся фрагментом мозаики, рассыпанной по невесомости ее черепной коробки.

Сорока, с недоумением уставившийся на парочку из-за яркой колонны фонарного луча, пистолет все же опустил. Сделал к ним шаг, держась настороже.

– Если увижу неладное, – тихо предупредил он, и в голосе читалось неприкрытое беспокойство, – сразу начну стрелять. Ясно?

– Да ясно! – так же негромко огрызнулась Погремушка, увидев понимание и в глазах Петра. – Ты бы лучше этого... парникового тоже за руку взял, малец. Кажется, молчунишка нам обоим тут что-то поведать готов.

Вторая ее словам, нелюдь протянул в сторону свободную руку, мягким приглашающим жестом поманив паренька поближе. От этого «понимания», от этого полумрачного копирования поведенческих конструктов Яне стало до жути не по себе. Ей вдруг представилось, что огромное хищное насекомое, рассудок которого навсегда останется загадкой для человека, сумело натянуть на себя кожу взрослого мужчины и теперь заманивает их в ловушку, притворяясь разумным и покладистым.

– Вот еще! – нервно хохотнул Сорока.

Но подошел, с возбужденным любопытством рассматривая застывший дуэт.

– Разве что, только если вторую лапу ему подержать, – поспешно добавил парнишка, хватая застекольщика за левую кисть. – Чтобы тебя не ударил, в случае чего...

Яна скривилась, чтобы едко поблагодарить рыцаря за проявленное благородство. Но тут Петр глубоко вздохнул и выдал им обоим еще одну порцию мыслей, с натугой увязывающихся в осмысленные образы и формы.

«Вы нуждаетесь в помощи и укрытии, – пронеслось в головах Погремушки и Сороки, заставив людей с недоверием уставиться на парникового. – Способен оказать помощь».

– Тебе-то какое... – начала Яна, но вовремя спохватилась и попыталась переосмыслить сказанное, облекая во внутреннюю речь: – «Тебе-то какое до всего этого дело?»

«Я могу помочь», – протранслировал обоим Петр.

И в этом не совсем голосе, а скорее ярком образном потоке чувствовалось лишь неподдельное желание действительно оказать посильную помощь.

– Я ему не верю, – прошептал Сорока, еще не до конца понимая принцип общения с молчуном. – Он и ему подобные идут, чтобы отнять мою жизнь...

Тот уловил, пусть и не в нюансах. Пospешил ответить новой порцией картин:

«Не имею к Лотерее ни малейшего отношения. Неодобрительная реакция на действия корпатрициантов и сенаторов. Готов помочь».

Погремушка встрепенулась, испытывая едкое недоверие.

– Это еще с какой... «С какой стати? Нам не нужна твоя помощь!»

Она только теперь поняла, какое из чувств существа, держащего ее руку, было доминирующим. Это была жалость. Так мальчишка сбивает голубя из рогатки, но не убивает, а лишь перешибает крыло. А потом приносит домой и выхаживает, заглаживая кровавую вину.

«Могу провести вас к себе домой, – словно прочитав ее мысли, ответил нелюдь, считавший себя Петром. – Накормить, укрыть, помыть».

Тут Погремушка чуть не вывернулась из легкого захвата. Он что, считает ее грязной?! Долбанный парниковый выродок, давний враг человека, полагает, что ей нужна ванна?!

– Бред какой-то, – сипло пробормотал Сорока, едва прошел первый шок от расшифровки зрительных образов. – Да под Пробирками мне сразу конец!

Но Петр, все еще находившийся между ними, вдруг выдал импульс такой яркости и силы, что Яна опешила. А ведь в этом была доля истины! Спрятаться там, где никто и не надумает искать. В самом логове противника, в самом его гнезде. Вот где «победителя» Лотереи Равновесия никогда не хватятся. Перероют Циферблат, перетряхнут весь город, но не найдут и свернут охоту. А она, ответив на предложение спасенного, сможет завершить начатое...

Вероятно, ее мысли не укрылись не только от застекольщика, но и от беглеца в армейской куртке. Сорока скорчил гримасу, замотал головой. Не давая ему произнести ни слова, Погремушка торопливо протранслировала выродку свои опасения:

«Тебе-то какой в этом резон? Тебя обвинят в пособничестве».

«Не обвинят, – отрезал Петр серией ярких картинок, демонстрировавших безупречную иерархию подкупольной цивилизации. – Контакты с синантропами не запрещены. Уйдете, когда утихнет шум».

«Твой интерес?» – не унималась Яна, пытаясь разгадать побудительные мотивы существа в рваном комбинезоне.

И тот ответил, если передаваемые им волны вообще можно было определить как вопросы и ответы.

«Спасла мне жизнь. Обязан отдать долг».

Он вздохнул. Теперь, когда все трое установили нестабильный, но работоспособный канал общения, молчуну стало легче и пот уже не бежал из-под его волос в три ручья. Он поспешил добавить, все еще наполняя парня и девушку прямокой намерений.

«Не могу дать тебе еды или оружия. Противопоставление: благодарность необходима. Супруга не будет протестовать. Молодого самца можешь взять с собой. Он выглядит жалко, ему необходима помощь».

Несмотря на напряженность ситуации, Погремушку едва не разобрал смех.

Самца! Он, нелюдь, забывший о том, каково это быть человеком, оперировал биологическими категориями, рассматривая Сороку только с этой, предельно животной точки зрения. Абсурдность происходящего так потрясла девушку, что она чуть не расхохоталась. Удержала себя, поймав недоумевающий взгляд парникового. Так недалеко и до истерики, от которой она недавно предостерегала парнишку...

«Нечитаемая эмоция. Тебя тошнит?»

«Нет, идиот. Это обычный смех».

«С-м-е-х? – Петр какое-то время катал в сознании незнакомый термин, подбирая к нему наиболее подходящие визуальные определения. – Ты удовлетворена в высшей степени? Обозначение: мое предложение принято?»

Несколько секунд девушка рассматривала застекольщика. Существо, забывшее, что такое обычный человеческий смех. Странное и пугающее нечто, добровольно отказавшееся от речи ради обмена красочными мыслеобразами, за которыми читались истинные мотивы и напроочь отсутствовала неискренность...

– Неожиданный поворот, сестренка? – вдруг прошептала Ленка в ее голове, заставив

Петра уловить и нахмуриться. Ей на смену пришел другой внутренний голос, теперь принадлежавший Баклажанчику: – Вперед, Погря. Ты же знаешь, что это отличный шанс довести дело до конца...

Он был прав. Они оба были правы.

Даже если отпустить выродка, сюда скоро заявится команда «награждения». Явится в любом случае, ведь кулема по имени Сорока теперь не отцепится от нее, углядев в егере свой шанс на выживание. Не ногу же ему дырывать, бросая на этом проклятом перроне? Как ни крути, отныне ее миссия под угрозой, и капитулирующим возвращением на поверхность задачу шефа не выполнить.

Но вместо того, чтобы прокомментировать свою реакцию, Яна несколько раз глубоко вдохнула. И кивнула обоим. Если молчун обманывает – а она по-настоящему верила, что это невозможно, – Погремушка всадит в него пулю. На этот раз без всяких сожалений или душевных метаний. Убийца она или нет, но если спасенный нелюдь собрался завести их в ловушку, он погибнет первым.

От Петра ее планы не укрылись. Закусив губу, тот твердо кивнул в ответ, словно подписывая негласный контракт, в случае неисполнения которого отдавал на заклятие собственную жизнь.

– Что происходит? – испуганно спросил Сорока, еще не до конца распознав, какими ментальными образами обмениваются девушка и застекольщик. – Он действительно может помочь?

– Может, – с прохладцей ответила Погремушка, старательно закапывая в сознании подлинные мотивы посещения Девяти Куполов. – А если ты не до конца понял, о чем идет ре... о чем сообщает нам этот чудик, то слушай меня очень внимательно.

13

«Однако не будем делать спешных выводов, а обратимся к новой порции уникальных фактов. Доказано, что ряд приматов – в частности, шимпанзе предрасположены к изготовлению орудий труда и охоты, с помощью которых впоследствии охотятся на более мелких собратьев-приматов или гарпунят рыбу. Также копьё может служить для измерения глубины водоема. Как и человеку, обезьяне характерно издавание звуков во время полового акта, а стимуляция самца криками поощрения со стороны самки заставляют того на 74 % успешнее завершить процесс соития. Громко торжествовать при успешной эякуляции предпочитают 2/3 самцов обезьян».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

В упорядоченной, разложенной по полочкам жизни Петроса крайне нечасто возникали ситуации, когда он решительно не понимал ни собственных поступков, ни мотивов, толкнувших его на эти поступки. Сейчас, сидя в герметичной и непроницаемой снаружи кабине автоматизированного такси, он был почти готов смириться с фактом, что такая уникальная ситуация наступила.

Что он вообще делает?

Сходит ли с ума, подбирая на улице двух смертельно опасных пустышечников и таща их к себе домой, где хозяйничает по дому Кристиния, а Аврора вот-вот вернется из школы? Петрос не знал. Косясь на пассажиров заднего сиденья через зеркальце над лобовым

стеклом, он кусал губу и надеялся, что его ауросемантический фон не настолько ярок, чтобы его прочитали подобранные в подземелье нелюди.

Впрочем, размышлять о правильности поступка, сидя в комфортабельном автомобиле, летящем по подземной магистрали на скорости сто километров в час, легко. Гораздо сложнее было сделать это там – внизу, где скрывалось не нанесенное на карты метро, буровая машина проломила старый тоннель, а химеры мечтали в мгновение ока пожрать невезучего. Там, где двое диких прямоходящих зверей скалились то на Петроса, то друг на друга, размахивая оружием и сыпля бранью, готовые пустить в ход пули, когти и зубы.

Но и там, на темном перроне, освещенном двумя лентами фонарных лучей... И здесь, в обтекаемой кабине робота-такси... Петрос испытывал умиротворение от полнейшего отсутствия внутреннего конфликта.

Он все равно поступил бы так же. При любых обстоятельствах не смог бы бросить этих несчастных, грязных и запуганных существ. Живых существ, пусть и отстающих в развитии от человека. Ведь он на собственном опыте убедился, что, если к скуднодухим применять ласку и аккуратное понимание, они идут на встречный контакт. Тянутся навстречу, демонстрируя поистине забавные поведенческие механизмы, так напоминающие его, Евгения или любого другого жителя Новосибирских Куполов...

А еще нельзя не принять во внимание благодарность, испытываемую Петросом к молодой самочке, спасшей его от химер. Здесь, в мягком освещении салона, она казалась ему еще симпатичнее и милее, чем внизу, в неверном свете. Вздернутый носик, короткие каштановые волосы, широкие скулы и крохотный лоб, характерный для всей циферблатовской породы. Губы, пожалуй, великоваты, но в целом это экстерьера не портило.

Да, она нарычала на него. Использовала самые губительные на клеточном уровне вербальные конструкции, бранилась и грозила оружием. Но все же спасла, бросив факел и веревку. И Петрос не мог этого просто забыть.

Правда, потом в их отношения вклинился еще один пустышечник. Не пойми откуда взявшийся молодой и самоуверенный фертильный самец, до икоты перепуганный участием в Лотерее, насколько стало понятно по его выплескам.

Было очевидно, что особи синантропов незнакомы друг с другом, принадлежат к разным социальным группам и проживают в разных ареалах обитания. Самец был странным, дерганным, пытавшимся избежать неизбежного. Но именно это жизнелюбие Петроса и привлекало. Как в старинных рассказах о других животных, сражавшихся за жизнь и свободу наперекор воле царя природы...

Конечно, позже оператор подземной техники обязательно доложит об инциденте в необходимых отчетах. Упомянет, что ответвления магистрали 12/74.2 слишком легкодоступны для вторжения извне. Запросит поддержку очистительных бригад и лично проконтролирует блокировку каналов.

Но подумать только, всесильное Единое Божество! Он никогда в жизни не встречал аборигенов Периметра так близко. Даже в зоологическом саду, где их изучением занимались многочисленные цеха биологов и антропологов. И чтобы вот так – нос к носу, в естественной среде обитания, причем сразу двоих и разнополых?

Все же, как ни крути, пустышечники – не обычные химеры или представители семейства кошачьих. Близкие соседи по эволюции и филогенезу, если такое сравнение применимо к столь эмоционально и умственно обедненным существам. И вовсе не столь кровожадные, как об этом регулярно сообщают средства массовой информации или корпоративные магнаты.

Вполне возможно, что Петрос вообще мог бы подружиться с одним из них.

Если ненадолго, разумеется.

Привязываться к существам из-за Куполов было не просто нелепо, но и опасно. Долгое совместное проживание могло не только нанести урон логосу хозяина, но и грозило душевными травмами. Ведь сколько живет скуднодухий? Вдвое меньше, чем любой человек.

По людским меркам самочке уже, наверное, исполнилось не меньше шестисот лунных циклов. Осталось вдвое меньше.

Да и ее спутнику, пожалуй, столько же. Заводить такого питомца надолго – означало заведомо обрекать себя на болезненную утрату. И то в случае, если любимец приживется в семье и не нападет на кого-то из близких...

Петрос отвлекся от хаотичного потока мыслей, придирчиво осмотрев себя в зеркале.

Видок, нужно заметить, был еще тот. На лице ссадины и порезы. Все тело болит, шея в крови. Прическа разметалась, одежда порвалась даже через плотный комбинезон, от которого вообще остались одни лохмотья. На днях ему предстоит составить вдумчивый рапорт о потерянном подотчетном снаряжении и униформе, которые он умудрился так нелепо и обидно растратить.

Впрочем, он остался жив, и это главное. А траты – это всего лишь траты.

Затем следовало придумать нечто достоверное и взвешенное, чтобы не угодить под штраф за нарушение рабочих протоколов. Для этого достаточно лишь восстановить картину случившегося. Подготовить набор мнемослайдов. Разложить по заготовленным мыслеформам и отместить лишнее, способное вызвать ненужные вопросы начальства. Остаточные слепки все равно останутся, но Петрос спишет их на стресс. И будет надеяться, что для расследования произошедшего не привлекут комиссию с мощными эмпатами в составе.

Ведь все так просто!

Отправился разведать причину остановки колонны. Отчитавшись об этом и несколько раз запросив поддержку. Обнаружил провал, провел самостоятельную разведку, угодил под оползень. Кое-как выбрался, но получил легкие травмы и почувствовал себя неважно. Забрал личные вещи из кабины оператора, отметил экстренный отгул. Не пожалев денег, вызвал скоростное такси. Сразу укатил домой.

О том, что какое-то время двое нелюдей прятались в ковше отогнанного на поверхность экскаватора с отключенными камерами наружного наблюдения, Петрос упоминать не станет. Это никак не отразится ни на графике проходческих работ, ни на его карьере. Значит, ни Лисницкому, ни кому-то еще об этом знать просто необязательно...

Ах, какими мощными эмоциональными протуберанцами плевалась самка по имени Йанна, когда на строительную площадку прикатило такси и Петрос позволил пустышечникам покинуть укрытие! От нее разлило на несколько шагов: арбалетчица твердо решила, что инженер их предал. Она буквально изрыгала свои примитивные эмоции, столь же наглядно варварские мыслеформы читались на ее мордашке. Печально, но за время ожидания Йанна несколько раз пожалела о том, что спасла человека от химер. И была готова продырявить Петросу голову, едва зазвучат сирены и отряд полиции окружит экскаватор.

Странные, пугливые существа... Он же ясно дал понять, что не лжет в своих намерениях помочь. Неужели скуднодушие настолько невосприимчивы к правде? Неужели не знают, что в человеческом сознании давно умерли такие лишние понятия, как ложь/антиистина/неправда? Какой удачей в таком случае стало установление с ними полноценного контакта! От мыслей об этом Петроса переполняло удовлетворение, насыщенное богатыми оттенками терракотового и песочного цветов.

А затем в голову пришла весьма здравая идея.

Вынув из-под ног портфель, он торопливо разложил на коленях планшеты мобильного компьютера. Кое-как извернувшись на сиденье, показал обоим нелюдям, как пользоваться обручем «Помощника». Те вроде смекнули, но в глазах все еще блуждало легкое непонимание.

Передав раскрытое устройство Йанне, сам Петрос воспользовался телефоном, встроенным в приборную панель такси. Надел на шею приемник, сжал в левой руке светящийся шарообразный передатчик. И набрал собственный номер, по которому консультировал во время поездки на основную работу.

Нимб «Помощника» осторожно надела самка, исподволь продемонстрировав

доминантную позицию в паре пустышечников. Сообразительная, что подтверждалось с каждой минутой. Ее спутник, чье имя по какому-то недоразумению в мыслеформах Петроса ассоциировалось то ли с числительным, то ли с пернатым Pica Pica из семейства врановых, с недоверием наблюдал за манипуляциями спутницы. Казалось, он опасается прикосновений к компьютеру.

«Доверие, – протранслировал Петрос, когда Йанна ответила на вызов, утопив помигивающую кнопку. – Подтверждение: вы в безопасности. Формулирование мыслей. Возможность общения».

«Удовлетворительно», – вдруг ответила она.

Точнее, жительница Кольца сформулировала это не так однозначно. Сознание человека охватил целый вихрь обетшалых эмоций, множество оттенков которых считались безнадежно устаревшим. Однако психосемантический контакт был установлен, и инженера это устраивало.

«Повторение, – терпеливо послал Йанне Петрос с самыми добрыми и откровенными пожеланиями. – Я дам приют. Когда шум стихнет, выпущу обоих на волю».

Молодой пустышечник, отвернувшись, позволил видам магистрали полностью завладеть собой. Приоткрыв рот, он наблюдал за многоколесной пульсацией цивилизации, за ее упорядоченным ритмом и безупречностью подземных потоков. От него исходила усталость, перемноженная на страх, но также восторг.

Снаружи, мерно перестраиваясь в потоке, сновали легковые машины, грузовые транспорты корпораций и автобусы. Более всего уровень выплесков самца сейчас напоминал ответную реакцию сознания на незнакомую программу феи, словно тот смотрел ее наяву. Петрос тут же признал, что ассоциация была нелепой – нелюди не смотрят фей...

«Молодец, – ласково похвалил он Йанну. – Удовлетворение от твоей сообразительности и смекалки. Хорошая девочка».

«Негодование! – Логос пустышечницы взорвался такими негативными эмоциями, что человек поморщился. – Принимаешь меня за животное? Сахар дай, если этого недостаточно! Хочешь погладить меня по голове?»

Петрос растерялся.

Неужели при выполнении поставленных задач скуднодушие действительно поощряли друг друга сладкими подачками и физическими ласками? Расшифровав след до конца, он решил, что это не более чем отжившая форма мягко завуалированного оскорбления. Вежливо улыбнувшись, мужчина посчитал лишним заострять на этом внимание.

«Извинения, – смиренно сообщил он. – Мало общения с тебе подобными. Наблюдал пустышечников только по телевизору или в адреналиновых феях, где стержнем сюжета является бегство от хищников».

Йанна фыркнула, что-то пробормотав сквозь зубы. След ее вербальной конструкции уколол Петроса в щеку, и он поспешил сменить тему. Однако самочка, как выяснилось, была настроена продолжать.

«Считаешь нас животными?! – Ее лицо покраснело, внезапно становясь еще более привлекательным. – Ты неразумное растение, выращенное в теплице! Каким образом ты набрался смелости следовать подобным схемам поведения?»

«Извинения. Ласка. Спокойствие».

«Я – человек», – твердо протранслировала Йанна полную нелепицу.

И мгновенно заставила оператора машин вспомнить забавные ролики. Те самые, в которых владельцы генетически сконструированных животных одевали питомцев в крохотные курточки и головные уборы, придававшие им карикатурное сходство с людьми.

«Неразумно, – как можно мягче парировал он, внимательно наблюдая за собеседницей в зеркало заднего вида. – Ошибка логических конструкций. Человек – я».

Петроса утопило в странном модальном логосолитоне – прямом согласии с очевидным бранным недоверием, поданным в форме вопроса. Казалось, Йанна начинает по-настоящему злиться. Образы стали рваными, резкими и агрессивными.

«Человек, лишенный ценных речевых функций?»

«Ценность вербализации преувеличена. Я – новая эволюционная ступень, – деликатно оправдался он, чувствуя непрошенную вину за неполноценность пустышечницы. – Сознательное отрицание атавизмов».

«Божество! Сформулирована ни разу не услышанная обществом глупость! – И вдруг Йанна подалась вперед, задевая Петроса пелериной эмоциональной бури: – Требую ответа! Почему подобные тебе сознательно отказались от речевых схем коммуникации? Почему испытываете страх?»

«Страх нет», – терпеливо протранслировал мужчина.

Воспитывая собственного ребенка, он представлял, с чем столкнется при общении с недоразвитым обитателем Периметра, и был готов удовлетворить любопытство чуждого существа. Особенно если это позволит установить более глубокий контакт. Даже если на это уйдет какое-то количество времени и сил.

«Осознанный шаг. Улучшение человека. Развитие внутреннего логоса. – Петрос старательно подбирал логосолитоны, стараясь находиться в нежно-желтом поле заботы и опеки. – Еще в конце XX века научно доказано, что речь является способом, позволяющим передать лишь 20 % полезной информации. Остальные 80 % человек получает через невербальные источники. Прикосновения, запахи, язык тела, взгляды и микромимику; а также ауросемантические выплески, в древности имевшие определения телепатии и психокинеза. Тогда же была открыта теория электромагнитной и торсионной природы предчеловеческой речи. И даже письменности. Была выявлена опасность влияния речи на геном».

Мужчина мог лишь догадываться, понимает ли самочка его непростые рассуждения.

Пока она молчала, с изрядной долей гнева изучая его через зеркальце на лобовом стекле. Ах, какой прекрасно-наивной казалась сейчас арбалетчица!

«Учеными середины XXI века было доказано, – осторожно продолжил инженер, стараясь не спугнуть и не запутать Йанну, – что под воздействием недочеловеческой речи солитоны ДНК любого организма, от бактерии до высших млекопитающих, подвергаются необратимым изменениям. Была доказана губительная сила вербальной коммуникации. И это при повсеместной не востребованности устаревшего канала обмена информацией и экспонентном развитии электронной коммуникации. Если бы предки избрали путь исключительно позитивного применения речи, чье положительное влияние на рост клеток или восстановление хромосом тоже было подтверждено, мир стал бы иным. Но природу человека изменить сложнее, чем переучить способы общения. Оказалось, что материальность мыслеформы вообще не имеет столь пагубных последствий. Поэтому человечество приняло осознанное решение перейти на новую эволюционную ступень».

«Солитоны? Недопонимание».

«Кластеры хранения информации в отдельно взятых нуклеотидах дезоксирибонуклеиновой кислоты. – Петрос не смог объяснить проще, а потому постарался добавить в мыслеформу побольше красочных зрительных образов. – Так родилась основная единица коммуникации человека нового поколения – логосолитон, тактильный выплеск мыслеформы. Теперь ты понимаешь суть заблуждения?»

Казалось, она поняла.

Но вместо принятия и смирения Петрос вдруг ощутил исходящую от нее глубочайшую безысходность. А еще – встречное сострадание. К нему, его цивилизации и роду, ко всему огромному сияющему городу, который люди укрепляли и развивали день за днем. Птица-Цифра по-прежнему не участвовал в дискуссии, глядя в окно на скоростные автомобили и забыв прикрыть рот.

«Сострадание?» – недоуменно протранслировал инженер, уверенный в ошибке восприятия.

«Корректно», – устало откидываясь на спинку сиденья, ответила Йанна.

Провела по коротким пыльным волосам, прикусила губу. Разглядывала сложный

прибор на коленях так, словно тот был взведенной бомбой. Поделилась переполнявшими чувствами, от которых человеку стало не по себе:

«Испытываю жалость к неполноценности собеседника. Требую ответа: что происходит в твоей голове, когда ты мыслишь? Слышишь ли внутренний голос? Собственный или принадлежащий другому человеку, значимому для тебя?»

Вопросы поставили Петроса в тупик. Но он быстро сообразил, что именно пытается вызнать любознательная самочка.

«Голос давно стал крайне размытым понятием».

Он ликовал от ее смысленности и умения формулировать простенькие логосолитоны. Происходящий спор был прямым подтверждением общего предка, а также доказательством величия последнего скачка эволюции, каких мир не видывал со времен неандертальцев.

«Система мышления, построенная на внутреннем диалоге, безнадежно устарела. Напоминая аппендицит, который мы удаляем малышам еще в чреве матери. Все мои измышления приходят в форме мыслеобразов. Испытываю сложность в объяснении данного понятия такому ограниченному существу, как...»

Он запоздало оборвал послание.

Расшифровав его обрывок, арбалетчица напряглась, словно за шиворот ей запихали ледяную палку. Щеки ее снова покраснели, ноздри принялись раздуваться, и Петрос поспешил загладить оплошность выплесками удовольствия и безмятежности. Искренними выплесками – ссориться с пустышечницей, спасшей ему жизнь, или провоцировать ее на драку он совсем не хотел.

«Голосов больше нет, – спокойно сообщил он Йанне, когда почувствовал спад напряжения. – Совершенствование дало результаты: мы овладели техникой перинатального конструирования здоровых синаптических связей. Победили аутизм, алекситимию, психозы и иные расстройства психики, связанные с затрудненной коммуникацией. Сделали людей равными, без деления на глухонемых и нормальных; на нормальных и сумасшедших, неспособных облечь мысль в слова или спастись перед формированием причинно-следственных связей. Сознание нового человека базируется на ярких корневых образах, которые одновременно обладают и изображением, и запахом, и вкусом. Также они сопровождаются определенной цветовой гаммой, напрямую воздействующей на наши эмоциональные центры. Иногда мысли приходят набором музыкальных фрагментов. Иногда в текстовом режиме. Вывод: испытываю затруднение в определении понятия «внутренний голос»...»

Он приостановил поток логосолитонов, ожидая нового вопроса.

Но силы, казалось, оставили самочку.

Безвольно стянув со лба плоский обруч «Помощника», Йанна несколькими уверенными движениями собрала компьютер. Оборвала линию, шумно захлопнула портфель. Вероятно, принятая Петросом за жалость эмоция была неподдельной. Он лишь ошибся в ее объекте: скуднодухая жалела не людей. Она жалела себя и себе подобных.

Инженер ее прекрасно понимал. Тяжело существовать, ощущая свою непоправимую неполноценность и ущербность...

Птица-Цифра что-то пробубнил.

Йанна спешно выглянула в окно. Расстегнула кобуру на боку, вопросительно уставилась на оператора буровой техники. Такси, плавно перестроившись в крайний правый ряд, сворачивало на широкий пандус, уводящий еще глубже. По гладкой бетонной ленте въехало в подземную парковку жилого дома, гостеприимно распахнувшего ворота.

Убирая автомобильный телефон в выемку на панели и подставляя штрихкод для оплаты проезда, Петрос жестами дал понять, что все в порядке и они прибыли в пункт назначения.

Теперь предстояло решить, как ему объяснить Кристинии необходимость тащить в квартиру двух грязных и дурно пахнущих нелюдей. Впрочем, когда она поймет, какие они милые и сообразительные, сразу сменит гнев на милость...

«Высшая мимика слонов была доказана еще на рубеже веков: манипулирование ушами, хоботом и наклоны головы выражали богатейшую гамму эмоций и чувств, позволявших определить настроение и намерения животного. Слоны умели ритуально приветствовать друг друга, проявляли трогательную заботу о малышах, крайне тосковали после смерти сородича или новорожденной особи. Воистину социальные животные, они до смерти хранили верность стаду. Также доказано умение слонов смеяться от радости».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Если на время забыть о коварстве и молниеносности паука... о неприглядном, с точки зрения человека, способе пожирания жертв... о зловещем яде, способном свалить с ног существо, в сотни раз превосходящее гадкое членистоногое размером и массой...

Если выбросить из головы все мрачное и мерзкое, то паутина – одно из наиболее утонченных произведений искусства Матушки Природы. Не потеряй Сорока на какое-то время способность здраво соображать и оценивать собственные эмоции, подобную параллель обязательно бы провел. Потому что вид рукотворной паутины – ослепительного, чистого и восхитительно умно построенного города, разделенного на девять огромных районов, – вытеснил из его головы любые мысли.

Вид этот на время поездки в скоростном такси, управляемом волшебной микросхемой, заставил инстинкты задремать. Усыпил мысли о сохранении жизни, о кровожадных охотниках и ужасах подземелья, из которого они трое выбрались на удивление легко.

Швырнул в лицо блесками роскоши и безмятежности, о которых на Циферблате ходили только легенды и домыслы, один другого фантастичнее. Егеря вот еще могли правду рассказать, да как-то не спешили. Теперь же Сорока видел великолепие купольного Города собственными глазами. И оно настолько пленило парня, что на всю поездку тот словно отключился, уставившись в окно и даже не заметив, чем были заняты остальные...

Многополосная подземная магистраль, соединявшая Купола, была похожа на стеклянную трубку, в которую вставили зажженный фейерверк, наполнив метанием ослепительных искр. Высотные здания, почти упиравшиеся в хрустальные небосводы, – на титанические драгоценности, монументальные и изящные одновременно. Уличная электроника, вроде сканеров, уборочных роботов или телефонных автоматов, шептала о жизни, которой Кольцо не увидит никогда. Рекламные щиты, плывущие в воздухе голограммы и кружащие над улицами зонды поражали яркостью, грацией обводов и совершенством дизайна.

Город, такой холодный и неприступный снаружи, изнутри казался домом небожителей. Раем на земле, пределом мечтаний и воплощением будущего, каким оно вообще может стать для человека и его цивилизации.

Несмотря на то, что молчуны оставались изолированными от мира подопытными лабораторными мышами, уровень жизни этих мышей оставался воистину королевским. Никогда... абсолютно никогда, даже выиграв в Лотерею два миллиона рублей подряд, ни один из жителей Циферблата даже отдаленно не приблизится к благополучию, которым был преисполнен Заповедник.

Вспомнив о Лотерее, Сорока сразу помрачнел...

К тому же яркий болид, забравший троицу со строительной площадки, вдруг перестроился в потоке движения. Рискуя врезаться в идущие наперерез машины, он ловко славировал в непрерывном потоке, даже не поцарапав борта. Нырнул в боковой сворот, где между тучных колонн фундамента обнаружилась просторная стоянка. Выбросив из головы неуместные восторги, «победитель» потрогал лежащий в кармане куртки пистолет. Стало чуть спокойнее.

– Не кипятись, малец, – заметив его нервозность, прошептала Погремушка, сидевшая слева. – Мы у него дома, неужто неясно? Но нос по ветру держи, это верно...

Парниковый, которого вроде бы звали Петром, первым вышел из машины. Поманил за собой, добродушно и терпеливо, будто имел дело с недоразвитыми. Или с дикими зверьками, которым показывают новый вольер.

Выбравшись наружу, Сорока втянул сухой кондиционированный воздух подвала и помассировал виски. Ему казалось, что последнюю четверть часа он проспал наяву. Тревожно, урывками. Еще и всякая ерунда в сны лезла, словно где-то в соседней комнате все это время негромко работало радио.

– А чего это вы делали? – поинтересовался он, когда Погремушка пружинящей походкой обогнула такси, внимательно осматриваясь и запоминая расположение видеокамер на въездах. – Ну там, в машине, когда ты на лоб железку напаяли?..

– Болтали... если так можно сказать.

Девушка пожалала плечами, продолжая вертеть головой.

Подмечала, казалось, любую мелочь: количество машин на парковке, месторасположение выходов и лифтовых секций, размеры решеток вентиляционной системы. Арбалет, взведенный, но без стрелы на ложе, висел за спиной, а при свете дня Сорока рассмотрел и второе оружие егеря – старенький тонкоствольный револьвер на бедре.

– Как такое возможно? – удивился парень.

– Мыслями, если кратко. – Казалось, Погремушка не очень настроена на беседу. Отвечала сухо, торопливо, будто песком плевалась. – Знаешь, обезьян языку глухонемых еще лет двести назад обучили... Вот и мы...

Такси, развернувшись плавно и почти бесшумно, укатило обратно на магистраль.

Петр, медленно подошедший к одной из лифтовых групп, терпеливо дожидался их за колонной. В его поведении тоже чувствовалась настороженность. Видимо, не хотел на соседей наткнуться, в такой-то компании...

Девушка потянула Сороку за рукав, и он послушно заковылял следом. После бегства по городу и сумасшедшего блуждания под ним у него жутко болели ноги. Не позволяя вниманию рассеиваться на такую мелочь, он стиснул зубы и побрел за егерем. На ходу вынул оружие из кармана, сунув обратно за ремень штанов.

– И чего интересного тебе эта обезьяна сообщила? – Он понимал, что может вызвать раздражение спутницы. Но разговоры хоть как-то отвлекали от судорог в икроножных мышцах, да и от звуков голоса становилось чуточку спокойнее. – Удалось прочитать нелюдские мысли?

– Удалось... – пробормотала Погремушка. А затем добавила пару таких интересных и замысловатых ругательств, что парень икнул. – Представляешь, этот урод действительно не считает нас людьми. Мол, эволюционная лестница, сознательный отказ от речи, бла-бла-бла... Дескать, слова могут разрушать гены...

Сорока покосился на девушку, стесняясь показать полную неосведомленность в данном вопросе. Оба неспешно шли к лифтам, где их дожидался Петр. Осознав, что без пояснений дальше станет еще запутаннее, бывший продавец все же наступил на горло гордости:

– А... а что такое гены?

Теперь пришла очередь коситься Погремушке. Взглянула так, будто парнишка не термин незнакомый услышал, а вообще в школу не ходил. Но пояснить соизволила, одновременно повернувшись на шорох в дальнем углу парковки.

– Такая невидимая хрень, из которой состоит человек... – Рука девчонки лежала на кобуре, вызывая легкое недоумение Петра, полагавшего, что они в полной безопасности. Он уже вызвал кабину, дожидаясь в открытых дверях. – В общем, они считают, что можно крепко рявкнуть на кого-то, и у него сердце остановится.

– И что? – Испуганно глядя на спутницу, Сорока даже замедлил шаг. – Это правда?

– Ага, точно! – Погремушка хотела сплюнуть под ноги, но пугающая стерильность подвального этажа остановила, и она лишь фыркнула. – А еще говорят, что ножом убить можно, слышал? Это повод отказаться от него на кухне? И еще про скальпель подумай...

Жестом она дала понять Петру, чтобы тот первым вошел в лифт и прижался к стенке. Последовала за ним, оставив Павла замыкать шестивие.

В кабине оказалось светло и уютно, в скрытых динамиках под потолком играла ненавязчивая музыка. Погремушка внимательно осмотрела панель управления, не обнаружив камер, и только после этого позволила парниковому нажать кнопку нужного этажа.

Выставила нелюдя лицом к матовой двустворчатой двери, спиной к ним обоим. Люди же отодвинулись в угол, негромко переговариваясь. Пока лифт упруго возносил пассажиров на двенадцатый уровень, девушка немногословно пересказала Сороке состоявшийся в машине обмен мыслями.

Тот молча слушал, изредка хмыкая под нос, покусывая губу и время от времени ошалело качая головой. В ней решительно не укладывалась мысль о сознательном становлении чудовищами. О выборе, сделанном в пользу и вопреки. О мифическом обогащении через сознательное обеднение. О том, каких страшных существ породили на свет ученые прошлого, преисполненные благих намерений...

Даже самых небогатых школьных знаний Сороки хватало, чтобы понимать, как сильно ошибаются застекольщики, описывая свое зарождение. А потому вместо ожидаемой злости парнишка вдруг испытал обиду. На случай, судьбу и стечение обстоятельств, сделавшее мир таким, каким он выглядел с макушки самой высокой городской Теплицы...

– Почему он нам помогает, как считаешь? – стараясь говорить тихо-тихо, так, что и сам себя с трудом слышал, спросил Павел арбалетчицу, буравящую взглядом затылок строителя.

– Я ему жизнь спасла... – неохотно ответила та, дернув плечом. – А вообще это у многих животных в крови. Слышал, как в старину дельфины упирались носами в пятки человека и выталкивали тонущих на поверхность? И ведь никто же об этом не просил, верно?

Разговор с егерем окончательно отрезвил.

Вернул с небес, где жизнь была похожа на самую сладкую суррогатную сгущенку, которую ему доводилось пробовать. И тут же в голове вновь зазвучал голос отца. Да так неожиданно, что Сорока вздрогнул.

– Зря ты, Пашка, в хату к выродку этому лезешь, – вздохнул батя. Да до того естественно, что «победитель» искоса зыркнул на Погремушку – не расслышала ли ненароком? – Бежать тебе надо, а ты по гостям расхаживать взялся...

Отвечать отцу, даже мысленно, Сорока побоялся. Вместо этого сжал кулаки, глядя на мерцающий огонек, бегущий по шкале этажности. И дал себе слово, что по гостям рассиживаться не намерен со всей категоричностью, а предоставленное убежище покинет при первой же оказии.

– Вот это верно, – похвалил батя, от которого мыслительные терзания Павла укрыться не могли при всем желании последнего. – Как выяснишь, насколько далеко Циферблат, сразу тикай. Может, ты в одном из центральных Куполов. А может, на самой окраине, тут тебе и егеря не понадобится...

Лифт прибыл на двенадцатый этаж.

Словно в полудреме, Сорока наблюдал, как Погремушка позволила Петру покинуть кабину. Как двинулась следом, держась за плечом молчуна, настороженно осматривая просторную лестничную площадку и коридоры. Парень направился следом, незаметно для себя кусая грязный ноготь на большом пальце.

По всему выходило, что отец прав. Бежать нужно было как можно скорее, только сориентироваться осталось, куда именно да какой Сектор ближний. С другой стороны, и тут голос в голове вновь крестил его болваном и олухом, спешка могла навредить. Ведь если рассуждать спокойно и взвешенно – тут, в одном из жилых комплексов «стекляшки», его уж точно не хватятся. Если, конечно, не произойдет предательства и охотникам не дадут знать о местонахождении «призера»...

Но Погремушка была спокойна.

Не совсем, конечно. Но насколько можно быть спокойным в сердце вражеской территории – на все сто. А уж она-то, в этом у Сороки не осталось никаких сомнений, в подобных передрыгах пуд соли съела. Или бронзовые башмаки сносила, как там в народе говорят?

Пока егеря не дергается и стволом нелюдь в ребра не тычет, он – Сорока – тоже воду мутить не станет. Выяснит все обстоятельно, пути отхода наметит. Сектор приметит, может, еще провизией запасется. А уже потом в дальнейшие бега пустится. За это время и след остынет, и ловчие запутаются окончательно. Кроме того, но этого Павел не собирался признавать ни перед невидимым отцом, ни перед самим собой, оставалось элементарное любопытство.

Вон девчонка – его одноклассница почти, ну разве что чуток постарше... а как быстро сориентировалась! Акклиматизировалась, с нелюдем запросто болтает, словно дрессировщик цирковой. От того, с какой одинаковой легкостью Погремушка освоилась в подкупольных реалиях, одновременно оставаясь собранной и чуткой, парня брала самая настоящая зависть.

Процессия достигла квартиры, которую Петр открыл прикосновением ладони к специальной сенсорной пластине. Чуть подавшись вперед, Сорока на всякий случай потянул девчонку за локоть.

– Слышь, егеря?... А мы ему точно доверять можем?

Спросил тихо, чтобы не вызвать ни тени подозрительности. Арбалетчица, не отнимавшая руки от револьверной рукоятки, вдруг улыбнулась – мертвецки-натянуто, криво, одними бескровными губами.

– Может, он и зверь, – спешно прошептала она, шагая в квартиру следом за парниковым, – но инстинкты у него работают не хуже нашего. В том числе, самосохранения. Уверена, дядя хорошо понимает: пойдешь что-то не так, первая пуля – ему. На это, малец, и уповай.

И оставила Сороку самому решать, пересекать ли порог или оставаться снаружи. Глянув вправо-влево, тот суетливо нырнул за егерем, прикрывая за собой дверь, пока в коридор ненароком не вышел кто-то из соседей.

Застеколыщицей, с которой сожительствовал Петр, оказалась хрупкая миловидная особа, чей возраст и в шесть десятков лет будет замаскирован врожденной миниатюрностью. Когда, чуть не запутавшись в собственных ногах, паренек вошел в жилище молчунов, он обнаружил обоих парниковых посреди светлой прихожей. Стояли неподвижно над портфелем с компьютером, взявшись за руки и сосредоточенно уставившись друг другу в глаза.

Время от времени Петр разрывал контакт, чтобы через плечо оглянуться на Погремушку и Сороку. Тогда его подруга тоже принималась внимательно изучать гостей. Незваных гостей. Вооруженных и диких. И своего опасения к визитерам женщина-нелюдь не могла скрыть даже под маской деликатного любопытства.

Наконец она кивнула.

Найденный в подземелье инженер, чьи плечи облегченно поникли, шумно выдохнул и обернулся, приглашая проходить в квартиру.

Его супруга исчезла на кухне. Вернулась через несколько секунд, неся тончайший электронный планшет, вероятнее всего обыкновенно занимавший место на дверце холодильника. Смахнув надписи «молоко – недельная нехватка; паштет нов.; моющее средство», она выдернула из паза стилус, размашисто начертив: «Кристины».

Сорока был поражен до глубины души.

По здравому размышлению он, конечно же, осознал наивность заблуждения. Разумеется, молчуны умели писать! Причем по-русски, на нормальном человеческом языке, только его от развитых предков и сохранив. Разве что изображение отдельных букв разнилось, да присутствовали сомнительной необходимости завитки и каллиграфические виньетки...

Павел с пониманием кивнул, со встречной неприязнью заметив удивление, промелькнувшее на лице Кристины. Будто бы, вместо обычного прочтения ее имени, гость полчаса кряду жонглировал фарфоровыми вазами, балансируя на одноколесном велосипеде.

Погремушка на доску тоже взглянула. Но с долей рассеянности – девушка медленно обходила квартиру, подсчитывая количество окон, замечая датчики сигнализации и месторасположение телефонных аппаратов.

Петр снова взял худенькую сожительницу за руку.

Интересно, задумался Сорока, а у парниковых подруга жизни тоже называется женой или для этого есть какой-то специальный термин? Он потупился, в очередной раз почувствовав смущение. Кристина смотрела на него без злобы или страха, но с каким-то отстраненным недоверием. Будто до сих пор не могла воспринять факт, что в их доме находятся сразу двое существ, которых она привыкла видеть только сквозь бронированные ячейки Куполов.

«Помещение с водопоем, – красивым витиеватым почерком, довольно быстро написала женщина на планшете, разворачивая к Сороке и егерю. Свободной рукой указала на ванную комнату в дальнем конце коридора. Дописала: – Голод? Могу накормить».

Последнее предложение вдруг показалось Павлу крайне удачной идеей, даже несмотря на оскорбительность тона.

Парень сразу вспомнил утренние сосиски с галетами, ощутив, как сильно проголодался. Когда он состоялся, тот неоконченный завтрак? Казалось, лет тридцать назад... Он кивнул, постаравшись, чтобы это выглядело как можно сдержаннее.

– Ты еще перед этими вырожденками за грязные ногти извинись, – с презрением и тоской фыркнул батя в его голове. – Они тебя «официально» уколошить спешат, а ты спроси, не помочь ли в готовке. Балбес...

«Победитель» Лотереи хмуро уставился в окно.

Внутренний голос был прав – если он позволит себе хоть капельку симпатии к этим чуждым и опасным существам, уже сегодня вечером слабость будет стоять ему жизни...

Погремушка, оставляя за собой грязные маслянистые следы, вернулась в прихожую, вполне удовлетворенная осмотром. Деловито, без суеты проверила, как открываются окна и есть ли под ними карниз.

Несмотря на возраст, девчонка, безусловно, была тертым калачом, все сильнее убеждая в этом Сороку. Казалось, будет с ног валиться, но сначала вычислит запасной путь к отступлению, и лишь тогда позволит усталости победить. И то, спать станет вполглаза, окончательно не расслабляясь ни на минуту.

На влажную землю, вываливающуюся из протекторов ее высоких ботинок, Кристина посмотрела с печалью, присущей хорошим домохозяйкам.

Егерь, настоящего имени которой Сорока пока так и не узнал, прошла в кухню. Сняла со спины арбалет, положила его на обеденный стол, расстегнула лоснящуюся куртку. Сбросила часть ременной сбруи, опутывавшей бедра и плечи. Смотала и спрятала в рюкзак, с сомнением поглядывая на Петра и Кристину.

Было заметно: ей вовсе не по себе от такого тесного контакта с парниковыми нелюдями. Но еще парню казалось, что Погремушка сознательно терпит неудобства. Словно преследует собственную цель, скрывая мысли, чувства и мотивы. И не хватает за револьвер лишь потому, что хочет выжать из ситуации как можно больше соков.

Терпению ее да и сноровке Сорока тоже начинал завидовать.

Хозяйка квартиры, погладив мужа по исцарапанной щеке, прошла следом за девушкой.

Написала «Сейчас приготовлю покушать», аккуратно положила планшет рядом с оружием и открыла холодильный шкаф – огромный и сверкающий хромом.

К плечу кто-то прикоснулся. Вежливо, тактично, чтобы не напугать. Но Павел все равно подскочил. Попытался схватиться за пистолет, но вместо этого лишь отбил пальцы о торчащую из-за пояса рукоять.

Обернулся, наткнувшись на виноватую улыбку Петра. Жестами тот предлагал переждать в комнате. Мол, пока женщины на кухне хозяйничают. С надеждой глянув на егеря, потерявшую к спасенному из подземелий всякий интерес, Сорока поплелся за парниковым.

Четырехкомнатная квартира молчунов была обставлена уютно, но холодно.

Не чувствовалось в доме тепла, заботы и ласки, пронизывающих самые захудалые семейные гнездышки Циферблата. На стенах и окнах – спокойные цвета обоев и штор. Обивка диванов в гостиной столь же сдержанна в оттенках. Пол покрыт керамической плиткой даже в спальнях. Среди коих, кстати, обнаружилась и детская.

Заметив через приоткрытую дверь несколько игрушек, в рядок усаженных на небольшую кровать, Сорока уделил чуть больше внимания настенным фото. И действительно убедился, что у нелюдей есть маленькая девочка.

Петр, усевшись на диван, предложил занять кресло напротив.

И многозначительно водрузил на колени компьютерный чемоданчик, прихваченный со стройплощадки. Открыл, внимательно наблюдая за реакцией человека. Так же неторопливо выдвинул планшеты. Вопросительно приподнял обруч в сторону Сороки, сам демонстративно закивав на домашний телефон, висящий на пороге прихожей.

Павлу стало не по себе.

Он даже чуть не обернулся в сторону кухни, где пропадала Погремушка. Нелюдь предлагал ему общение! Как егерю в машине, пока сам он пялился в окно. Соглашаться ли?

Петр продолжал улыбаться, протягивая обруч. Сорока робко потянулся навстречу, забирая прибор и чемодан. Если уж какая-то неотесанная девчонка не испугалась вступить с застекольщиком в мысленный контакт, он тоже дрейфить не намерен!

Вот так, именно так жестко, размыслил он, пристраивая на уши плоский нимб. Причем собственным голосом, а не отцовским. А еще вдруг задумался, что по непонятным причинам ему бы хотелось, чтобы Погремушка видела его смелость и решительность. Даже если сам он не заметит, что егерь за ним наблюдает. Даже если украдкой или мельком. Ему вдруг стало приятно верить, что девушка держит сородича в поле внимания...

Петр тем временем встал, снимая со стены стационарный телефон – диковинное устройство, только отдаленно напоминавшее привычные Павлу средства связи. Примостился на подлокотнике дивана, установив прибор на коленях. Начал колдовать с номером. И когда в недрах раскрытого портфеля замерцало, дотянулся и помог гостю ответить на вызов.

«Осторожность. Отсутствие страха, – тут же пронеслось в голове Павла, заставив вздрогнуть. – Общение».

Уставившись на хозяина квартиры, он вдруг понял, что посылаемые ему мыслеобразы и есть те самые «лодосовские соплитоны», о которых рассказывала девушка. Сорока невольно улыбнулся: получать мозгозрительные послания оказалось круче, чем смотреть старинный трехмерный фильм, транслируемый напрямую на зрительные нервы...

«Норма, – нерешительно подумал он, внутренним взором наблюдая, как закручивается в спирали и башенки дым его ментальных образов. – Не страшно».

«Приготовление еды, – послал ему Петр, удовлетворенный сообразительностью собеседника. – Время общения в ожидании. Желание спросить?»

Сорока задумался.

Все двадцать три года своей жизни он мечтал поближе узнать молчуна. Спросить, что заставляет их быть такими вырожденками, дарить деньги и убивать людей, отстраняться за полусферами из бронестекла, жить по принципу пчелиного улья? Правда, чем старше становился парень, тем сильнее становилось желание задать эти вопросы, наступив

застекольщику на горло и уткнув в лоб автоматный ствол. А вместо этого – путешествие в абсурд: сидит себе в удобном кресле, развернув на коленях комп и нацепив на голову передающий обод, и ждет, когда жена нелюдя приготовит им всем пожрать...

И не успел Сорока собрать мысли в горсть и решить, о чем действительно хотел бы спросить Петра, в эфир уже ушел его импульс. Бесформенный, неопрятный, что сразу стало заметно по гримасе парникового. Но яркий и вполне доступный:

«Егерь. Сообщила мне. Вы не понимаете, что такое голос. Даже свой собственный. Правда?»

«Корректно, – тут же вернулось через обруч, а в доказательство Петр еще и кивнул. – Речь недочеловека является для нас чуждым набором звуков. Периодически таким же пугающим, как рык льва. Периодически таким же забавным, как свист дельфина».

«Вы странные сумасшедшие...»

«Испытываю затруднения в расшифровке твоей мыслеформы».

«Вы необычные. Вы совсем не как мы».

«Этому есть объяснение».

«У тебя наличествует дочь, корректно? В условиях необычайно сурового ограничения жителей Куполов... – Сорока пытался подбирать образы как можно вдумчивее, чтобы ненароком не разозлить сидящее на подлокотнике дивана существо. – Вы себя обеднили. Что помнишь о своих родителях? Возможно ли, что ты никогда не слышал их голосов? Возможно ли, что все твое наследие о них – это картинки на стене? Что запомнит твоя девочка, когда ты умрешь?»

«Родители?»

Петр переслал парню встречный образ, словно уточняя, верно ли понял вопрос. Уставился на стену гостиной, где висела пара десятков объемных семейных фотографий. Довольно жизнерадостных в большей массе, но все равно каких-то безэмоциональных, неживых. Словно подвергнутых эффекту тонировки психологической сепией. Или состаривания, намеренного понижения градуса эмоций...

«Корректно и не поддается сомнению, – ответил он наконец, снова переводя взгляд на Сороку. – Хорошо помню своих родителей. Еще больше информации хранится в архиве семьи. Их образы, всплывающие в памяти, время от времени вызывают у меня чувство удовлетворения...»

В этом месте человек не совсем понял мысли молчуна.

У парня сложилось впечатление, что под термин «удовлетворение» населяющие Инкубаторы чудики готовы заколотить сразу сто тысяч понятий и определений. От щемящей тоски по любимому человеку до плотского наслаждения или кулинарного восторга. От творческого упоения до приятной опустошенности после тяжелой физической работы. От азарта до предвкушения.

Так дети прибираются в своей комнате, запихивая раскиданные игрушки в шкаф, с силой уплотняя, забивая ногами, превращая бардак в нечто цельное и запросто измеримое. Вместо кучи одежды – плотно набитая полка. Вместо тысяч дефиниций – удовлетворение...

«Они помогли мне появиться на свет, – продолжал Петр, стараясь не спешить с потоком мыслеформ. – Ввели меня в общество. Сделали полноценным гражданином и членом цивилизации, наполненной высшими нормами гуманизма и духовного развития. Превратили в равноправного участника гармоничной и социально-ответственной системы, где нет понятий предательства или фальши. Не могу знать/помнить/материализовать их голоса. Это очевидно. Но слепки родительских логосолитонов до сих пор живут в моей памяти. Иногда позволяю себе вспомнить о родителях с перламутрово-серым оттенком удовлетворения».

Сорока не сдержался.

Посмотрел на выродка так выразительно и долго, что тот посерел лицом. В этот момент в голове парня не было ни одной завершенной мысли – слишком велико оказалось потрясение и последовавший за ним сумбур. Но презрение и порицание, исходящие от

молодого человека, говорили сами за себя. Без лишних слов, как застекольщики и любили...

– Да что ж ты за дрянь-то такая? – едва слышно выдавил Сорока, пытаясь рассмотреть в Петре хоть что-то визуально нечеловеческое.

Ничего. Может, только, лоб очень высокий и чуть выпирающий вперед, но такие и у людей встречаются... Кроме начинки, скрытой в недрах черепной коробки, ничего не отличало парникового от обычного человека.

– Да вы ж как звери, ей богу...

Хозяин квартиры, с волной неприязни справившись на удивление быстро, натянуто улыбнулся. Уловив настроение и причину его перемены, поспешил разъяснить, снова наполняя Павла образами и выпуклыми понятиями.

«Сравнение с животными, корректно? Ошибочно данное сравнение. – Он покивал, давая понять, что уловил ход рассуждений гостя. – Доказано: самым опасным и хитрым хищником на планете за последние шесть тысяч лет являлся недочеловек, наш предок. Сравнение с остальными животными некорректно. Полнейшее заблуждение. Причина коварства кроется в умении вербально формулировать. Тигр никогда не предаст тигра. Звери могут воевать, сражаться за самку или территорию. Не способны на предательство. Никогда. Недочеловек коварен и непредсказуем. Дефект эволюционной системы скрыт в речи и словах. В чистоте посыл или стремление не могут лгать. Словесная обертка намерения обманывает легко. Тактильной передачей информации нельзя ввести в заблуждение. Дружба искренняя. Вражда честная. Нет возможности пустой лести, только мирное сосуществование. Трудно признать, болезненное принятие... Но это преимущество и отличает людей от вас».

Сорока с омерзением стащил с головы обруч.

Мало того, что от постоянных вспышек в его воображении начинало ломить виски, так еще и настроение окончательно испортилось. Ну вот на кой ляд он вообще взялся общаться с этим идиотом? Лучше бы попросил у Погремушки карту подземки да изучил как следует, она же предлагала...

Петр, заметив, что собеседник потерял интерес к общению, с понимающей улыбкой выключил телефон. Забрал у парня портфель, аккуратно свернув все его раскладные компоненты. Поспешно отошел, что-то уловив. Молодец, чувствительный... Потому что сейчас Сороке как никогда хотелось со всей душой дать ему в морду. Или накричать в лицо, на пальцах объяснив величайшее заблуждение сверхчеловеков, которыми себя почитали парниковые.

Он не стал делать ни того, ни другого.

Встал, раздраженно приближаясь к большому панорамному окну. И оцепенело вытаращился на густые дебри жилых кварталов, похожих на россыпи искусственно выращенных бриллиантовых столбов. А затем Павел услышал, что открывается входная дверь...

Обернулся, затравленно глядя на хозяина квартиры. И вдруг заметил Погремушку.

Егерь стояла на кухонном пороге, сосредоточенная и источавшая злость. Предплечьем одной руки она сжимала шею Кристины, прикрываясь той, как щитом. В правой, стволом прижатый к виску женщины-нелюдя, виднелся старинный револьвер.

15

«Американские зоологи рубежа XX–XXI веков считали, что по развитию собственного языка – безусловно, до трансформации генома – свинья занимала второе место среди иных животных. Любопытным также считалось умение свиней обладать музыкальными пристрастиями, и даже «подпевать» избранным композициям. Еще в начале текущего века эксперименты с этим видом доказали, что интеллектуальное развитие взрослого животного соответствует умственному развитию трехлетнего ребенка. Изучаемые особи оказались умны, легковозбудимы и

подвержены стрессам, что доказало наличие у этих существ глубокого многогранного интеллекта, присущего высшим формам жизни на нашей планете».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Артемидий переживал невыносимое, экстатическое наслаждение.

Оно фонтанировало в его логосе вспышками кислотно-алой лавы, перехлестывая через край и заставляя забыть об усталости или потраченном времени. Наполняло нестерпимым желанием довести дело до конца. Рассыпалось искрами, каждая из которых несла сотни оттенков красного и изумрудного. Плескалось колдовским зельем, бурля, клокоча, неистово пульсируя и грозя разорвать на части не только сознание, но и тело молодого корпатрицианта.

Нечто подобное испытывал и Леонидас.

Это Селиванов чувствовал не только через общую систему связи, позволявшую отслеживать настроения членов группы. Чувство исходило от Бродова, словно тот превратился в испускающую яркий свет лампу или зажженную свечу.

Напарник, коллега и просто друг неотступно следовал за Артемидием, став машиной по выслеживанию и выживанию. Как и его начальник, Лео трансформировался в часть системы награждения – в безвольный элемент, существование которого базировалось на нескольких простых принципах. Элемент неотвратимый, упорный, целеустремленный, готовый любой ценой выполнить поставленный приказ.

Остальным участникам похода заместитель директора по инвестированию столь ярких переживаний приписать не мог. Дионисий выдыхался с каждой минутой. Если и старался держаться молодцом, то лишь на силе воле и нежелании показать профессиональную непригодность в своей самой первой вылазке.

Клеоника тоже измоталась. Но если парнишка-ликтор тривиально устал и был подавлен нависающими над людьми тоннами грунта, то следопыт теряла энергию совсем по иной причине. След, столь хорошо различимый на поверхности, под землей становился все более размытым и бледным. Трудноуловимым.

Уже несколько раз девушка сбивалась с курса, возвращая группу назад и начиная поиски заново. Подвернула ногу, не сразу заметив опасный скат, усеянный торчащей арматурой. Дышала тяжело, надрывно. Усталости силилась не выказывать – не позволяла профессиональная гордость. Но и выплескивать эмоции, сравнимые с куражом Селиванова или Бродова, тоже не спешила. Логос следопыта стал блеклым, скукожился и переживал сильный психоэмоциональный спад.

Лабиринты, в которые их завел Сорокин, действительно давили на психику.

Да что там! Последние часа два члены жюри пробирались такими тоннелями и заброшенными подземельями, о существовании которых, как подозревали корпатрицианты, не знали даже маститые археологи.

Артемидий ликовал, стараясь не выдавать пьянящего сознание азарта, чтобы лишний раз не давать Дионисию повода почувствовать себя слабым. Он по себе знал, как легко перегореть в дебютном награждении, если лидер отряда во много раз превосходит новичков в выносливости и устойчивости к фрустрирующим и стрессовым факторам. Но все же ликовал.

Каким же юрким, жизнестойким и вертким оказался нынешний победитель!

Такого нельзя было представить еще утром. Даже не утром – он бы не решился ставить на это деньги еще несколько часов назад, когда дурная пуля нашла Федота. Неожиданно для

всех Павел Сорокин оказался настоящим сокровищем. Нелюдем с железными нервами и волей, способным не просто ускользнуть от жюри, но и завести его в такие мрачные места.

Места, по которым пробиралась группа, в самом деле были унылы и неприглядны.

Тьму, окутывавшую ловчих, не могли развеять даже многочисленные фонари, установленные на крепежах костюмов. Воздух был спертым, плохо пригодным для дыхания и насыщенным вредными веществами. Дыры, в которые уводил след, казались такими крохотными, что не во всякую мог пролезть взрослый человек. Особенно обвешанный оружием, снаряжением и элементами брони.

Дважды Артемидий приказывал искать обходной путь.

Один раз – когда над головами опасно закрипела бетонная плита, готовая обвалиться в любой момент. Второй – когда приборы показали впереди огромное скопление химер. Впрочем, без столкновений с зубастыми все равно не обошлось...

Через семьдесят пять минут после спуска в метро на комитет напала стая, состоящая из одних боевиков и работников. Вероятнее всего, животные защищали гнездовище, расположенное неподалеку. Еще вероятнее – пробежавший тут ранее синантроп спугнул зверей, заставил запаниковать, выстроить оборонительные порядки и броситься в атаку, едва угроза повторилась.

На подавление волны у членов жюри ушло почти 60 % боеприпасов.

Но нападение стаи не только подхлестнуло группу адреналиновым бичом. Стрельба, несколько минут рокотавшая в тоннелях, проломила ледяное оцепенение. Оно – главный враг человека и союзник сенсорной депривации – осело на плечах людей с первого шага на ступени заброшенного метро, угнетая и лишая эмоций. По-хозяйски угнездилось на загравках, набирая мощь с каждой секундой продвижения по однообразным ответвлениям подземного города...

В итоге грызуны все же откатились.

Дионисию даже пришлось использовать две термические гранаты, сознательно лишая людей остатков кислорода и заставляя переключиться на дыхательные смеси в шлемах. Но именно так юноша остановил химер. Отбросил горящую, воняющую шерстью и жареным волну прочь, вызвав у животных панику, которую не мог победить даже инстинкт защиты детенышей. И они двинулись дальше.

Кроме кислорода, и без того дефицитного, сражение со стаей отняло у жюри драгоценное время. Поэтому вперед зашагали почти без перерывов. А когда усталость взялась открыто подкашивать новенького ликтора, а следом и Клеонику, Артемидий приказал сделать инъекции стимуляторов.

Когда отряд вернется в город, он лично профинансирует курсы реабилитации по избавлению от зависимости и выведению препаратов из крови. Но сейчас ему были нужны все. Боеспособные, умеющие нащупать след, столь же уверенные в победе, как и он сам.

И это маниакальное рвение, как бы ни хмурился Бродов, принесло корпатрицианту плоды...

Стоя перед провалом в стене, за которым виднелись укрепленные пенобетоном свежие своды транспортного тоннеля, Селиванов не мог поверить глазам. И следопыту он тоже не мог поверить. До тех пор, пока та не нашла каску с логотипом «Конструкций «СибСтроя», а также анализатор атмосферы, новенький, но безнадежно разбитый.

След, так самоуверенно нырнувший под землю три часа и несколько километров назад, снова выбирался на поверхность. Открыв забрало и дыша полной грудью, Артемидий рассматривал неровные края пролома, проделанные одной из тяжелых проходческих машин. По сравнению со спертым или зараженным воздухом подземелья, нагнетаемый в тоннели сухой безжизненный кислород казался сладким и пьянящим.

След вел наружу!

Наверх... И не через канализационный коллектор, аварийный спуск или лаз в древнее бомбоубежище. Не за Периметром, среди ветшающих многоэтажек Кольца. Не на границе Голи, в которую скуднодушие уходят умирать под старость лет. В самом центре Куполов.

В сердце площадки, осваиваемой его корпорацией.

В такое верилось с трудом.

Образ Павла, превозносимый в голове Артемидия им самим, вдруг подернулся рябью, словно отражение на беспокойной глади пруда. Во вселенной Селиванова ни одному пустышечнику на свете не хватит смелости или сноровки, чтобы найти проход под Купола, сунувшись в пучину города.

Конечно, на пирах и в банях делились сплетнями про особенный подвиг нелюдей. Будто бы научившийся тайно проникать в жилые и производственные районы. И даже воруя вещи. И людей. Но сегодняшний глава жюри считал такие сплетни недостойными корпатрицианта.

Мог ли Павел Сорокин принадлежать к особому отряду Местной Самообороны Циферблата? А может, он вообще оказался подсадной уткой? Профессионалом высшего класса, натренированным инструкторами хищником, которого Артемидию шутки ради подсунули корпатрицианты-затейники из его же организации? Что ждет Селиванова и остальных на выходе из тоннеля? Вечеринка с сюрпризом, груды надувных шаров и фанфары триумфатора, выследившего опасного зверя в подгородных лабиринтах?

Остальные ловчие дожидались решения командира, внимательно прислушиваясь и поводя фонарями, часть которых уже начинала разряжаться. Лео стоял ближе всех, готовый подхватить любой приказ босса.

Селиванов помотал головой.

Нет. Вряд ли дело в розыгрыше или невиданных умениях Сорокина. Дело в удаче и отточенном инстинкте выживания, у некоторых пустышечников выходящем за все разумные рамки. Кроме того, Клеоника утверждает, что обнаружила на старом перроне не только след победителя...

Здесь был еще кто-то. Причем человек, некто сверху, работающий на «СибСтрой», едва не простившийся с жизнью – на стенах до сих пор тускнели отпечатки его испуганного всплеска. Попавший в беду... Взятый в плен животным, загнанным в угол и обезумевшим от отчаянья. История, начавшаяся как рядовая охота за победителем, грозила превратиться в рыцарскую балладу с освобождением невинных и убийством дракона...

Такого, насколько помнил Артемидий, еще не случалось. Никогда.

Он улыбнулся, все еще отказываясь принимать доклад следопыта на веру.

Через считанные минуты, когда аппаратура в костюмах членов жюри сдаст очередной плановый отчет в оперативный штаб Лотереи, ставки взлетят выше свода Первого Купола. Видано ли – награждение внутри города! Те корпатрицианты, что держали пари на скучное и быстрое вручение приза, кусают локти. Наверняка суетятся и психуют, через подставных лиц срочно добывая ставки на трагичную и драматическую развязку. Что ж... Селиванов не обманет их ожиданий.

Не спеша лезть в пролом, он связался с Периметром и ожидающим распоряжений Федотом.

Машина, как и приказывал руководитель экспедиции, дожидалась возле заброшенного делового центра, еще помнившего дни, когда пустышечники действительно могли вести серьезные дела. Убедившись, что раненый ликтор чувствует себя удовлетворительно, Артемидий распорядился продолжать нести вахту и наблюдение за входом в метро. Даже доверившись следопыту, он не исключал вероятность многоходовой уловки, на которую мог осмелиться обреченный нелюдь.

Отключив связь, Селиванов еще раз выглянул в пролом и открывшийся за ним чуть наклонный тоннель. Внимательно изучил следы – обыкновенные, не ментальные. Отпечатки рабочей обуви с рельефным логотипом корпорации на пятке. Гусеницы буровой машины, птичьи лапки многосуставных ног вспомогательной техники. Армейские ботинки. Еще одни, размером поменьше. Неужели скуднодухих стало двое?

«Готовность, – протранслировал Артемидий на общей волне, заставив Дионисия устало встряхнуться. Несколько минут, потраченные им на раздумья, должны были дать группе

хоть толику отдыха. – У победителя появился союзник. Учитываемый фактор при вручении приза – минимум один человек находится в заложниках у хищников, летальные боеприпасы применять с максимальной осторожностью».

И махнул рукой, первым ныряя в клиновидный пролом с неровными краями.

Они поднимутся наверх. Переполошат стройку, вызовут шквал вопросов и незапланированную остановку работ. Вычислят начальника данного участка прокладки. С его помощью установят фамилию оператора на этом конкретном тоннеле. Свяжутся с ним... при условии, что тот еще жив, конечно. Обработают массу информации с камер наблюдения вокруг площадки, а также с приборов техники, что спускалась к пролому не больше четырех часов назад. И обязательно найдут зацепку.

А затем отправятся за победителем Лотереи вглубь города.

Даже если для этого придется перетряхнуть вверх дном здание Сената или Лиловую Оранжерею. Пока не выписан «оранжевый билет», члены жюри обладают воистину безграничными полномочиями, и Селиванов собирался в полной мере воспользоваться полученными привилегиями.

Кроме того, общенациональный азарт от необычности погони, резкий рост ставок и взлет телевизионных рейтингов позволят покрыть любые материальные затраты, будь то ремонт зданий или лечение гражданских...

Он найдет Сорокина.

Найдет и наградит. И тогда – вручив приз одному из самых необычных победителей за всю историю Лотереи, – корпатрициант станет популярен так, как не становился ни один член жюри за последние несколько десятков розыгрышей.

16

«Индивидуальность личности, схожую с дактилоскопической на уровне человека, китам придавали оставленные хищниками порезы и шрамы на хвостах и мордах, а также пятна водорослей. Благодаря им киты легко находили нужную особь в стае, даже несмотря на слабо развитое зрение. Также доказано существование у китов собственного языка – сложнейшего набора звуков, позволяющего этим удивительным животным свободно общаться и координировать свои действия в поисках пищи».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Петросу было хорошо понятно нежелание самца пустышечников продолжать диалог.

Как и Йанна в машине, тот слишком остро реагировал на собственную неполноценность. С такой же опасной легкостью скатывался в отрицательные эмоции. Столь же дико не умел контролировать пульс и кровяное давление, позволяя настроению превалировать над разумом, и непостижимо быстро срывался в агрессию.

Инженер со всем возможным отцовским пониманием забрал у нелюдя компьютер. Понаблюдав, как тот отходит к окну, раздраженный так, что будь у него хвост – лупил бы им по бедрам.

Но через несколько считанных секунд Петрос осознал, что до сих пор не видел настоящих проявлений звериной злости. К счастью. Даже в подzemелье, где самка едва не напиговала самца стрелами...

Потому что, когда в прихожей неожиданно щелкнула дверь, из кухни рвануло таким

ярким выплеском, что отец семейства едва не выронил портфель. И замер, наблюдая, как скуднодухая появилась на пороге, угрожая его супруге пистолетом.

Дверь в квартиру закрылась.

Аврора, неподвижно стоящая у входа, чужаков рассматривала с удивленной настороженностью, но без особого страха. Йанна, заметив девочку, тут же спрятала оружие, теперь целя Кристинии куда-то в спину. Этот жест доброй воли показался Петросу таким двучленным и грубым, что он едва не фыркнул...

Аврора, задумчиво осмотрев грязный пол, спокойно сняла уличную обувь, деловито и неторопливо натягивая домашние тапочки. Школьный ранец оставила у шкафа, подойдя к отцу и протягивая руку. На Йанну девочка почти не смотрела, сконцентрировавшись на Птице-Цифре, стоявшем за спиной мужчины.

«Волнениям нет места. Ситуация под контролем, – протранслировал дочери Петрос. – Рекомендую подавлять виктимность. Животные умеют чувствовать ее проявления, зачастую принимая за провокацию к нападению».

Сжал пальчики, улыбкой призывая сохранять спокойствие. Коротким, но сильным импульсом передал ворох информации о необычных гостях и предпосылках их появления в квартире.

Аврора вслушивалась с интересом и легкой растерянностью: она определенно не ожидала от отца такого необычного поступка. Испугалась, когда в рассказе промелькнули образы сотен голодных химер. Покосилась на мать и незнакомую пустышечницу, когда дело дошло до спасения. Еще раз осмотрела Птицу-Цифру, когда в истории появился он.

«Понимание, – спокойно, едва подкрашивая логосолитоны в тревожный багрянец, ответила девочка. – Совпадение удивительно. Вознесу Божеству просьбу за спасение не имеющих счастья существ и их благополучное возвращение домой».

«Ты не испытываешь страха», – не без удивления констатировал Петрос, чувствуя гордость и не скрывая ее.

«Корректно». – Аврора поблагодарила отца за эмоцию.

Пожала плечами, подтверждая всю нелепость боязни, поскольку жители Кольца уже находились в их доме, причем вооруженные пистолетами и безразличные к правилам гигиены.

«Ошибка восприятия, – тут же добавила она, назидательно хмурясь. – Под совпадением я подразумевала не появление скуднодухого самца в тоннеле после твоего спасения. Я мыслю про сегодняшние факультативные курсы, на которых класс выбирал будущую специализацию».

Петрос повернулся к кухне.

Кристиния и Йанна исчезли из дверного проема, вызвав у мужчины одновременную волну облегчения – вид беззащитной матери мог напугать дочку, и тревоги – пустышечница могла продолжить угрозы внутри... Девочка, однако же, оказалась настроена гораздо более оптимистично. Сжав широкую ладонь отца, она снова привлекла его внимание.

«Ты только что указал на факт, что, если не проявлять агрессию и источать ласку, нелюди не станут причинять опасность. – Она рассуждала со спокойствием и рассудительностью взрослого человека, одним этим обещая Петросу в будущем сделать блестящую карьеру и многого добиться. – Накорми обоих, предложи подарки и отпусти. Все закончится скоро, в пределах светового дня».

И Аврора улыбнулась, преданно глядя на инженера снизу вверх.

От этой улыбки у Петроса не только поднялось настроение, но и разошлись серые тучи, затмевавшие рассудок последние пять минут. Теперь он слышал, как на кухне поскрипывает стилус: женщина что-то писала пустышечнице на планшете для записок, и та отвечала ей тем же. Птица-Цифра, с интересом наблюдавший за отцом и дочерью, по-прежнему стоял у окна, нагло подглядывая, но ничего не понимая.

«Каков оказался твой выбор? – успокоившись, поинтересовался мужчина. – Родительские советы принесли пользу?»

Он втайне надеялся, что наследница шагнет на путь промышленных управляющих и избранных народом корпатрициантов. Однако совпадение, про которое она только что упомянула, примешивало к делу скуднодухих, а это сбивало с толку...

«Завершение эксперимента, – с удовольствием и гордостью поделилась Аврора, заставив отца отпрянуть. – Улучшение условий проживания существ Периметра и включение нелюдей в опекаемую цепочку биологических организмов. Желание стать эмиссаром доброй воли».

Удивление, выплеснутое Петросом, утонуло во вспышке необычайно ярких позитивных эмоций, исходяемых его дочерью. Девочка просто светилась изнутри. Так лучисто и тепло, как это умеют делать лишь дети и готовые к желаемому половому контакту взрослые. Логос ее сверкал и пульсировал, до того школьнице нравилась собственная идея и выбранный путь, по которому она станет двигаться до наступления совершеннолетия.

Аврора улыбнулась, почтительно глядя на папу и пытаясь угадать, что именно смущает его в выборе специализации.

«Похвала выбора, – честно ответил он, не пытаясь скрыть замешательство. Оно окружало его одобрительный отпечаток грязноватым ореолом тонких фиолетовых молний. – Недоумение: отчего такая специализация? Пустышечники – примитивные нечистые существа, отставшие от человека на прежней ступени антропогенеза. Эксперимент завершится самостоятельно. Глобальный гуманизм неприменим».

«Сострадание, – коротко и беззаботно протранслировала Аврора, бомбардируя сознание отца красочными логосолитонами. – Забота. Жалость. Желание помочь сохранить вид. Отсутствие мучения. Прекращение экспериментальных программ и опытов. Внесение отдельных подвигов в Красную Книгу. Запрет браконьерства, Игр Выживания и Лотереи. Создание заповедных зон».

По всему выходило, что девочка уже давно присматривала сферу приложения сил.

Петрос, еще раз поблагодарив ее за осознанный выбор и активную гражданскую позицию, ласково разорвал контакт. Кристиния, узнав о будущей специализации дочери, будет не так довольна. Особенно после того, как одно из существ, к которым Аврора собиралась проявлять профессиональные заботу и сострадание, угрожало ей оружием в ее собственном доме...

«Я стану корпатрициантом», – напоследок бросила ему дочка, многозначительно и с торжествующей улыбкой глядя на Птицу-Цифру в гостинной.

Сейчас она словно пронеслась сквозь время, с гордостью поднимаясь на трибуну Сената, где готовилась защищать масштабный проект по прекращению эксперимента.

«Мы сможем мирно сосуществовать, защищая слабых и недоразвитых. Уверенность! Обещание!»

Энтузиазм, переполнявший малышку, теперь захлестнул и Петроса.

Сомнения, охватившие инженера после сообщения новости, начали рассасываться сами собой. Уже через пару минут он окончательно смирился с выбором Авроры, приняв его, словно собственный. Как любящий отец, Петрос вообще не имел права на порицание или критику. Корректность выбранной в школе специализации и востребованность профессионального пути ребенку позволят определить только поддержка и заботливо подставленное плечо...

Он еще раз покосился на дверь кухни, где уже вовсю гудел комбайн и время от времени скрипел по планшету стилус. Взял на заметку, что сначала с Кристинией должен пообщаться он. Подготовить, чтобы неожиданное разочарование матери не отразилось первой спонтанной эмоцией, заставив девочку грустить или сомневаться.

А еще Петрос вдруг осознал, что устал так, словно в одиночку разгрузил грузовик мешков с цементом.

Прикоснувшись к щеке дочери, он посоветовал ей провести ближайшее время в своей комнате при закрытой двери. Вернулся в гостиную. Птица-Цифра, стоявший у окна, рассматривал усталого мужчину со смесью недоверия и невоспитанного интереса.

Опускаясь на диван, оператор строительной техники вздохнул и вдруг с ужасом подумал, что этот страшный бесконечный день не завершится никогда...

– Телевизионная трансляция налажена, режим импровизации отменен... Возобновляем вещание на зоны «Центральная Америка» и «Европа».

– Снижайте интенсивность рекламы, возвращайте камеры на исходную позицию. Смотрящим Со Стороны рекомендовано вернуться к привычному потоку модуляции, а также усилить интенсивность ставок со стороны зарубежных зрителей.

– Будет исполнено, Почитаемый. Старший Прозревший фиксирует уникальность происходящего, он запросил дополнительный штат аналитиков. Введен протокол «Ипсилон», непрогнозируемое сочетание обстоятельств. Неслыханная удача! Вероятностные исходы процедуры сформированы в отдельный отчет.

– Прекрасно, продолжайте фиксацию. Отправьте пресс-релиз базовым инвесторам проекта. Через 6,2 временной единицы запросите добро на действия по протоколу «Зерно». Пусть Старший Прозревший подтвердит запрос своей волей.

– Будет исполнено!

– Почитаемый, отдел эмоций передает новые данные по ключевому объекту.

– Любопытно... гормональный всплеск, новая волна возбуждения мозговой коры...

– Фиксируем остаточные явления резкой импульсной активности островковой доли и передней части поясной извилины головного мозга.

– Отдел эмоциональных реакций настаивает на пробуждении либидо. Вот перечень предполагаемых факторов.

– Невозможно! Прошу прощения, Почитаемый...

– Прощение оказано, но впредь попрошу о сдерживании эмоций.

– Будет исполнено. Предположительная пометка в отчете, бирюзовый штрих: объект испытывает бессознательное сексуальное влечение к представителю своего вида. При этом агрессия спутницы в отношении малой социальной ячейки вызвала у объекта вспышку негодования, сострадания и обиды. Кажется, мы имеем дело с несочетаемыми психическими реакциями по самостимулирующей теории Колдера-О'Хары. Если гипотеза подтвердится, у нас на руках окажется бесценный научный материал.

– Лимбическая система объекта в состоянии возбуждения, стабильность на пике М в течение 3 временных единиц, гормональный уровень нестабилен. Скорость принятия осмысленных решений замедлена на 12%, отмечено незначительное нарушение в оценке причинно-следственных связей.

– Проанализируйте мозговую деятельность неучтенного одновидового фактора. Продолжайте изучение возможных проявлений симпатии, обратите особое внимание на отделы мозга, ответственные за влечение к противоположному полу. Соотнесите данные с анализом мозговой деятельности активных членов процедуры и экстраполируйте ситуацию при возможной смене обстановки и уменьшении/увеличении угрожающих факторов.

– Будет исполнено, Почитаемый. Отношение одновидового неучтенного фактора к ключевому объекту положительное, теплота на отметке 4–3, но не переступает границ нормы. Островковая доля активирована, но показатели удерживаются в интервалах сочувствия. Приступаем к экстраполяции дальнейших событий при смене стратегии участников охоты и физическом изъятии ключевой переменной.

– Не забудьте включить в базу анализа возможные поведенческие схемы второго неучтенного фактора при следующих обстоятельствах: угроза физической целостности, прямая угроза семейству, потенциальная угроза карьере, угроза социальному благополучию, угроза физического устранения всех членов ячейки. Мне нужны любые прогнозы, от ожидаемых до самых невероятных.

– Будет исполнено, Почитаемый...

«Разведением домашних животных также славятся отдельные виды сов, в том числе уже вымершие. Как известно, жившие крепкими супружескими парами птицы часто заводили в гнездах небольших змей, способных конкурировать с совятами за принесенную в гнездо добычу. Конкурентное воспитание, в совокупности с огромным количеством оттенков звука, шипения и визга, издаваемых совами и способными претендовать на название самостоятельного языка, позволяло возвращать сильное и умное потомство, а образ жизни данного вида еще не один год будет вызывать у биологов и социологов самый неподдельный интерес».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год**

Погремушка чувствовала себя не в своей тарелке.

Сама себе казалась бездонным болотом на дне воронки от древнего сокрушительного взрыва. Трясиной, в которой без следа тонут эмоции, яркие открытия, неожиданные знакомства и перспективы ближайших часов. Слова, мысли, поступки, образы людей и предметов погружались в нее целиком, пытаясь заполнить пустоту под бледно-зеленой ряской, но многие из них еще даже не достигли дна.

Кристина, со стальной стойкостью переносившая тяготы присутствия чужаков, эту болотную неловкость только усугубляла. Безмятежная, отзывчивая. Возилась с тарелками и кухонным комбайном, не проявляя ни малейшего признака агрессии или раздражения. Эти старательно отмеренное равнодушие и эрзац-гостеприимство угнетали Яну еще сильнее, заставляя мысли путаться и брыкаться.

А еще девочка...

Такая милая, просто ангелочек. К тому же храбрая и сообразительная. Иная бы на ее месте в слезы и крик. А эта к визиту двух людей отнеслась спокойно, как ручная. Прямо душечка, по-другому и не скажешь, хоть за такие мысли Погремушка себя и одергивала. А еще бородатый «морковник» масла в огонь подливает, будто намеренно. Смотрит на кроху восторженно, с обожанием, словно та не зверенышем милым родилась, а нормальным человеческим ребенком. Яна нахмурилась, в очередной раз приказав себе сосредоточиться и продолжить изучение карты.

Однако оставаться невозмутимой и собранной после прихода малышки было непросто.

Не помогали даже мысли о том, что у росомах тоже бывают детишки. Миленькие и сладенькие, пока не попробуют вкуса крови. И если дать им вырасти в привычной среде, охотно вопьются в загривок и прикончат, не испытав ни сожаления, ни жалости.

Но девочка все же хороша. Умна, что заметно по взгляду, воспитанна и смела. Возможно, между людьми и застекольщиками гораздо больше общего, нежели полагает молва? Но как доказать это парниковым, погрязшим в заблуждениях и бреднях о хрустальных ступенях эволюции? Яна печально вздохнула, запоздало задержав дыхание и спохватившись, чтобы Кристина не «расслышала».

Погремушка – бездонное болото канувших в тягучее небытие пестрых эмоций, жизнеутверждающих устремлений и моральных принципов.

Среди которых, как ни странно, под малахитовую ряску отчего-то никак не хочет погружаться чувство вины за Циферблат и банду Баклажанчика. До раскаяния дело, конечно, не дойдет, этого Яна себе позволить не могла. Но ей становилось крайне не по себе, что

какие-то пятнадцать минут назад судьба заставила ее прижать оружие к виску сожительницы Петра. Это было лишним, теперь девушка понимала. Но тогда...

Едва открылась входная дверь, егерь решила, что инженер предал их с Сорокой. Что на пороге сейчас возникнут местные военные и ей придется драться, спасая жизнь и исход миссии.

Она не могла поступить иначе. Потому действовала как подсказали инстинкты: умело прикрылась Кристиной, чуть не придушив бедняжку. Угрожала оружием, приготовилась формулировать логосолитоны условий. А теперь чувствовала себя полной дурой, дожидаящейся обеда от той, кому давила в висок стволом нагана. Напугалась та небось пуще малолетки, пришествие людей из Циферблата воспринявшей стоически и с пониманием.

Теперь страх ретировался. Однако определить, о чем именно думает хозяйка кухни, было невозможно. Вроде бы и успокоилась. Просканировала татуировку на шее, отошла к специальному раздатчику в стене. Когда через минуту тот хлопнул и мигнул диодами, забрала посылку – коробку гороховой крупы и брикет с мясными пластинками.

Яна, о таком способе добывать пропитание знавшая только понаслышке, старалась не выказать удивления. Ловко освоили молчуны зоопарковскую линию по производству кормов. На поток поставили, как хомяки, научившиеся давить на кнопку электропилки...

Кристина как ни в чем не бывало вскрыла упаковки и выложила пищу в сверкающий белым пластиком комбайн. Словно примирилась с фактом, что у ободранной уличной кошки есть когти, которыми она готова оцарапать, но это не повод для паники или обид.

Погремушка снова уставилась в план Новосибирска, один край которого прижала к столу арбалетом. Карта была старой, нарисованной от руки и весьма неточной. Однако в нее был вложен труд сотен егерей, большая часть которых погибла еще до ее рождения, и иного инструмента под рукой Яны сейчас не имелось. Наложив сверху прозрачную схему подземелий, девушка попыталась сориентироваться, куда их завезло такси. Хотя бы примерно.

Происходящее не радовало и настроения не добавляло.

Временное укрытие – это хорошо. Но вместо того чтобы выполнять задание Баклажанчика, она застряла на просторной полуразумной кухне, дожидаясь дармовой кормежки. Также огорчала полная неопределенность дальнейших действий.

Сколько егерь ни билась над схемами, никак не могла взять в толк, как ей выбраться из жилого квартала? Как сопоставить координаты с прежним маршрутом или хотя бы обнаружить собственную точку выхода на поверхность, которой она собиралась воспользоваться до встречи с парниковым инженером?

Встав из-за стола, Яна взяла карту в руки и подошла к окну.

Трехмерный пейзаж, разграниченный девятью стеклянными полусферами, никак не хотел наслаиваться на двухмерный чертеж, пестрящий пометками и рукописными заметками...

Городская архитектура поражала.

Складывалось ощущение, что застекольщики возводили дома не для удобства или простоты, а ради демонстрации роскошного образа жизни и превосходства строительных технологий. Здания молчунов были похожи на произведения искусства, среди них не обнаруживалось ни одного похожего.

Высотки, самые длинные из которых почти касались макушками ячеистых сводов, повсеместно щетинились бушпритами взлетно-посадочных полос и скелетными конструкциями антенн. Повсюду виднелись балконы и террасы, укрытые тентами серебристого и бежевого тонов. Местами выступы пятнала настоящая зелень, яркие мазки цветников, а доминировавший повсюду плющ наводил на мысли о висячих садах из книжки сказок.

Хмурясь все сильнее, Погремушка смотрела в окно.

Ей не только предстояло понять, как действовать дальше. Нужно было решать, куда

девать Сороку. Будь он неладен! Любого другого егеря без угрызений совести бросила бы прямо там, где нашла. Но раз уж парень бежит от ловчих Лотереи...

Внезапная догадка заставила Яну вернуться к столу и жестами привлечь внимание Кристины.

Отвлечшись от комбайна, та подошла, вытирая руку вышитым полотенцем. Егеря указала на окно. Затем постучала пальцем по карте, разведя руками. Ткнула в район города на бумаге, еще в один, вопросительно взглянула на молчунью.

Та какое-то время подозрительно изучала девушку, но довольно быстро поняла, чего от нее хотят.

Придвинув к себе чертежи и стараясь не касаться лежащего поблизости арбалета, уставилась в листки, рассматривая их с недоумением и иронией. Затем приподняла одно плечо. Без особенной уверенности указала на Пятый Купол. Вероятно, ее сбивала с толку неточность схемы. Но, присмотревшись, Кристина повторила жест с большей уверенностью.

– Пятый, – машинально прошептала Яна. – Твою же мать...

Парникова поджала губу, словно гостя сделала что-то недопустимое. Тогда Погремушка притянула к себе планшет, лежащий тут же. Написала:

«Где работает твой мужик?»

Отложила подальше, чтобы лишний раз ненароком не прикоснуться к Кристине. Та, прочитав и изогнув бровь – вероятно, потешалась над почерком, а может, и вовсе поражалась, что циферблатчики умеют писать, – подхватила стилус и изящно набросала чуть ниже:

«Корпорация «СибСтрой», Купол 9».

Снова дотянувшись до карты, она сначала засомневалась. Но затем все же ткнула в одну из нарисованных Теплиц, ноготком подчеркнув стройплощадку Петра. Для пущей убедительности выглянула в окно, махнув на север. Яна кивнула.

Новые ориентиры стали огромным достижением. Но дистанция, разделявшая заброшенный перрон и лаз в тоннель от места их нынешнего расположения, угнетала и душила радость первой победы. Жилой комплекс, где обитала семья инженера, от места его работы отделяли две просторные Пробирки.

И все же это стало первым прорывом.

Если будет нужно, Погремушка доберется до точки выхода на своих двоих. Даже если для этого потребуется перемещаться между Куполами. Там, правда, совсем небезопасно, а доступ в межкупольное пространство заказан даже рядовым молчунам. Но она вообще находилась на враждебной территории, так о какой безопасности может идти речь?

Усевшись за стол, Яна принялась изучать пространства между разгороженными районами города. Эдакие локальные Голи, где размещались фермы, производственные площадки с вредными выбросами, свалки и прочая неприглядная инфраструктура. Если она не сможет пробиться за «стекляшку», в которой сейчас находится, путь снова предстоит искать под землей...

Кристина, изредка поглядывая на дисплей гудящего кухонного агрегата, искоса наблюдала за девушкой. Вероятно, улавливала волны сомнений и неуверенности, как это умели делать все выродки. Но предлагать общение, в отличие от своего сожителя, не спешила.

Погремушка, вдруг осененная новой идеей, продолжила необычный диалог сама.

«Лотерея, – написала она на планшете, вопросительно уставившись на застекольщицу. Та ответила прямым взглядом, в котором читалось недопонимание. Яна поспешила добавить: – Знаешь, что это такое?»

Кристина кивнула, причем в жесте сквозило: ты действительно глупая? У нас каждый ребенок знает, что такое Лотерея. Да и у вас, полагаю, тоже...

Циферблатчица торопливо стерла предыдущие надписи, выводя:

«Знаешь, кто управляет игрой?»

Брови парниковой поползли вверх.

Она задумчиво побарабанила пальцами по краю стола. Затем показала Яне открытую ладонь, призывая ждать. Вышла, вернувшись через полминуты. Села напротив, придвигая к себе планшет, и что-то подключила к одному из его торцов. Жители Циферблата нередко пользовались старенькими электронными устройствами, однако установленный Кристиной приборчик удивил даже выдающую технологию нелюдей егеря.

На стол напротив миниатюрной хозяйки спроецировалась клавиатура, светло-голубая, чуть мерцающая и одним концом наползающая на приклад арбалета. Сперва пассия инженера хотела отодвинуть оружие, но благоразумно удержалась от прикосновения и переместилась сама. Стуча коготками по пластиковой столешнице, принялась печатать – змейка букв поползла по экрану планшета.

«Лотерея расположена в Куполе 2, – сообщила она, прерываясь, чтобы проверить, читает ли Погремушка. И если да, то понимает ли, о чем речь? – Район является деловым сердцем города. Нет деления на постройки. Весь купол занимает здание под названием «Голиаф». Его делят департаменты управления городом, частные корпорации и СМИ».

Она замерла, пытаясь угадать, знает ли девушка расшифровку аббревиатуры. Та кивнула, старательно скрывая злость. Выглянула в окно, но Кристина замотала головой, давая понять, что здание-гигант не видно из их квартиры.

«В «Голиафе» расположен пресс-центр Лотереи, – добавила она. – Основными спонсорами являются корпатрицианты. Предпочтение – контролировать сферы вложения денег».

Стараясь не сдвигать планшет, Погремушка дотянулась до умного устройства, стилусом приписав сбоку от напечатанного текста:

«Штаб Лотереи – там же?»

Кристина пожала плечами, снова застучав ноготками.

«Не обладаю информацией. Семья не следит за игрой. Жестоко. Гладиаторские бои – тоже. В «Голиафе» работают журналисты. Освещают ход Лотереи для горожан. Отправляют результаты глашатаям Периметра. И новости. Работает машина – Капитель Распределения. Обрабатывает заявки и генерирует имена победителей».

Испугавшись того, как часто и громко забилося сердце, Погремушка постаралась унять непрошенную дрожь в пальцах. Вцепилась в стилус так, что чуть не сломала пластиковое перо. Сосредоточенно уткнулась в карту, пытаясь отыскать Второй Купол, почти всецело занятый комплексом деловых построек.

Кристина, не отключая голограмму клавиатуры, ждала ее реакции. В кухне начинало вкусно пахнуть тушеным горохом и жареным мясом.

«Твой муж, – дотянувшись до электронной бумаги, написала Яна чуть ли не вверх ногами, чтобы было понятно застекольщице, – имеет доступ в этот Купол?»

«У всех равные права, – ответила та после короткого раздумья. – Мы свободные люди, граждане. Попытка провести в Купол пустыше... – Она остановилась, пальцы зависли над светящимися изображениями клавиш. – Вероятность: Петр попытается провести внутрь не гражданина. Вероятность: возникнут проблемы. Вас схватят. Обоих».

Она какое-то время изучала собеседницу, наконец пришла к весьма своеобразному выводу:

«Хочешь заявку на участие в Лотерее? Можно оформить из Кольца. Если нет умения или информации, могу соединить со справочной».

Погремушка едва удержала нервный смехок.

Заявку на участие в Лотерее? Остроумно...

Но этой милой и прохладно-гостеприимной молчунье совсем необязательно знать лишнее. Поэтому егеря спрятала эмоции поглубже. Замкнулась в себе, постукивая пером по краю планшета. И невольно уловила, что ее собственный запах – сырой земли, пота и машинного масла – на уютной и такой домашней кухне ощущается как нечто чужеродное и опасное.

– Вторая Теплица, – негромко сказала Ленка в голове сестры. – Не пытайся выжать из

инженера больше, чем он уже смог тебе дать. Он обузой станет, Погря, вот увидишь. Зато теперь мы точно знаем направление и цель. Кстати, это гораздо ближе от точки выхода, где бы ты самостоятельно выбралась на поверхность, не повстречай этих двоих...

Кристина, пытаясь уловить окружившие гостью мыслеформы, с интересом прислушивалась к тишине. Смотрела с вежливым любопытством, словно спрашивая: диалог окончен и я могу вернуться к готовке или ты хочешь узнать что-то еще? Яна, на ремарку мертвой сестры не отреагировав, поспешила сменить тему, чтобы ненароком не выдать намерения и мысли.

Придвинувшись ближе – как ей показалось, этим она пыталась вызвать у застекольщицы чуть большее доверие, – егеря набросала торопливо и неаккуратно:

«У тебя никогда не возникало желания что-то сказать? Имя дочери вслух?»

Кристина смотрела на нее доверчиво и без издевки, но с искренним недоумением. Наверное, так бы выглядела и сама Яна, если бы, например, Баклажанчик спросил, нет ли у нее желания помянуть. Затем улыбнулась одними губами, демонстрируя вежливое понимание. Кивнула и напечатала:

«Человек не обладает талантами вербализировать мыслеформы. Опасность феномена доказана учеными еще до периода Больших Войн».

«Ты боишься?» – стерев предыдущий вопрос про Купола, нацарапала Яна прямо поверх написанного раньше.

«Отсутствие необходимости. Нет умения. Первые эволюционные эксперименты. Люди сознательно лишались возможности говорить. – Коготки цокают размеренно, дробно. – Еще обладали умениями. Отказались. Началось от угнетения речевых центров головного мозга. Погружение участников антропогенетических исследований в состояние добровольной вербальной депривации».

Она оценила уровень осмысления в глазах егеря, и Яна снова удержала злость. Давненько ее не принимали за умственно отсталую. Однако условия требовали спокойствия и терпения, и девушка тряхнула челкой, подкрепив жест широкой неестественной улыбкой. Кажется, тема с Лотереей была оставлена в покое. Кристина тем временем продолжила развивать мысль:

«Отказ от устаревших способов коммуницирования позволил необычайно развиваться слуху, воображению и зрению человека. – Она писала неспешно, вдумчиво, будто вела урок в начальной школе и хотела убедиться, что за мыслью учителя поспевает весь класс. – Вторым открытием тех, кто изнурял себя совершенствованием, стала повышенная чувствительность. Еще: передаваемая по наследству склонности к тактильной трансляции логосолитонов. Не могу захотеть говорить. Ты не можешь захотеть летать – нет умения».

И она склонила голову набок, словно пыталась определить, а правда ли чужачка не умеет летать. Та откинулась на высокую спинку кухонного стула. Ее начинала остро раздражать манера парниковых общаться с теми, кого они и за людей-то не считали. А ведь если разобраться...

Комбайн наполнил помещение мягким перезвоном, ему вторил световой сигнал – мерцание ярких ламп. Кристина вежливо приподняла уголки губ, вставая из-за стола и отворачиваясь. В этот самый момент в окне мелькнула черная тень, рывком заслонившая солнце.

Погремушка все же успела среагировать. Кинулась в сторону, срывая со стола арбалет, нацелилась нырять в дверной проем. Но влетевший в окно нелюдь оказался быстрее и метче.

Ногами вперед, подвешенный на системе тросов, он ворвался в квартиру в облаке битого стекла. Оконный пакет лопнул под ударами прыжковых усилителей в подошвах. Тут же взвыла сигнализация, кухню наполнил теплый летний ветер. А молчун, обрушившийся с верхнего этажа, лихо отстегнулся, завершая прыжок уже без страховки.

И сразу начал стрелять.

Без подготовки, но чертовски метко...

Заряд подствольного тазера ударил Яну в правое плечо. Мышцы окаменели, пальцы

непроизвольно разжались, роняя стотонный арбалет. Егерь рухнула на пол почти в кувырке, одновременно пытаясь левой дотянуться до бедра с наганом.

Вслед за плечом онемела половина туловища и нога. Приложившись лицом о порожек, на секунду девушка подумала, что ее ладонь зажимает тяжелым и безжизненным камнем – таковым становилось тело. Она еще царапала застежки кобуры, ломая ногти и сляясь неловко вырвать оружие из-под себя, а стрелок уже присел за кухонным столом, целясь снова.

Кристина, вскрикнув перепуганным зверьком, шарахнулась в сторону, насколько позволяли габариты помещения. Ошалело упала на корточки, закрывая голову. Осколок стекла оцарапал ей щеку и лоб. На пол, не скупясь, брызнуло красным.

Тазер зашипел, глухо ухнул и выплюнул новый заряд.

Этот угодил в левое бедро, почти в ягодицу, отчего Погремушка взвыла.

Теряя последние силы, развернулась рывком, все же выхватывая револьвер. Услышала, как в прихожей, сорванная с петель крохотными тактическими зарядами, плашмя рухнула входная дверь. Раздался топот, в панике завопил Сорока. Грохнул пистолетный выстрел, за ним еще один. А потом лающий голос парализаторов донесся до егеря и из гостиной.

В глазах двоилось, плыло, мельтешило.

Сознание оставалось чистым, но тело отказывалось повиноваться, и держащая наган кисть слабела с каждым вздохом Погремушки. Она попыталась прицелиться в силуэт за столом, но оружие выскользнуло, обидно стукнув металлом по кафелю пола. Распластавшись в пороге, девушка с ненавистью смотрела вверх – на две затянутые в бронекостюмы фигуры, нависшие над ней и наставившие стволы прямо в лицо.

Мышцы шеи накачали инъекциями жидкого, но быстро твердеющего чугуна. Скосив глаза на Кристину, призвав на помощь всю злость и ненависть, на какую была способна, Яна смогла приподнять голову.

Глядя на застекольщицу, раздавленную внезапным штурмом... испуганно утирающую окровавленное лицо у основания кухонного комбайна... шокированную и омертвевшую, Погремушка зашипела змеей. Зашипела, даже не уверенная, что слова слетят с коченеющих губ:

– Будь ты проклята, сука...

Кристина, немигающими глазами наблюдавшая за парализованной гостьей, дернулась, словно тоже словила заряд тазера. Миг назад во взгляде ее плескалась мольба и страх. Но вот эмоции нырнули на дно сознания, зрачки закатились. Веки судорожно затрепетали, и молчунья сползла под тумбу неживой человекоподобной куклой.

18

«Сизый голубь, помимо феноменальной способности находить путь домой и, как следствие, возможности его использования в качестве почтовой птицы, также издавна привлекал внимание ученых умением узнавать себя в зеркале. Причем, по результатам экспериментов полувековой давности, эта способность у данных птиц была развита гораздо лучше, чем у маленьких детей. Благодаря такому любопытному свойству, в работах ряда европейских ученых голубь, глупое в простонародье существо, зачастую ставился на одну интеллектуальную ступень с приматами, дельфинами и слонами».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Идеально продуманный план работает безупречно. Без сбоев. Как по маслу.

Если кто-то считает, что идеальных планов не существует и в них всегда вкрадутся недочеты или фактор случайности, ошибается. Или просто не умеет создавать четких грамотных стратегий. Главное, в этом Артемидий был убежден, делать все неспешно, вдумчиво и не отступать от намеченного сценария во время его реализации.

Так произошло при штурме убежища, где укрылись синантропы.

Без сучка, без задоринки. Как Селиванов и распланировал. Гладко.

Результат полностью совпал с ожиданиями, в выгодном свете выставив корпатрицианта не только перед остальными членами жюри, но и перед наблюдателями из Хрустальной Беседки, центрального штаба Лотереи.

Операцию по захвату Артемидий продумал еще в машине – приземистом фургоне с логотипом корпорации «СибСтрой» на серебристом борту. Времени, потраченного на перемещение от стройплощадки до кондоминиума, где проживал захваченный в заложники инженер, хватило с лихвой.

Машину, пусть и неказистую, выдали бригадиры и начальники участков, сняв транспорт с одной из рабочих линий. Сразу, без вопросов, едва просканировав удостоверение личности корпатрицианта и проверив мужчину на генетическом идентификаторе. О, трудолюбивые землеройки еще долго не забудут переполоха, учиненного Селивановым и его людьми в разгар рабочего дня...

Появился как чертик из табакерки.

Внезапно, без уведомления об инспекции, не позволив мелкому руководству размять спину перед отбиванием раболопных поклонов и подготовить липовые отчеты про опережение графика. Не въехав на территорию снаружи в современном лимузине. Артемидий и его команда вышли на стройку снизу, как настоящие герои, пересекающие Преисподнюю. Грязные, усталые, вооруженные до зубов.

Наверное, руководство стройки даже перепугалось – видано ли такое?

Но прибывший босс оказался добр, покладист и миролюбив. Даже не взглянул в спешно подготовленные данные о ходе работ. Всего лишь запросил документы на прокладку участка, где работала восьмая бригада, особенный интерес проявив к личности оператора № 53. Собрал записи с камер наружного наблюдения, перепоручив Дионисию внимательно изучить материалы предыдущих четырех часов. Слил в систему бронекостюма файлы, записанные камерами буровой техники, работавшей на отметке 12/74.2. Опросил нескольких инженеров, удаленно работавших на соседних участках из модульных центров управления.

И укатил, затребовав вместительную машину.

Презентабельного транспорта, соответствовавшего высокому статусу неожиданного гостя, конечно же, не нашлось. Но когда подогнали фургон, корпатрициант не стал вставать в позу или хоть как-то демонстрировать недовольство. Серебристый шестиколесник идеально подходил для актуальных задач Селиванова, и он искренне поблагодарил руководство стройки за оказанное содействие.

Итак, пустышечник обзавелся союзницей.

Об этом сообщала Клеоника, внимательно проанализировавшая логосолитоновые оттиски на подземном перроне. Это подтверждали и записи камер наблюдения. Пособницей стала худая вертлявая самка с коротким мехом, вооруженная стрелометом и пистолетом. Вероятно, она заранее дожидалась появления Сорокина в условленном месте, иначе бы победитель и не полез под землю – теперь это было для Артемидия самой очевидной мыслью на свете.

А вот инженер, управлявший буровой колонной, скорее всего, оказался не в том месте и не в то время. Подчиняясь угрозам нелюдей, он вывел обоих на поверхность. И пропал вместе с нарушителями Периметра. Вероятно, став заложником, иного корпатрициант предположить не мог. Следующим шагом, и в этом Бродов всецело соглашался с начальником, предстояло проверить жилье оператора № 53.

В рабочих журналах его отсутствие было объяснено приобретением неоплачиваемого отгула по причине болезни. Почему человек укрыл хищных паразитов в ковше собственного экскаватора, не попытавшись сбежать или вызвать полицию, пока оставалось загадкой. Которую тоже предстояло проверить...

Дальнейшее насторожило Артемидия еще сильнее.

Уже в подвале кондо, где проживал инженер, глава жюри связался с Беседкой, запросив администраторов Лотереи об экстренном внештатном внедрении в электронную сеть жилого комплекса. И сразу убедился, что чутье не подвело: скуднодушие находились в здании, и их заложник – тоже. Только вот поведение человека...

Без сомнений, бежать, когда за спиной стоит вооруженная арбалетом нелюдь, – дурная идея. Победитель Лотереи, так же как его сообщница, могли легко прикончить мужчину, только лишь заподозрив подвох. Однако, изучая записи камер из подвальной парковки, Селиванов несколько раз отматывал их назад, снова и снова изучая позы и неторопливые жесты оператора № 53. Все сильнее подозревая, что без синдрома сочувствия террористам тут не обошлось...

Следующим шагом стало выяснение точного местоположения объектов охоты и количество захваченных ими людей. Бродов, взломав замки в квартире этажом выше, сделал это без труда. Спустил в окно тонкий гибкий щуп с камерой на конце, передал картинку всем членам группы.

Так Артемидий узнал, что супруга инженера находилась на кухне с молодой самкой недочеловека и пособницей победителя. Женщина держалась молодцом, вступив с пустышечницей в контакт и, по всему выходило, пытаясь приручить или хотя бы снизить уровень агрессии. Сам Сорокин, напуганный и жалкий, в это время контролировал хозяина квартиры, находясь в просторной гостиной и чего-то дожидаясь. Также в жилье присутствовала дочь Кристинии и Петроса, но девочка отсиживалась в своей комнате и не могла помешать запланированной операции по захвату.

Достроить план стало делом нескольких минут.

Леонидас ворвался в кухню сквозь окно, предварительно наладив систему тросов. Артемидий и Дионисий вломились через входную дверь, точечными взрывами уничтожив петли и запорный механизм. Следопыт прикрывала отряд со спины. За время погони Клеоника почти лишилась сил, и использовать ее как активную боевую единицу Селиванов не хотел...

Идеальные планы существуют, что бы ни утверждали сторонники законов о случайностях или параноидальные почитатели форс-мажорных обстоятельств. И захват победителя, осуществленный отрядом Артемидия, это еще раз подтвердил.

Пустышечники, несмотря на вооружение, среагировать не успели.

Самка, подбитая и парализованная Бродовым, не смогла воспользоваться своим арсеналом. Ее подопечный пытался отстреливаться из пистолета, но делал это торопливо и неумело. Памятуя о раненом Федоте, корпатрициант больше не дал противнику шансов. Лично успокоил законную жертву из импульсного подствольного тазера, проделав все быстро и без заминок.

Теперь на полу валялись оба нелюдя. Лишенные возможности не только двигаться, но и говорить.

И все равно группа по приказу лидера не отключала акустических подавителей – финальное шипение самки было лучшим доказательством, что синантропы могут оставаться опасными даже будучи обездвиженными. Пусть взятые в аренду глушилки окупаются с лихвой, выплюнутое сообщницей Сорокина заклинание едва не натворило бед...

Супруга инженера, проглотив злую фразу, оставалась без сознания. Над ней, приводя в чувство, склонился Дионисий.

Перед этим молодой ликтор обыскал и обезоружил обоих нелюдей, сложив револьвер, колчан, ледоруб, нож, патроны, пистолет и арбалет в свой рюкзак. Затем упаковал беглецов в пластиковые наручники, на лицах застегнув намордники – нехитрые приспособления из

нескольких ремней и мягкого шарика-кляпа, вставляемого в зубы. Лео, излучая торжество и ликование, наблюдал за его работой, на всякий случай держа хищников в прицеле.

Клеоника, подняв дверную створку и прислонив к входному проему – чтобы не привлекать любопытных соседей, – прошла в кухню. Склонилась над самкой, проверяя отпечатки пальцев. Показала командиру дисплей портативного компьютера на запястье, демонстрируя, что объект не занесен в базы данных Лотереи.

Артемидий невольно насторожился. Но затем следопыт просканировала загривок скуднодухой на предмет вшитых в тело цифровых меток. И еще раз отрицательно замотала головой, позволив Селиванову испустить облегченный вздох.

Причина мимолетного беспокойства крылась в том, что в Лотерею попадали лишь особи, не стоящие на контроле ветеринарной службы. Сорокин уж точно был грязнокровкой, заповедные виды и персонажи Красной Книги в Игру не допускались. Контролируя популяции, команды зоологов регулярно выбирались за Периметр, отлавливая детенышей, усыпляя и вводя под кожу специальный маяк. И если бы сообщница беглеца имела вшитую в детстве метку...

Носи арбалетчица такой чип, подтверждающий ее участие в программе по контролю рождаемости и генетической чистоты, проблем с защитниками животных было бы не избежать. Теперь же бунтарка полностью переходила под власть корпатрицианта, и неприятностей со зверолобами можно было не опасаться.

В кухню вошел глава семейства, несчастный оператор № 53, угодивший в лапы зверья.

Мужчина был бледен, его пошатывало. Он затравленным взглядом осмотрел битое стекло на полу, подорванную дверь и окровавленную женщину, в заботливых руках ликтора приходившую в себя. Лицо хозяйки дома все еще покрывали бурые потеки, но шрамы на щеке уже запенили анестезирующим гелем и в глаза возвращалась осмысленность.

К ноге инженера, наблюдая за чужаками с любопытством и иррациональной неприязнью, жалась девочка. Отправив дочь обратно в персональную комнату, Петрос – вроде бы мужчину звали именно так – склонился над супругой. Подержал за руку, о чем-то сообщая и интересуясь здоровьем. С тоской взглянул на обездвиженную пустышечницу. А затем шагнул к корпатрицианту, протягивая ладонь.

Артемидий ответил на прикосновение, зубами стянув левую перчатку.

«Уважение к корпатрицианту! Просьба: не причиняйте вреда этим скуднодухим, – протранслировал оператор, немало удивив Селиванова. – Они были безобидны и не доставили неудобств. Ходатайствую о выпуске на волю».

Артемидий, отдернув пальцы, нахмурился. Он не хотел, чтобы владелец квартиры прочитал недоумение, окружившее его логос. А оно присутствовало, и весьма яркое. Петрос мог не знать, что Сорокин выиграл в Лотерею. Но все равно демонстрировал сочувствие к существам, оружием угрожавшим его семье, силой заставившим привести их в дом, вооруженным и опасным. Это настораживало.

Корпатрициант активировал общий канал групповой связи. Распорядился поднимать парализованных животных и нести в машину на парковке.

Петрос тем не менее снова протянул руку – настойчиво, непреклонно.

«Желание информированности: каковы дальнейшие действия с пленниками?»

Мужчина хмурился и кусал губу, а его логос полыхал терракотовыми нотками сострадания и жалости. Иного подтверждения заподозренному синдрому и не требовалось.

«Транспортировка в «Голиаф», – ответил ему Артемидий, начиная раздражаться от неумного любопытства бывшего заложника. – Имею намеренье провести показательное награждение перед советом высших корпатрициантов и средствами массовой информации».

«Обе особи?» – Изумление Петроса было неподдельным, что еще сильнее поразило Селиванова.

«Несомненно, – протранслировал он, уже не пытаясь скрыть возмущения своего логоса. – Особь мужского пола выиграла в Лотерею и скрывалась от награждения. Самка является сообщником, автоматическое вручение дополнительного «оранжевого билета».

Уважаемый инженер, потеря памяти в сфере правил Игры Равновесия?»

Он уже собирался надеть перчатку, но затем передумал и снова коснулся пальцев инженера.

«Собирайтесь. Вы отправляетесь с нами».

«Какова необходимость?» – теперь изумился Петрос, причем на периферии его подавленного логоса полыхнула корона страха и подозрительности.

На это корпатрициант не ответил.

Отдалился, надел перчатку, поудобнее перехватил винтовку. Он не собирался отчитываться перед неудачником, допустившим проникновение двух недочеловеков в самый центр Новосибирска. А еще что-то подсказывало Селиванову, что за время общения с синантропами оператор № 53 успел позабыть, на чьей стороне он находится. Это предположение тоже требовало проверки...

Дионисий взвалил на плечо полусонную самку. Загудели мышечные усилители, встроенные в охотничий костюм, под ногами хрустнуло стекло. Бродов, первым покинув квартиру, нес на плече безвольного победителя Лотереи, доставившего команде Артемидия так много хлопот. Впрочем, хлопот приятных.

Сам корпатрициант, многозначительно указав Петросу на выход, последовал за ним.

На прощание мужчина коснулся супруги, еще не окончательно пришедшей в себя, отправив ей что-то обнадеживающее и успокаивающее. Та закивала, но неуверенно и нервно, словно находилась под воздействием тревожной адреналиновой феи.

Клеоника, как и во время короткого штурма, замыкала шествие. И даже вернула на место дверь, чтобы сцена побоища не была заметна с лестничной площадки.

В подвал спустились на грузовом лифте, вместившем пятерых человек с их опасной ношей.

Все это время Артемидий внимательно наблюдал за инженером. Но кроме тревоги и шоковых протуберанцев, вызванных атакой членов жюри, дистанционно ничего уловить не мог. Следопыт же, способная помочь в расшифровке настроения, сейчас была плохим помощником: женщина едва держалась на ногах.

Под недоумевающими взглядами случайной семейной пары, только что припарковавшей личный легковой болид, процессия погрузилась в серебристый корпоративный фургон. За руль, как и по дороге в жилой квартал, забрался Дионисий. Рядом уместилась Клеоника. Нелюди были сгружены бок о бок на бортовую скамью, за ними чутко следил сидящий рядом Леонидас. Сам Артемидий, наконец-то снимая шлем и отключая половину боевой электроники костюма, опустил голову против трофеев.

С любопытством, присущим настоящему ценителю фауны, Селиванов уставился на спутницу Сорокина, неожиданно вступившую в Игру. Любопытный экземпляр, определенно симпатичный, хоть и не лишенный присущих недолудям недостатков. Узкий лоб, слишком широкие бедра для выведения потомства в примитивных условиях, чрезмерно большие уши. Но с точки зрения обитателя Кольца – того же победителя, например, – пленница наверняка считалась привлекательной. Вероятно, в свое время она даже являлась доминантной особью. Что же вытолкнуло ее из стаи? Проигрыш более сильной скуднодухой и изгнание, распространенное в дикой природе?

Интересно, каким образом она оказалась втянута в Лотерею и в пособничество беглецу? Неужели тот успел все подготовить, связавшись с сообщницей, едва узнал новость по радио в своем рыночном лотке? Или с момента подачи заявки у молодого недочеловека был припасен запасной план на случай получения «оранжевого билета»? Такая версия вызвала немало сомнений, ибо в дальновидность палеоантропов Селиванов верить отказывался напрочь.

Таинственная самка была одета в черную, маслянисто поблескивающую куртку. Заметив наушник, выглядывающий из ее нагрудного кармана, корпатрициант потянулся вперед. Замер, остановив пальцы в считанных сантиметрах от груди. Посмотрел в распахнутые серые глаза.

Помощница Сорокина выглядела кроткой и безвольной. Словно смирилась с ожидающей участью, перепоручив себя несладкой судьбе. Но Артемидия обмануть все равно не могла – тот хорошо чувствовал, как пульсирует и плюется ее убогий логос, хлеща вокруг липкими щупальцами злости и раздражения. Хищница затаилась, пытаясь усыпить бдительность царя природы. Но просчиталась: ни отпустить ее, ни ослабить пути Селиванов не собирался. Потянулся чуть дальше, выдернув из кармана плоский коробок музыкального проигрывателя.

Самка не шелохнулась, живыми оставались только ледяные глаза.

Во-первых, она все еще не могла двигаться после удара тазером. Во-вторых, оцепенела в показном послушании, рассматривая человека спокойно и с долей понимания. Артемидий вынул наушник из ее кармана. Приложил к левому уху, наугад включил примитивное цифровое устройство, прислушиваясь. И если первые аккорды не вызвали отторжения или неприязни, то уже через несколько секунд в динамике вдруг ударила бас-гитара, и он поморщился.

Музыка, которую слушали в Периметре, ужасала так же, как образ жизни пустышечников. Написанная без учета степеней влияния на нервную систему и геном. Опасно устаревшая. Она вот уже тысячи циклов оставалась так называемым искусством ради искусства, с бессвязной речью солистов, крайне редко поющих о чем-то осмысленном. Но еще чаще представляла собой полную нелепицу, набором рифмованных абстракций, чье пагубное воздействие на мозг было известно даже ребенку...

Корпатрициант затолкал проигрыватель обратно в карман промасленной куртки.

Покрутив затекшей шеей, хрустнул пальцами. Потер ладони, словно готовящийся к операции хирург. Улыбнулся скуднодухой, на эмоцию человека не отреагировавшей. Пришло время узнать, кто она такая и что делает на территории Пятого Купола вместе с победителем Игры Равновесия...

Артемидий прикоснулся к шее сидящей впереди Клеоники, призывая следопыта перебраться в салон. Когда женщина примостилась рядом, коротко передал ей свой план, попросив о посильной помощи.

Он представлял, насколько вымотана охотница. Видел увядание ее логоса, читал во взгляде опустошенность и тревогу. Но куда больше, чем обморока подчиненной, страшился собственного замешательства. Того, что обязательно последует, когда журналисты возжелают узнать у главного ловчего, что за зверя тот притащил в Беседку вместе с Сорокиным...

Подавшись вперед, Селиванов положил ладони на виски нарушительницы закона.

Та дернулась, впервые избавившись от кротости и выдав бушующую внутри неумную ярость, но лишь стукнулась затылком о борт машины. Да, она была настоящим зверем, непокорным и диким. Пленным... Каждой клеточкой тела ощущая превосходство над ее обреченным видом, старший ловчий кивнул помощнице.

Клеоника, тут же придвинувшись к обоим, опустила тонкие кисти поверх рук корпатрицианта. И глубоко вздохнула, втягивая, просеивая, пропуская сквозь себя и Артемидию.

Ого!

Колени следопыта дрогнули, но она удержалась на ногах еще несколько секунд – пока брови главы комитета не полезли на лоб, а губы не искривила саркастическая усмешка.

Издав тихий протяжный стон, Клеоника упала на лавку, где ею тут же занялся Бродов. Поднес к губам фляжку, помог напиться, начал что-то искать в наплечной аптечке. На нелюдя следопыт теперь косилась с внезапным интересом и опаской, но любопытствовать Леонидас пока не спешил.

Артемидий, многозначительно покачав головой, тоже разорвал контакт с самкой, которую за Куполами кликали Йанной, по созвучию со старинным человеческим именем. Не переставая поражаться впитанной от нее информации, откинулся на лавке. Попытался предугадать приблизительную выгоду, поверхностно оценить последствия, просчитать

дальнейшие действия. От приятных измышлений логос корпатрицианта вспыхнул нежно-лиловым цветом.

Он продолжал в упор смотреть на Йанну, внезапно превратившуюся в куда более интересный объект, нежели победитель утреннего розыгрыша. Взгляд Селиванова стал мягок и пытлив, как завернутый в наволочку кинжал.

Значит, самка пустышечника пробралась в город, чтобы – ни много ни мало – уничтожить Лотерею? Вот так сюрприз...

Привлекая Клеонику для извлечения информации, Артемидий и заподозрить не мог, что наткнется на столь драгоценную жилу скрытых логосолитонов. Однако вопросы все равно оставались. Каким образом Йанна могла узнать, что утренний билет вытянет именно Сорокин? Неужели произошел взлом Капители Распределения, до ужаса мощной генерирующей машины, определяющей справедливый дуэт победителей?

Глупости... Селиванов был убежден, что сил и умений для взлома сетей Девяти Куполов у пустышечников не хватит никогда. Даже если по вонючему Периметру будут собраны вообще все особи, умеющие ковыряться в старом «железе», за ненадобностью выбрасываемом за пределы цивилизованного Новосибирска.

Значит ли это, что встреча террористки и Сорокина была случайностью?

В совпадения корпатрициант верил еще неохотнее, чем в умственные способности недочеловеков...

Что же она хотела сделать? Артемидий неспешно разложил в сознании выпитый из синантропа мнемослайд, препарируя его на мелкие составляющие, будто чистил кочан капусты.

Вот! Смело и безрассудно... След, начало которого потеряно или намеренно скрыто хозяйкой мыслеформы в памяти. Установка по проникновению, инструкции кого-то авторитетного и жесткая моральная накачка. Толчок на проникновение в «Голиаф», ни больше ни меньше. И мотивация на уничтожение базы данных Капители Распределения мощным вирусом. Действительно смело. Но глупо. Такое не под силу пустышечнику, особенно одному. Никогда.

Притягивая к себе валяющийся под ногами рюкзак Йанны, Артемидий буравил пленницу взглядом. На что она вообще рассчитывала? Исключительно на удачу и благоприятное стечение обстоятельств?

Одной рукой расстегивая рюкзак, второй Селиванов молниеносно прикоснулся к щеке террористки. И швырнул короткий ослепительный логосолитон, от которого та зажмурилась и вздрогнула, несмотря на паралич. Мечта девочки сбудется – пусть по иронии судьбы, но она все же побывает в «Голиафе». Хоть и совсем не так, как рассчитывала: в цепях, униженная и безвольная, судимая корпатрициантами и приговоренная к награждению, так же как ее приятель.

Приняв ментальный конструкт, Йанна зашипела, так крепко впиваясь зубами в кляп, что из-под ремешка побежала тонкая алая струйка.

В вещмешке Селиванов обнаружил немало любопытного. Но наибольший интерес вызвали семь легких брусков мощной технической взрывчатки, снабженные таймерами и липкими пластинками для крепления на вертикальных поверхностях. Осторожно спрятав брикеты обратно, он затолкал рюкзак под лавку. И снова потянулся к самке, прикоснулся к обритым вискам.

«С большой долей вероятности предполагаю: у тебя кто-то погиб. Корректно? Убеждение в корректности, – пробиваясь через ее заслон негодования и злобы, протранслировал корпатрициант, выискивая отголоски боли, как поводит сетью умелый рыбак. – Член семьи сыграл в Лотерею. Корректно? Вытянул «оранжевый билет», корректно? «Неправильный» билет, как привыкли считать скуднодушие. Кто это был? Отец? Нет, ожидание... Вижу – это была сестра, корректно?»

Грызая кляп, Йанна вся тряслась.

Глаза ее запали и теперь сверкали, словно уроненные в темные провалы капли

расплавленного свинца. На щеках прорезались морщины. Дыхание стало частым и прерывистым. Если бы взгляды могли убивать, корпатрициант Артемидий Селиванов уже давно был бы мертв...

«Ожидание, корректно? – продолжал выпытывать он, нависая над самкой нелюдя. – Много полных периодов солнечного обращения, потраченных на ожидание. Подготовка. Ты готовилась, корректно? Тайное проникновение на территорию города, воровство у людей? Вступление в... егеря? Некорректно. Неполная информация. О, всемогущее Единое Божество, покровитель человека и эволюционного развития!»

Артемидий отшатнулся, не веря собственному логосу. Сел ровно, отирая ладони об укрепленные броненитью штанины, будто испачкал руки в чем-то липком.

Взглянул на самочку с откровенным интересом и опаской. Так ученый смотрит на новое растение, изначально принятое за всем известный, повсеместно распространенный вид.

Противодействие... Вот что крылось за самой сильной ментальной защитой, на какую только была способна пустышечница. Фронт сопротивления цивилизации. Бунтарская ячейка белок, обезьян и зебр, восставших против города людей. Противодействие – мифическое, несуществующее, беззубое. Но являющееся своего рода знаменем для тех обитателей Кольца, кто готов убить человека, едва завидев. Неужели Йанна, сидящая сейчас перед корпатрициантом, действительно входит в неуловимую подпольную организацию?

Он еще раз протянул руку к самке. И вдруг, будто фокусник на выступлении, отточенным движением вынул из внутреннего кармана черной куртки небольшой кристаллический накопитель. Наполненный цифровой дрянью, эфиры которой пробивались даже через алюминиевую скорлупу. Повертел в пальцах, не обращая внимания на обжигающие взгляды-молнии, спрятал в нагрудном отсеке бронекостюма.

Итак, сообщница Сорокина. Террористка, задумавшая заражение вычислительной машины. Нарушительница демаркационной зоны, причем рецидивистка, а также воровка и контрабандистка. Перед Селивановым сидел уникальный экземпляр, на удивление легко – все по тому же несуществующему совпадению – давшийся в руки людей. Перед награждением Йанны сотрудникам отделов прикладной химии и нейрохирургии стоит более внимательно изучить предоставленную корпатрициантом особь. Со всем возможным рвением, как пишут в старых книгах...

Внезапное прикосновение к его левому колену вывело Артемидия из глубокой задумчивости.

Мужчина вздрогнул, невольно потянувшись к пистолету, но вовремя сообразил, что к нему всего лишь обращается инженер, чью квартиру они только что разгромили. Эмоции, переполнявшие оператора № 53, пробивали даже через экранированный бронекостюм.

«Почему нахожусь в этой машине? Куда мы направляемся? С уважением к корпатрицианту: требую объяснений! Моя супруга ранена, должен пребывать дома, вместе с семьей...»

«Карантин, – честно ответил ему Селиванов, не развивая мысль, чтобы не выдать полной глубины своих намерений. – Вы вступали в тесный контакт с синантропами. Можете оказаться переносчиками заболеваний и вирусов. За вашей семьей будет прислана специальная медицинская бригада».

Он аккуратно снял ладонь инженера со своего колена.

Дальнейшего тому знать не полагалось. Пока.

Логос Петроса был чист и прозрачен, следов предательства не носил. Но по остаточной дисперсии мыслеформ, связанных с происшествием в метро, позволял предположить, что строитель помог нелюдям не только под принуждением. Значит, в немалой степени – по собственной воле.

Это, в свою очередь, приводило Артемидия в крайнее замешательство.

Действительно, человек не может обмануть другого человека, так устроена природа нового эволюционного вида. Но если Петрос искренен, как понять его мотивации? Какими

категориями измерить? Что толкнуло добропорядочного семьянина оказать содействие вооруженным террористам, едва не пробравшимся в сердцевину «Голиафа»? Жалость? Недооценка опасности? Это и предстояло выяснить корпоративным альфа-эмпатам, которых Селиванов намеревался подключить к расследованию сразу после прибытия в Беседку...

Бортовых окон в фургоне не предусматривалось. Но для того, чтобы угадать, что машина наконец въехала на территорию Второго Купола, Селиванову не нужно было выглядывать наружу.

Он чувствовал это, даже не повернувшись к лобовому стеклу, в которое мог взглянуть между спинками впереди стоящих сидений. Чувствовал где-то глубоко внутри, слышал отголоски тысяч и тысяч сотрудников корпораций, наводняющих Купол; гудение их мыслеформ, штамповку мнемослайдов, сонмы настроений и пульсацию благородных логосов. А еще нетерпение, с которым весь титанический «Голиаф» дожидался возвращения жюри.

Артемидию предстоит триумф.

Не в переносном, но в буквальном смысле этого архаичного термина. С красной ковровой дорожкой, по которой он поведет к награждению свои трофеи. С хромированным венком и огненно-яркой оранжевой тогой избранного, завершившего Игру. С толпами аплодирующих собратьев по обе ее стороны. С выигравшими ставками, кого-то сделавшими еще большим богачом. С самыми привлекательными полусупругами, которых сегодня он позволит себе не меньше полудюжины. С венком победителя, салютами и торжественной патриотической музыкой. С морем угощений, выпивки и прямым эфиром на телевидении.

Утром, готовясь к вылазке за Периметр и изучая досье скучного, серого, по-плебейски жадного до бесплатного миллиона Павла Сорокина, высокопоставленный корпатрициант не мог и предположить, что уже во второй половине дня его звезда взойдет так торжественно и высоко.

19

*«Настоящий прорыв в области лечения расстройств и нарушений памяти человеку помогли осуществить грызуны семейства беличьих. Именно при доскональном изучении этой психической функции рода *Sciurus* – белка способна вспомнить местонахождение нескольких тысяч спрятанных орехов по прошествии 60 дней – были достигнуты выдающиеся результаты по созданию лекарств для лечения и профилактики гипо- и парамнезии. Однако для данной работы гораздо интереснее проанализировать умение белок вычислять потенциального вора, в том числе из числа собратьев, и перепрятывать запасы, водя противника за нос и обустривая ложные тайники».*

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

До этого дня Петрос никогда не бывал в «Голиафе».

Да что там, он даже близко не подбирался к Куполу, в котором заседала верхушка метрополии – всесильные повелители экономики и социальных программ, держащие в своих руках корпорации Новосибирска, его Сенат, Министерства и управление коммунальными службами.

До этого дня, бесконечного и наполненного тревогой, оператор строительной площадки лишь видел убранство здания-квартала по телевизору или посещал интерактивные

мнемозкскурсии, устраиваемые на радио. Еще время от времени натыкался на заметки в периодической прессе, освещавшей достижения отцов города.

Сейчас, впервые перешагнув порог Купола – этого упитанного корпоративного гиганта, мерно бьющегося сердца их неприступного острова цивилизации, Петрос был поражен настолько, что смог забыть о тяготах. О том, что его безапелляционно выдернули из собственной квартиры. Что увезли, без соблюдения протоколов и законных процедур, в неизвестном супруге направлении. И вообще собираются делать с ним не пойми что, а он даже лишен возможности позвонить домой...

Артемидий – плечистый корпатрициант среднего возраста, командовавший штурмом, – определенно лукавил. Точнее, не сообщил Петросу всей информации, кое-что припрятав и не раскрыв. Потому что, если бы инженера действительно хотели поместить в карантин, то забрали бы все семейство – вместе с Авророй и Кристинией. И в «Голиаф» везли бы явно не в одной машине с потенциально заразными синантропами, которых он имел неосторожность приютить.

Неужели его действительно подозревают в пособничестве нелюдям?

От таких мыслей Петросу становилось грустно и неудобно. Закон, конечно же, в итоге окажется на его стороне. Но унижительные процедуры, предстоящие обвиняемому в ближайшем будущем, прибедняли грядущее торжество справедливости.

И все же тоска отступала, стоило мужчине завертеть головой и позволить краскам, запахам и масштабам делового центра обрушиться на него со всей мощью. Воистину – такие яркие впечатления способны оттереть от липкой черной гари даже самую страдающую и мечущуюся душу.

Потому что, выстроенный как символ неприступности и процветания Новосибирска, «Голиаф» бил в сердце одним своим видом. Сам по себе, как снаружи, так и внутри, представляя двухсотметровым памятником мужеству и упорству человека; его умению работать в команде и строить самые колоссальные здания; трудиться так, чтобы завидовали потомки. Потому что, если каждый элемент системы знает свой фронт работ и станет его послушно исполнять, в небеса рванутся новые, еще более удивительные строения. В искреннем молчании, что бы там ни воображала себе о ценности речи Йанна или ее приятель...

В короне Девяти Куполов «Голиаф», бесспорно, был самой яркой драгоценностью. Вылепленной из бетона, стали, мрамора, биополимеров, пластика, наноорганизмов, хрома, стекла и современных композитных материалов, названий которых не знал даже Петрос с его высшим архитектурным образованием. Он являлся монументом. Храмом, пристанищем доброго расположения духа, равновесия в его совершенстве; дворцом тщательно выверенной деловой политики, внутренней и внешней торговли.

Именно здесь, и Петрос даже заметил решетчатые стрелы стартовых катапульти над террасами верхних уровней, располагался Базальтовый Колодец – центр управления беспилотными грузовыми челноками. Штаб контроля за многотонными летающими машинами, с четкостью откалиброванного механизма курсирующими между уцелевшими на планете оплотами цивилизации и порядка.

Повсюду, куда ни брось взгляд, царило совершенство.

Законодатель мод и новых технологий, «Голиаф» казался живым организмом, задававшим тенденции по использованию новой электроники или средств невербального общения. Корпоративные лаборатории, множившиеся на его этажах, словно старались перещеголять друг друга, наводняя комплекс самыми свежими, самыми удобными устройствами, которым еще только предстояло «выйти в народ».

Повсюду виднелись комнаты отдыха, зеленые зоны, фонтаны, закусовые или альковы релаксации, где можно приобрести новейшую фею всех существующих жанров.

Запахи мебельной обивки из светлой искусственной кожи гармонично сочетались с ароматами живых цветов и влажной земли в крошечных открытых дендрариях. Каждый изгиб и предмет, будь то подоконник или панель управления лифтом, требовали

прикосновений. Каждый диван или скамья в закутке для отдыха манили присесть и расслабиться.

Звучала негромкая, словно издали несущаяся музыка, настраивающая нервную систему на рабочий лад и повышенную работоспособность.

У Петроса перехватило дыхание.

Его окружали тысячи комнат и лабораторий. Миллионы ступеней. Сотни лифтов и эскалаторов. Десятки сверкающих башен, с родительской строгостью нависающие над блоками «Голиафа». Забыв о причине, по которой попал внутрь, оператор строительной техники зачарованно рассматривал внутренности кузницы, в которой ковался завтрашний день всего Новосибирска. Квартал был одним большим домом, где гордятся своими хозяевами и всегда рады гостям.

Впрочем, как выяснилось вскоре, далеко не всем...

На Петроса, плетущегося позади жюри и их пленников, косились с недоумением и опаской. Как на незваного, которого и приличия выгнать не позволяют, и терпеть неловко. Сжав волю в кулак и не позволяя эмоциям выплескиваться, он натянуто улыбался окружающим. Ему было нечего скрывать, а свою невиновность он с охотой подтвердит под присягой Сенату.

Да, он действительно помог скуднодухим. Но сделал это из лучших побуждений, никому не желая зла. И, разумеется, не в состоянии даже предположить, что беда Птицы-Цифры связана именно с Лотереей Равновесия: игрой настолько же справедливой, насколько и жестокой.

Теперь, вероятно, Петросу светил крупный штраф.

Но он не пугал мужчину. Если будет назначено наказание, так тому и быть. Он все равно не признает своей вины или пособничества. Кристиния и Аврора, в этом оператор буровой колонны тоже был уверен, поддержат его, как приняли решение главы семейства привести животных в их дом.

А вот от неловкости, в отличие от чувства вины, скрыться было чуть сложнее...

Вышагивая по уровням «Голиафа» следом за корпатрициантами, статными, закованными в перепачканную глиной броню, инженер чувствовал себе белой вороной. Пыльный, усталый, не успевший сменить рабочую одежду, изрядно изодранную, в этом королевстве стерильной чистоты он ощущал себе чужеродным телом. На пленника не походил, но и на участника сафари – тоже. Руки и ноги его были свободны, в отличие от стреноженных синантропов, однако и оружия он не нес.

Время от времени Петрос ловил на себе внимательные изучающие взгляды, в которых читались подозрительность и жалость. А самые любопытные корповинтики, осмеливающиеся подойти к процессии поближе, даже пытались прощупать логос. Эти попытки невольный спутник триумфаторов мягко, но решительно отклонял.

Обитателей делового квартала тем временем становилось все больше.

Новость о прибытии членов жюри и победителя облетела комплекс, как порыв осеннего ветра, взметнув с рабочих мест сотни офисных сотрудников. Покидая кабинеты и даже целые корпуса, они стремились к центральной аркаде, чтобы хотя бы краешком глаза посмотреть на героев дня, отважных хранителей Равновесия.

Замирая вдоль стен на почтительном расстоянии, народ искренне радовался возвращению корпатрициантов. То здесь, то там раздавались аплодисменты, на лицах цвели улыбки. Руководители отделов выражали одобрение высоко поднятыми над головой руками с оттопыренными большими пальцами. Уборщики и курьеры замирали, прижимаясь к колоннам, украдкой записывая процессию на портативные камеры, чтобы вечером похвастать перед родными.

Артемидий и остальные комитетчики на восторги толпы отвечали весьма благосклонно.

В какой-то момент Петросу вообще показалось, что они движутся к своей цели намеренно длинным путем. А ведь уже давно могли находиться в башне Хрустальной

Беседки, под землей добравшись до нужной парковки или пересев на летательный аппарат. Но Селиванов решил иначе: серебристый фургон был брошен у Южного Портика, и дальше все семеро двинулись своим ходом.

Миновали вытянутый холл с витражными потолками.

Через три сотни метров прошли по аркаде с магазинами и закусочными; свернули в овальный внутренний двор, похожий на колодец с крышкой из сверкающих сот Купола. Там, погрузившись в просторный стеклянный лифт, поднялись метров на семьдесят, причем неспешно, останавливаясь почти на каждом этаже.

На террасы, окружавшие огромный светлый атриум, высыпал народ. Виднелись многочисленные школьные экскурсии – дети восторженно наблюдали за героями, уже предвкушая, как будут хвастать перед менее удачливыми сверстниками. Корпатрициантам махали, заставляя Петроса чувствовать себя все более неудобно. Виновники торжества помахивали в ответ – небрежно, с пониманием и легкой долей высокомерия.

Затем состоялся очередной поход по аркадам и коридорам, больше похожим на улицы со стеклянными крышами. Проспекты, лифты, каведиумы, террасы и балконы...

Женщина, входившая в состав жюри, все заметнее покачивалась, начиная отставать, и Петросу пришлось придержать ее за локоть. Охотница улыбнулась, благодарно принимая помощь, но жаловаться или поторапливать лидера не рискнула. Заметив, что инженер вмешался в их процессию, молодой ликтор, имени которого оператор не знал, с холодной вежливой улыбкой оттер его в сторону. Подставил ловчей собственное плечо, взглядом указав нагледу его место в колонне.

Да, Селиванов купался в обожании, окружавшем его со всех сторон.

Упивался, никак не в состоянии утолить жажду. Черпал. Глотал, не пережевывая. Втягивал жадным логосом и не переставал скалиться, неприятно напомнив Петросу все тех же пустышечников, донельзя примитивных в проявлении чувств. А ведь еще утром он был лучшего мнения о властях предержащих, населявших верхние башни «Голиафа»...

Встречающие триумфаторов, несмотря на активную моральную поддержку, близко подходить не рисковали. Даже дети знали, что скуднодушие, так же как химеры, являются переносчиками заразных болезней. И пусть большая часть вирусов уже давно была побеждена, а прививки малышам ставились еще на стадии беременности мамаш, Кольцо иногда удивляло медиков новыми мутациями штаммов.

Поэтому процессию приветствовали издали, с легкой опаской. А где-то за спиной, чтобы своим видом не оскорблять благородных корпатрициантов, по следам комитета уже шли карантинные службы, подчищая полы и проверяя коридоры на уровень загрязнения.

Первый помощник Селиванова, в котором Петрос тоже определил корпоративного служащего высокого ранга, нес над головой трофейное оружие. Смотанное ремнем от арбалета, оно выглядело наглядным доказательством опасности, которую представляли пленники. А другого и не требовалось – толпа, ничего не знающая о судьбе двух несчастных нелюдей, тут же сформировала собственное мнение, охая и грозно шурясь в морды этих двуногих хищников.

Они боялись, да. И поэтому еще пуще хлопали ловчим, видя в них хранителей справедливости. Никто из стоящих вдоль стен даже не задумывался над фактом, что оружие сегодня имелось у любого пустышечника, чаще всего заведенное для самозащиты в дикой природе Периметра. В эту минуту все обитатели «Голиафа» были убеждены, что стреломет, ледоруб и пистолеты созданы лишь с одной целью – причинить вред человеку.

Петрос устало вздохнул, уставившись на носки своих запыленных ботинок.

Театральное действо, в которое корпатрицианты превратили доставку пленных, все сильнее удручало его, выявляя в сильных мира сего черты, о которых инженер предпочел бы ничего не знать. Происходящее все очевиднее казалось излишним фарсом. Все равно что протащить за собой на веревке опоенную наркотиками змею, похвываясь вырванными из ее пасти зубами. Интересно, настанет ли в человеческой истории день, когда с такими пережитками будет покончено?..

Пятеро людей и двое скуднодухих все шли и шли, сворачивая, сворачивая снова и поднимаясь на огромных сияющих лифтах. Здание, о котором слагали легенды, и впрямь оказалось титаническим, не поддающимся описанию и охвату воображением. Оператор начал уставать. Женщина из группы охотников вообще валилась с ног, повиснув на руке лектора.

Из толпы вдруг отделилась девушка – молодая и очень красивая, в несусветно дорогой откровенной одежде, с крохотной собачкой на руках. Раскрасневшись, она бросилась к членам жюри, улыбаясь и приветливо размахивая рукой. Но замерла, наткнувшись на раскрытую ладонь второго корпатрицианта – того, что нес оружие пустышечников. Он многозначительно покачал головой, пальцем указал в сторону, вызвав у модницы гримасу совершенно детского разочарования. Притопнув длинным прозрачным каблучком, красавица развернулась и обиженно растворилась в рядах зевак...

Чуточку осмелев, Петрос украдкой, исподлобья взглянул на пленников.

Паралич прошел не до конца, но оба уже могли самостоятельно передвигать ноги, безвольно и понуро плетясь за Селивановым. Решив, что до него нелюдям дела нет уж точно, оператор чуть смелее поднял голову. И вздрогнул, наткнувшись на взгляд Йанны. Прожигающий, наполненный ненавистью и желанием убивать.

Все ее тело, весь звериный логос, запрятанный глубоко внутри под фальшивыми наслоениями вербального мышления, кричали: ты виновен! Ты предал нас, и прощения недостойн. Птица-Цифра, вышагивающий справа от самки, вину Петроса тоже считал безусловной. Но эмоциями бичевать не спешил, смирившись с ходом вещей.

Инженер закусил губу.

Ему, по совершенно непонятной причине, хотелось оправдаться. Объяснить неразумным существам, что он не имеет никакого отношения к появлению жюри. Что атака на квартиру застала его врасплох, что во время штурма была ранена его супруга и наверняка перепугана дочь. Дозволь обстоятельства – он бы с радостью излил пустышечникам душу. Но все, что оставалось ему сейчас, это опустить глаза в пол и продолжать монотонно считать шаги...

На стенах блоков «Голиафа» пестрели бесчисленные информационные таблички. Карты, схемы, интерактивные проводники. На каждом перекрестке виднелись полусферы внутренней связи для консультаций со справочными службами. Несмотря на столь доброжелательное отношение к визитерам, уже через полчаса Петрос понял, что заблудился. Причем настолько крепко, что даже не смог бы указать, в какой стороне находится его родной Купол.

Единственное, что мужчина более-менее осознавал, – это беспрестанное движение вверх. А еще неуклонное смещение к сердцу «Голиафа», заметное и по количеству использованных лифтов, и по виду огромных панорамных окон, мимо которых они проходили. Корпатрицианты вели их в башни, венчавшие квартал.

И когда за стеклянными стенами, вызывавшими невольные приступы акрофобии, бетонным узором развернулся, будто на ладони, весь комплекс «Голиаф», Петрос догадался – прибыли. С благородных охотников тут же сбило все торжественное высокомерие. Женщина дала волю чувствам, выплеснув в никуда жгуче-канареичный шлейф усталости и разочарования. Оба корпатрицианта благодарно погладили ее по щекам, после чего без промедления вручили группе медиков с каталкой и аппаратом искусственного дыхания.

В этом блоке здания процессию тоже встречали десятки людей, но никто из них аплодировать не спешил. Все они были затянуты в светло-зеленые халаты химической защиты, на лицах носили прозрачные дыхательные маски. Многие размахивали приборами и датчиками, измеряя уровень загрязнения; кто-то бросился к пленникам, проводя экспресс-тесты.

Отдельная свита окружила Селиванова и его охотников, прямо на ходу начиная расстегивать самые громоздкие и тяжелые элементы доспехов, принимать оружие и

подсумки.

За спинами ученых и обслуживающего персонала возвышались хмурые охранники в темных пиджачных парах. Логосы этих парней не отличались ни глубиной, ни богатством палитры, но Петрос подозревал, что именно так хозяевами «Голиафа» и было задумано. Так же, как суетливые лаборанты в химзащите, церберы не спешили восхвалять триумф ловчих, провожая скованных синантропов неуютными взглядами.

Суета достигла своего пика.

Петроса кто-то тянул за руку, беря пробу крови из пальца. Затем за другую, делая соскоб кожи. Заставлял плюнуть в баночку,дохнуть в трубку. Светил в зрачок тонким лучом фонарика. Прикладывал к шее приборы, изучая показатели логоса и считывая мнемослайды.

В планшеты ежесекундно заносились пометки. Воздух был наполнен непрерывным шуршанием и мелким топотом. Опустив взгляд, оператор буровой техники с удивлением обнаружил, что ему на ботинки прямо на ходу натянули бахилы.

Вероятно, это и была Хрустальная Беседка.

Место, где день и ночь идет Игра или приготовление к следующей. Мозговой центр, где принимаются и обрабатываются заявки, заключаются пари, отсеиваются негодные кандидатуры или особи, находящиеся под защитой ветеринарных служб, где выписываются чеки на получение шестизначных сумм и генерируются случайные комбинации личных номеров. Волшебные цепочки цифр, одному циферблатчику приносящие долгожданное богатство, а другому – принудительное усыпление.

Стали и хрома, превалирующих в мебели и интерьерах, стало больше. Внутреннее убранство Беседки напомнило Петросу больницу или санаторий. Мило, тихо, уютно. Сразу и не скажешь, что именно тут решаются судьбы тысяч пустышечников, решивших подергать судьбу за усы...

Трое охотников, инженер и двое пленников в окружении кортежа продолжали движение через башню. И вдруг, в какой-то совершенно неожиданный момент, Петрос осознал, что людская волна схлынула, оставив лишь нескольких охранников и руководителей среднего звена.

Едва оживление погасло, мужчину снова охватила тревога. Что будет дальше? Карантин? Или сначала его доставят на принудительное знакомство с эмпадами? Взяв себя в руки, оператор постарался дышать ровно и размеренно...

Селиванов завел их в просторную комнату с высоким потолком. Всех, кроме сотрудников Лотереи, которых старший корпатрициант отослал небрежным взмахом руки. Двое охранников все же прошли следом. Замерли внутри по обе стороны дверей, превратившись в детали интерьера.

Ликтор и Селиванов устало повалились на диван вдоль правой стены. Второй корпатрициант ушел в дальний угол, где свалил отобранное у нелюдей оружие и снаряжение на большой железный стол.

Затем вернулся к скуднодухим, безвольно стоявшим посреди зала, и потянул вперед на несколько шагов.

Из пола, негромко жужжа и трансформируясь прямо в движении, выдвинулась хромированная колонна, окруженная серой юбкой мягкого сиденья. В теле колонны, это Петрос хорошо видел со своего места у дверей, зияли ниши и специальные отверстия. Заставив синантропов сесть по разные стороны столба, корпатрициант завел их руки за спины, продел в эти отверстия и умело пристегнул новой партией гибких самозатягивающихся наручников. Закончив, тоже повалился на диван, со стоном вытягивая ноги.

Петроса такая непосредственность возмутила.

Собравшись с силами, он подошел к троим расслабившимся ловчим, глядя со всей возможной строгостью. Мужчины, начиная снимать верхние элементы охотничьих костюмов, поглядывали на него утомленно и с легкой иронией.

Инженер протянул руку, требуя внимания. За его кисть почти сразу ухватился все тот

же второй корпатрициант – ухватился, вцепился, подтянулся и рывком встал, чуть не уронив Петроса лицом вперед. В этом мимолетном прикосновении тот прочитал неудовлетворенность происходящим и его назойливостью, но предпочел не реагировать. И тут же выяснил, как зовут рослого члена жюри.

«Желание информированности?» – протранслировал ему Леонидас, откровенно забавляясь растерянностью оператора.

«Корректно», – ответил тот, маскируя смущение негодованием.

«Члены жюри направляются в карантин, – сообщил ему корпатрициант, все еще держа за руку. – Также требуется подготовка церемонии. Много работы. До возвращения вы будете находиться здесь под присмотром сотрудников корпорации».

«Чувствую неоправданность отношения. Я не пленник, – позволив себе жгучий выплеск, тут же послал Леонидасу инженер. – Потребность узнать, в чем состоит моя вина».

«В этом предстоит разобраться. – Свободной рукой здоровяк расстегнул бронированный рукав, чулком срывая его с правого плеча. – Невинность позволит вам присутствовать среди гостей торжественного награждения победителя».

«Чувствую, стал объектом подозрений, – констатировал Петрос, вдруг растеряв боевой задор. Ему совершенно не хотелось наблюдать за гибелью Птицы-Цифры и Йанны. Ни по телевизору, ни лично. – Мне предъявлены обвинения?»

«Некорректно. Разбирательство приватное. – Леонидас был само спокойствие, помноженное на усталость и адреналиновый спад. –хлопоты будут компенсированы корпорацией «Конструкции «СибСтрой». Поправка: в случае отсутствия вины».

«Непонимание», – слабо плеснул ему в ответ Петрос.

Но корпатрициант уже разорвал прикосновение, отдирая от левого плеча второй рукав. Улыбнулся ему фальшиво дежурной улыбкой бюрократа. И отошел, отворачиваясь.

Переведя дух, с дивана поднялись остальные. Бросая съемные элементы грязных костюмов прямо на пол, прошествовали мимо инженера к дверям. И лишь Селиванов ненадолго задержался, посылая инструкции охранникам у входа. После чего корпатрицианты и ликтор удалились, оставив подавленного Петроса в обществе непрошибаемых головорезов и двух нелюдей, прикованных к колонне.

От небрежности, с которой участники охоты обращались с его персоной, у мужчины скрутило живот. Он проглотил комок, неприятно забивший горло и мешавший дышать. Затравленно обернулся на мордovorотов у дверей. Те равнодушно изучали пустоту, демонстративно игнорируя и подозреваемого, и связанных пустышечников.

Не пленник, не трофей, не член жюри.

Марионетка случая, решившая проявить сострадание и жалость...

Петрос сделал несколько шагов к колонне, окруженной мягким кольцевым сиденьем. Церберы не отреагировали. Осмелев, оператор прошелся по всей комнате. Не без интереса осмотрел захваченное у нелюдей вооружение, изучил незнакомую электронику, встроенную в противоположную стену. Был здесь и телефон, но отчего-то казалось, что позвонить домой ему не позволят...

Наконец Петрос остановился – напротив Йанны, почти пришедшей в себя, но все еще вялой и малоподвижной. Птица-Цифра за ее спиной вообще не шевелился, опустив голову и погрузившись в некое подобие транса. Косясь на охранников, мужчина еще немного приблизился к самке, съезжившейся в недрах толстой кожаной куртки.

Беспомощность угнетала.

Равно как подспудное желание помочь, при этом не нарушая городских законов или приказов корпатрицианта.

«Желаю объясниться», – стрельнул логосолитон Петроса, хоть тот и не был уверен, что на расстоянии, да еще и без зрительного контакта, скуднодухая поймет его настроение.

Она, однако же, уловила. Подняла голову, поглядывая исподлобья. Хмуро, угрюмо, без капли заинтересованности. Инженер протянул руку, торопливо касаясь ее щеки. Думал, отшатнется. Но самочка только прищурилась, впиваясь зубами в темно-серый шарик кляпа.

«Отсутствие моей вины», – торопливо протранслировал оператор, сразу отдергивая пальцы.

И когда во взгляде Йанны промелькнуло саркастическое недоверие, двинулся вперед и неожиданно для самого себя сел рядом – точно между существами из Периметра. Охранники, действия человека, безусловно, замечая и фиксируя, продолжали оставаться неподвижными. Тогда Петрос деликатно положил левую ладонь на правое бедро арбалетчицы. Его мыслеформы приобрели такую остроту и силу, что легко пробивали джинсовую ткань штанов.

«Просьба осознать, – кротко попросил он, настороженно наблюдая за собеседницей, будто та не была привязана и в любой момент могла кинуться с кулаками. – Подозрения в предательстве некорректны. Неожиданность штурма. Отсутствие информации, каким образом члены жюри сумели вычислить ваше месторасположение».

Он транслировал искренне, от всей души, надеясь исповедаться перед тем, как обоих пустышечников уведут на церемонию награждения. Уклониться от общения Йанна, конечно, не могла. Но вместо того чтобы закрыться в себе, к его удивлению, она вдруг повернулась. Всем телом, насколько позволяли путы за спиной. Свои логосолитоны дикарка формулировала грубо, наполняя лишними деталями и вспышками эмоциональной нестабильности. Но в целом Петрос уловил:

«Действительно? Ты неприятное существо, вызывающее чувство гадливости! Вопросительная форма: как вышли охотники на наш след?»

«Отсутствие достоверной информации. – Все еще держа руку на теплом бедре пленницы, инженер потупился, ощутив новый приступ вины. – Оказывал всю посильную помощь. Высокая вероятность получения данных с камер наблюдения на строительном объекте. Сопоставление фактов. Логика и расчет».

Он понимал, что оправдывается. Ставит себя в унижительную и заведомо проигрышную позицию. Но поделать ничего не мог, желая излить наболевшее.

«Требую понимания: обладаю физическим неумением предать. Был искренен и честен».

«Освободи меня!»

«Отрицание! Противопоставление: предательство другого человека недопустимо априори. Моя помощь завершена. Испытываю жалость и желаю безболезненного усыпления. Прошу прощения».

Он рывком, поделив вдох на несколько нервных спазмов, втянул в легкие чистый воздух, наполненный тонкими запахами освежителя. И уже приготовился встать, как в сознание ударил новый импульс Йанны – несовершенный, но до краев наполненный эмоциями.

«Испытываю жалость к вашему виду. Испытываю безмерное удивление – как заурядный эксперимент был способен настолько вывернуть мозги человеческого рода?»

Выбитый из колеи, Петрос опустил обратно.

Охранники по-прежнему не проявляли к его действиям никакого интереса. А вот финальная ремарка Йанны вдруг показалась инженеру крайне важной. Настолько, что он был просто обязан объяснить пустышечнице всю глубину ее заблуждений. Даже если через несколько часов после этого скудный дух арбалетчицы угаснет навсегда.

«Обитатели Кольца действительно считают людей плодами эксперимента? – со всем возможным сочувствием и тактом поинтересовался он, наполняя сердце лаской и отеческим всепрощением. – Констатирую величайшее заблуждение...»

«Несуразность, глупость, ложь!» – яростно полыхнуло в ее логосе.

«Превосходство эмоциональной стабильности. Жалость к заблуждениям. Возможность поделиться достоверной информацией».

Петроса начинала опутывать серая тоска. Вероятно, он даже будет скучать по столь неразумным, но жизнелюбивым представителям вида Номо Vifaxis, человека двуличного, такого недалекого и противоречивого...

Покачивая головой, оператор принял решение. Даже если жизнь Йанны отныне равна считаным сотням минут, он откроет ей истину: возможно, подлинное знание позволит нелюдью смириться с уходом и не держать на него зла?

«Описание реальности, – протранслировал он, заметив, как впитывает его мнемослайд самочка, как широко распахиваются ее темно-серые глаза. – Настоящий эксперимент происходит за стенами Куполов. В месте, имеющем название Периметра. Несколько десятков периодов полного солнечного обращения ученые города поддерживают предчеловека, или пустышечника, в его естественной среде обитания. Внимательно изучают образ жизни своих предков в режиме реального времени».

Йанна пыталась возражать, но мужчина швырял логосоликоны так интенсивно и ярко, что она оторопела. Лишь заерзала, разминая за спиной затекающие руки.

«Город снабжает ваш вид продуктами и материалами. Особые механизмы ограничивают рост преступности. Специальные перинатальные программы контролируют рождаемость. Большие корпоративные отделы следят за гуманитарной обстановкой, предотвращая пищевой коллапс».

Скуднодухая замерла, впитывая с откровенным недоверием. Казалось, она сдерживает подступающее веселье, столь неуместное в ее положении.

Петрос, убедившись, что его понимают, продолжил дополнять мнемобраз:

«Для изучения негативных поведенческих механизмов город разработал ряд социальных программ. Одной из них является Лотерея Равновесия. Не более. С первых дней XXIII века все живущие на окружности Циферблата являются плодами крупнейшего эксперимента. Первые особи были выведены из доступного генетического материала. Дальнейший рост популяции стал результатом неконтролируемого размножения в условиях, приближенных к естественным для вашего вида».

В сознании Йанны блеснул клинок вопроса, который Петрос предпочел не расшифровывать, но трактовать по-своему. Он очень надеялся, что правда не обозлит арбалетчицу пуще прежнего – ему совсем не хотелось причинять ей лишнюю боль.

«Желание узнать мотивы? Корректно, готовлю ответ».

Мужчина собрался с мыслями, уже предвидя, каким ударом станет длямышленной пустышечницы горькая правда. Сформулировал, передал:

«Изучение видов. Воссоздание вымерших млекопитающих, предшествовавших эволюционному скачку человека. Сокровищница для ученых: социологов, биологов, археологов, историков, нейропсихологов. Уверенность: в случае получения возможности оживления питекантропа наиболее прогрессивные представители вашего вида пошли бы схожим путем. Богатейший научный материал. Наблюдение за естественным развитием и социальными особенностями проживания палеоантропов. Испытываю жалость. Испытываю необходимость проинформировать. Вывод: Циферблат – эксперимент ученых Новосибирска. С его подопытными город волен делать все необходимое. Прошу простить человечество за пренебрежительное и жестокое отношение к обитателям крупнейшего зоологического парка в мире».

Он снова глубоко вдохнул, на этот раз не столь судорожно и нервно.

Раскрыв душу перед Йанной, Петрос вдруг почувствовал немалое облегчение. С его плеч словно свалился камень, и он решил, что теперь образы арбалетчицы и Птицы-Цифры не станут вмешиваться в его феи, напоминая о вине и причиненных страданиях.

Бережно погладив скуднодухую по колену, мужчина поднялся на ноги.

И с сиюминутным удивлением обнаружил, что она, сверкая глазами и двигаясь с истинно животной грацией, встает следом. Осознать произошедшее Петрос не успел. Йанна вдруг рванула его за левое плечо, разворачивая лицом к охранникам и проскальзывая за спину. Крепко надавила предплечьем в кадык, точь-в-точь, как это было на кухне, где заложницей едва не стала Кристиния. В шею оператора уперлось что-то очень небольшое, острое и прохладное. К ногам, заставив невольно скосить взгляд, упал шарик кляпа.

Все произошло молниеносно.

Вот они сидят бок о бок, и он пытается проводить самку нелюдя в последний путь. А вот она уже заламывает ему руку, прижимается к лопаткам, дышит в затылок и надрезает кожу на шее чем-то смертельно опасным.

Охранники, среагировавшие с едва заметным опозданием, темными бесшумными тенями ринулись в разные стороны. Выхватили из-под пиджаков пистолеты, приближаясь к освободившейся пленнице с разных сторон, шагая медленно и не выпуская пустышечницу из прицелов. Несмотря на то, что внутренние силы обороны «Голиафа» были вооружены не огнестрельным, а всего лишь тазерным оружием, сердце Петроса ухнуло в желудок, отчего мужчину едва не стошнило.

И вдруг Йанна закричала. Не очень громко, но так злобно и повелительно, что чуть не свалила собственного заложника.

– Лежать, твари! – рявкнула арбалетчица. – Оружие на пол!

Удар по логосу был таким сильным и физически-ощутимым, что инженер скривился от боли. Он не понимал, о чем именно рычит самка. Но внутри вдруг набухло пузырем какое-то древнее знание, нечто сакральное и неизвестное до наступившей минуты, возрастом готовое сравниться с горным хребтом. Что-то первобытное, опасное, привлекательно жгучее.

Из позвоночника будто выдернули стержень, на котором держалось тело. Петрос обмяк, чудом не выскользнув из крепкой хватки, ноги подкосились.

Охранники тоже почувствовали. Их логосы вспыхнули в негодовании и боли, руки дрогнули, и уже через секунду оба рухнули ничком, покорно отбрасывая тазеры. Волна ненависти и всеокрушающей злобы, прозвучавшая в словах самки синантропа, оказалась такой сильной, что у оператора № 53 помутилось в голове.

Затем он почувствовал, что его отпустили.

Тут же рухнул на сиденье вокруг колонны, успев заметить хвостики обрезанных наручников. Едва не соскользнул на пол, в последний момент вцепившись в мягкий край. И увидел, как самка в черной куртке звериным прыжком оказалась возле ближайшего охранника.

Как подхватила тазер, с пронзительным жужжанием стреляя сначала в одного, а затем в другого человека. Как повернулась, сверкая глазами. И направилась прямо к Петросу, грозно покачивая оружием. В левой руке скуднодухой виднелся темно-фиолетовый треугольник крохотного, но бритвенно-отточенного пластикового ножа.

– Значит, парниковый, ты реально считаешь, что мы – результат эксперимента? – угрожающе щурясь растерянному водителю буровой колонны, прошептала она.

– Трансляция окончательно остановлена, зарубежные СМИ переведены в режим ожидания. Модуляция азиатского региона свернута на 99 %.

– Подключайте сеть внутреннего наблюдения.

– Ключевой объект не выходит из облачной зоны сильного эмоционального подавления. Техники обеспокоены. Вероятно, ожидания уникальности были завышены...

– Выводы будем делать после окончания процедуры. Вероятность аннигиляции продолжает расти?

– Да, Почитаемый, актуальная отметка на 91-м пункте.

– Прошу меня извинить, но об угасании активности сообщать преждевременно...

– Отчет на центральную панель.

– Будет исполнено! Отдел эмоциональных реакций настаивает, что наиболее точным определением зафиксированной ранее реакции является не всплеск либидо и влечение к особи противоположного пола, а потепление общего эмоционального фона по отношению к среде нынешнего местоположения.

– Симпатия к обитателям Террариума?

– Данные не подтверждены, но Младший Чувствующий рекомендует остановиться на его версии.

– Версия коррелирует с базами прогнозистов по протоколу «Ипсилон»?

- На 78 %, Почитаемый.
- Лимбическая система по-прежнему активна?
- Да, Почитаемый, обратные пиковые показатели на отметках Л. Вегетативные реакции в полях нормы, соматические – вне поля нормы... он близок к упадку, причиной которого стал ряд социальных открытий...
- Требую пояснений.
- Пометка в отчет: предположительный анализ, фиолетовый штрих. Отмечена активизация миндалевидного тела головного мозга. Прошу обратить внимание на височные доли объекта, в частности на ритмы амигдалы. Передняя поясная извилина и островок тоже принимают участие в формировании подавленной эмоции, но... Отдел нейрофизиологии подтверждает гипотезу: ключевой объект глубоко фрустрирован социальными открытиями, под воздействием стрессовых факторов уверовав в объективную несправедливость мироустройства. Это может привести к поступкам, которых мы...
- Полный отчет в общую базу данных.
- Отдел эмоциональных реакций на 67 % подтверждает гипотезу Младшего Видящего. Вероятно... уровень сопереживания за противоборствующий вид пересиливает чувства ущербности и жалости к себе, а также инстинкт самосохранения.
- Поправка отдела: Прощупывающими Чувства отмечено зеркальное несовпадение мотивов ключевого объекта с поступками/потребностями одновидового неучтенного фактора. Сигналы ее стриатума и дорсолатеральной префронтальной коры сообщают о высокой вероятности реализации силового сценария по восполнению недостающих социальных преимуществ перед враждебной средой.
- Очень интересно... Примитивные действительно способны к столь различным оценкам происходящего...
- Почитаемый? Установлена прямая связь с Забирающим Страхи.
- На центральный пульт.
- Будет исполнено. Полный отчет: рекомендации по высшему приоритету. Через 3,1 временной единицы откроется воздушный коридор для финальной активации протокола «Зерно». Одобрение инвесторов получено, руководство проектом рекомендует изъятие...

20

*«Лечению дальтонизма мы должны быть обязаны экспериментам над домашними кошками, неспособными отличить зеленый от красного. Немало полезной информации ученым также дало открытие, что за одни и те же эмоции у человека и *Félis silvestris ca'tus* отвечают одинаковые отделы головного мозга. Кроме того, нельзя забывать об умиротворяющем способе общения этих милых животных. И пусть их собственный язык еще тысячи лет будет находиться в зачаточном состоянии, они, как истинные социальные животные, легко обучаются воспринимать сотни оттенков человеческого тона, а также охотно вступают с человеком в диалог, пытаясь подключить вербальную составляющую к многозначительному языку своего тела».*

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Все произошло в мгновение ока.

Никогда прежде Погремушку не охватывало столь всеобъемлющее чувство, подобное

острому электрическому разряду. Мышцы, еще минуте назад пребывавшие в состоянии высушенных деревяшек, налились энергией и силой. Мозг заработал с утроенной скоростью, глаза подмечали каждую мелочь.

Только что егеря сама себе казалась безвольной куклой, совершающей действия машинально – просто для того, чтобы их совершать. Аккуратно, одну за другой, надрывала ногтем нитки на краю курточного рукава, в котором была вшита заточка. И вот уже могучий импульс подхватывает девушку, бросает вверх, заставляет сражаться. Без промедлений, сомнений или жалости...

Опустив тазер, Яна осмотрела две неподвижные туши, распростертые у ее ног.

Оргазмическая волна возбуждения схлынула, прокатившись по телу остаточной рябью дрожи. Чужое оружие в руке показалось тяжелым и громоздким. Покрепче перехватив крохотный тычковый нож кулачного хвата, девушка обернулась, делая шаг к оцепеневшему инженеру.

– Значит, парниковый, ты реально считаешь, что мы – результат эксперимента? – прошептала егеря.

Тот, похожий на зверька в свете ослепительных галогенных фар, вжался в седушку вокруг колонны, беззвучно разеваая пересохший рот. Нацелив на застекольщика треугольный клинок, будто тот мог поражать на расстоянии, Погремушка двинулась к нему, до конца не веря в успех контратаки на охранников.

Однако молчун, пораженный произошедшим не меньше ее самой, и не думал бежать. Сидел на прежнем месте, вжавшись в полую хромированную колонну. И всем своим бледным видом изображал готовность хлопнуться в обморок.

– Успокойся, сестренка, – услышала Яна в своей голове. Ленка, какой и запомнилась по детским годам, рассуждала мудро и взвешенно. Говорила с легкой хрипотцой в голосе, который уже никогда не прозвучит под земным небом. – Ты все сделала верно, молодец. Но теперь главное – взять себя в руки и не наделать ошибок.

Ленка, бесспорно, права. Погремушка и без оценок сестры ощущала гордость от собственной смелости и решительности. Но что делать дальше, пока не представляла даже примерно.

Ей повезло, это невозможно отрицать. Однако, кроме везения, успех нападения крылся там, где чудовищные в безграничной отстраненности выродки недооценивали настоящего человека. И этим нужно пользоваться дальше. Высокомерные, убежденные в своем превосходстве, вооруженные и оснащенные по последнему слову застекольной техники, ловчие Лотереи даже не подумали элементарно ощупать егеря, пропустив вшитый под кожу рукава пластиковый нож.

Впрочем, даже при совпадении столь удачных факторов на схватку решился бы далеко не любой. Вон, тот же Сорока, например... Обмяк неподвижно, словно не заметив скоротечного боя, и выглядит существом, собравшимся проститься с жизнью. А она смогла.

– Теперь важно закрепить успех, – наставительно произнесла Ленка. И от того, что очевидные вещи были продуманы/проговорены не ее собственным голосом, а бессмертным образом сестры, Погремушке, как обычно, стало спокойнее и легче. – Резервный план, верно? Какое-то время нас не хватятся, это факт. Нет застекольщикам резона сюда возвращаться, пока все не будет готово к шабашу, который они величают награждением. Так что выдохни, соберись и подумай.

Яна опустила руки, дыхательной гимнастикой очищая сознание и приводя мысли в порядок. Шум потасовки действительно был минимален: тазеры парниковых работали на низких частотах, едва ли слышных даже в коридоре. Значит, некая фора по времени у нее есть. Вопрос только – что делать с двумя слабохарактерными обмылками, навязанными ей в компанию жестокосердной судьбой?

Петр, не сводящий взгляда с клинка в ее кулаке, выглядел все хуже. Да уж, угораздило трудолюбивого муравьишку ввязаться в приключение, откуда могут вынести ногами вперед. Однако жалости, ее неотступной спутницы во время посещения квартиры инженера, Яна

больше не испытывала. Ни граммулечки.

Сорока, так и не осознавший, что случилось, настораживал Погремушку куда сильнее. Апатично осмотрел комнату через плечо, оценив парализованных охранников так, будто те были всего лишь элементами дизайна. И снова уставился на собственные колени, даже не изменив позы. На бородке под кляпом блестела слюна. Неужто окончательно скис, признав поражение?

Егерь оказалась напротив незадачливого получателя «морковки». Выдернула из его зубов серый шарик. В последнюю секунду догадавшись вынуть из кулака клинок, врезала парнишке пару сочных, но почти безболезненных затрещин. И прищурилась, когда голова «победителя» поднялась, а в глазах прорезались недопонимание и ребяческая обида.

– За что? – капризно спросил Сорока, морщась в ожидании новой пощечины.

– За то, что передумал бороться, – прошипела Яна, хватая его за растительность на подбородке и не позволяя отвести взгляд. – Может, передумал насчет Лотереи? Может, бросить тебя и не разрезать браслет? Я винить не стану, и не такие ломались. Но хочу услышать решение. Осмысленное.

Несколько секунд Сорока изучал ее, глядя снизу вверх, казавшись человеком, припоминающим сон. Покосился на бесформенную статую Петра слева от себя. По-новому посмотрел на охранников, лишенных сознания. Нахмурился. Закусил бескровную губу.

И вдруг его внимание соскользнуло внутрь, позволив матовой пелене замутить взор. Яна, вздрогнув, чуть не разжала хватку – паренек определенно ушел в себя, неожиданно и весьма наглядно.

Уже была готова в третий раз хлопнуть его по скуле, но тут Сорока мотнул головой, вырываясь из ее холодных пальцев. Внутренний диалог, занявший считанные секунды, что-то изменил во взгляде пленника, и теперь тот стал куда более живым.

– Перестань меня лупить, – гораздо четче и осмысленнее произнес он, пошевелив руками. – И срежь эти проклятые веревки!

Облегчение, накрывшее Погремушку, было таким желанным, что девушка едва не расплакалась. Конечно, Сорока – «победитель». Конечно, после того, что зверье из Пробирок сделало с Ленкой, егерь не смогла запросто бросить невинную жертву в мрачных катакомбах мертвого метро. Но если бы парень продолжал играть роль овоща, она оставила бы его прикованным к колонне. Потому что слишком многое стояло на кону, и Яна хорошо понимала всю недопустимость балласта. Да... даже если бы чувство вины преследовало ее всю оставшуюся жизнь, сколь бы длительной та ни оказалась, она бы бросила Сороку умирать.

Навалившись на парнишку так, что почувствовала кислое чужое дыхание, егерь дотянулась до скованных запястий. Чиркнула по пластиковому браслету Т-образной заточкой. Сорока неуверенно встал, пошатываясь и растирая кисти, а его освободительница уже начинала набрасывать план отступления.

– Возьми второй тазер, – распорядилась она, качнув стволом в сторону отключенных нелюдей. – И вообще выпотроши одежду, что там у них полезного может найтись? Электронные пропуска, средства связи или запасные батареи к парализаторам...

Сорока сделал пробный шаг. Пару раз присел, разминая затекшие мышцы и болезненно морщась. Покрутил поясницей и уже чуть увереннее направился к неподвижным мордovorотам. Склонился над ближайшим, выворачивая карманы пиджака. Наблюдая за его движениями, Яна взмолилась, чтобы возросшая активность освобожденного не оказалась финальным адреналиновым взрывом, после которого наступит полная вялость и безволие...

Проверив уровень заряда в обойме тазера, Погремушка взглянула на Петра.

Теперь, когда очнувшийся «победитель» Лотереи готов хотя бы недолго играть на ее стороне, оставалось решить, что делать с бледным обитателем Заповедника. Безобидным, по сути, существом, в жесткой экосистеме «стекляшек» занимающим далеко не самые верхние позиции. Вполне возможно, действительно не предававшим их и даже собиравшимся искренне помочь. Но таким несчастным в своих заблуждениях и ложных знаниях...

– Брось его, – безжалостно посоветовала Ленка. – Он свое дело сделал: из подземки тебя вытащил, в город доставил. Его это заслуга или нет, но ты во Второй Теплице, а это уже половина пути, Погря. Поэтому брось выродка тут, и...

Яна не успела дослушать собственный мысленный совет, отдаваемый голосом давно ушедшей сестры. Защелкали пневмопоршни, входной пульт приветливо мигнул изумрудным огоньком, а белоснежные створки принялись неумолимо расплзаться с приятным шипением. Погремушка рванулась ко входу, напрочь забыв про Петра и его нелегкую судьбу.

Очутилась слева от дверей за мгновение до того, как проход окончательно открылся. Подняла тазер, с ужасом наблюдая, как запоздало спохватившийся Сорока не успевает ускользнуть за колонну, к которой недавно были прикованы двое людей. Втянула смутно знакомый запах парфюма.

Один из корпатрициантов, два часа назад ворвавшихся в квартиру инженера, неспешно вошел в комнату. Успевший принять душ и переодеться в чистый бежево-молочный комбинезон. Погруженный в усталые размышления, опасность выродок почувствовал уже внутри помещения. Замер, машинально отстраняясь, когда в правый висок уперся ствол парализатора, и шумно сглотнул.

Все произошло быстро, но при этом словно с разделением на отдельные фазы. Будто секунды порубили на кругляши самостоятельных временных фрагментов, каждый из которых раздув до объемов театрального акта.

Едва почувствовав прикосновение оружия и тут же высчитав приблизительную дистанцию до объекта угрозы, молчун рванулся вниз и влево. Закрутился, пытаясь выбить тазер ребром ладони. Двигался стремительно, как подобает настоящему ловчему. Но недостаточно стремительно...

Погремушка ушла ему за спину, рванув за плечо так, чтобы драку не было заметно из пустого коридора. Едва не повалила, но нелюдь удержался, изворачиваясь. Двери еще не успели окончательно сомкнуться, а егерь уже била застекольщика рукоятью пистолета в ключицу. Увернулась от встречных ударов, оставаясь за спиной противника. А затем набросилась вплотную, беря в захват и плотно прижимая тазер к обнаженной шее.

Щелкнула предохранителем, уже собираясь выпустить импульс на волю, но тут охотник обмяк, признавая поражение.

– Шевельнешься, выстрелю! – прошипела Погремушка, косясь на закрытую дверь. И нисколько не сомневаясь, что смысл произнесенной угрозы был понятен плененному корпатрицианту. – Импульс на тазере выставлен максимальный. Это, гаденыш, тебя не прикончит, но мозги поджарит знатно...

Нелюдь – на удачу тот самый, что стреножил ее, ввалившись в окно кухни, – аккуратно кивнул. Позволил перехватить себя поудобнее, сорвать с пояса пластиковые браслеты и сковать запястья за спиной. Сильно ухватив его за кисти и управляя, словно ростовой куклой, Яна повела ловчего вглубь комнаты.

Сорока, дрожащими руками сжимая неготовый к бою тазер, осторожно показался из-за колонны. Только сейчас, оценив его растерянность, егерь предположила, что пользы от «победителя» может оказаться куда меньше, чем мороки...

«Ты ведь не станешь дергаться и совершать ошибки?» – сконцентрировавшись, отправила Погремушка пленнику, для пущего эффекта ткнув стволом промеж лопаток.

Притянула поближе, готовая прошептать вопрос на ухо. С одной стороны, хотелось еще раз проверить неожиданный речевой эффект, произведенный на парниковых. С другой стороны – она просто хотела доставить выродку боль. Но тот ее палаческие настроения уловил, поспешив уверить:

«Спокойствие. Подчинение. Контроль, – донесся до Яны бледный мыслеобраз, подтвержденный новым кивком. – Стрельба излишня».

Погремушка, не отрывая тазер от спины застекольщика, свободной рукой быстро пробежалась по его телу, не обнаружив ни скрытого оружия, ни электроники. Железные

мышцы хищника рельефно проступали сквозь новехонький костюм, и этот факт девушка отбросила не без труда.

«Ты один?» – протранслировала она, постаравшись добавить в вопрос угрозу и принуждение к честности.

«Корректно».

«Зачем вернулся?»

«Приказ старшего, – ответил лютый зверь из Девяти Куполов, и в тот же момент егеря узнала его имя и род занятий. – Я еще не прошел осмотр и вакцинацию. Инженера приказано доставить в Обсидиановый Шпиль. Для помещения в карантин. И беседы. Уточнение: допроса. За вами скоро придут из медицинского отдела».

«Ясно», – отрезала Погремушка, мысленно приказывая Леониду заткнуться. И добавила уже вслух, негромко, но грозно, переводя взгляд на Сороку: – А ты, неужто обыск закончил?!

Тот, застыв за выдвижной колонной, во все глаза рассматривал плененного корпатрицианта, все еще целясь в дверь из заблокированного парализатора. Услышав окрик, вздрогнул. Торопливо закивал.

На молчуна со связанными руками заданный вопрос эффект тоже произвел – он зажмурился, как это сделала бы сама Яна, случись теплотрассной белке заверещать ей прямо в ухо. Продолжая прикрываться заложником, словно щитом, девушка обошла комнату, размышляя вслух и игнорируя протестные логосолитоны Лео.

– Надо уходить, – понимая, что проговаривает очевидное, пробормотала она. Но разрушить ступор Сороки этим все же смогла, вызвав заинтересованность во взгляде. – Двигаться будем быстро, так что готовься. И вещи собери... Мои тоже, да аккуратнее там... Я поведу пленника, поможет нам своей тушкой...

Неуверенно покосившись на нее, парень направился к столам в углу. Принялся бесцельно перебирать амуницию и оружие, разложенные вокруг двух рюкзаков и арбалета. Для того, чтобы разгадать сомнения «победителя», не нужно было уметь читать дистанционные мыслеформы.

– А куда... куда мы будем быстро двигаться? – спросил Сорока, оглядываясь через плечо. Казалось, он только сейчас осознал, что освобождение от гибких браслетов еще не означает его полноценного спасения от Лотереи Равновесия и связанных с ней церемоний. – У тебя есть план?..

– Был! – Погремушка невольно усмехнулась, стараясь подавить обиду и злость. Встряхнула Леонида, чуть не вывихнув тому кисть. – Ублюдок, что командовал этими болванчиками, смог меня расколоть... Там, в машине, сразу после штурма. Но теперь, когда у нас тут целый зверинец парниковых, а вирус пропал... уже не уверена, что смогу уничтожить базу данных Игры, как это было задумано...

Брови Сороки поползли на лоб.

Он окончательно забыл, что ему приказали делать. Развернулся лицом в комнату, навалившись бедром на стол и со скрипом сдвинув его с места. Воззрился на егеря с недоверием, обожанием и скрытым страхом. Отягощенная столь чумовым коктейлем, у парнишки начала отвисать нижняя челюсть.

– Уничтожить базы Лотереи?! – просипел он. – Так ты... ты из Круга Противодействия?!

– Сорока, малыш... – Яна поморщилась, одновременно польщенная и недовольная такими проявлениями внимания. – У меня на руке висит выродок сто килограммов весом. Еще двое грозят с минуты на минуту проснуться на полу, сечешь? Давай-ка продолжим сборы, хорошо?

– Конечно, – спохватился тот, снова поворачиваясь к столу. Начал вяло перебирать вещи, довольно бессмысленно тасуя их между собой и не спеша укладывая по сумкам. – Нужно уходить, конечно...

– Понесешь оба рюкзака, – добавила Погремушка, пряча тазер за отворот куртки и

подхватывая верный «Наган». – Спину будешь прикрывать. Справишься?

Сорока кивнул. Не очень уверенно, но кивнул.

И вдруг заметил коробочки с взрывчаткой, лежащие на дне егерского рюкзака. Прострация его длилась секунд десять. После чего он шмыгнул носом, бодро записывая в армированное нутро заплечника связку веревок. Затем вдруг переключился на собственный вещмешок, с интересом разглядывая саморазогревающиеся пайки, наворованные на рынке.

Погремушка отошла от верстака, волоча за собой пленного.

Она хотела накричать на Сороку, подгоняя его действовать быстрее, но понимала, что этим только усугубит ситуацию. Потому стиснула зубы и снова уставилась на Петра, понуро наблюдавшего за людьми. Хотела что-то спросить, но тут в сознание ворвался осторожный, но весьма насмешливый образ, переданный Леонидом.

«Вы действительно уверены, что сможете покинуть здание? – Парниковый пульсировал логосолитонами осторожно, чтобы не нарваться на агрессию егеря. Но и сейчас Яна улавливала чувство высокомерного превосходства, которым были полны мыслеформы молчуна. – Вам не выйти даже из данного блока. Рекомендую вступление в переговоры...»

– Заткнись, сучонок! – глухо прорычала Погремушка, заставив Петра и Сороку испуганно покоситься в свою сторону. – Забыл, что я могу сделать с твоими мозгами?»

«Удивление. – Плечи Бродова опасно напряглись, но мысли текли довольно развязно и бесстрашно. Яркие, вкрадчивые, объемные. – Как вы вообще научились пользоваться нашим оружием?.. Наблюдаю, что циферблатчики еще примитивнее, чем об этом сообщает пропаганда Откалиброванного Баланса. Весь твой план присущ существу, застрявшему в эволюционном тупике порока, лжи и неискренности, характерных для обладателя двуличных фонетических конструкций...»

«Примитивнее?! – Яна не могла видеть собственные мыслеформы, но была уверена, что сейчас те взрываются багрово-лавовыми всплесками, разбрызгивая жидкий металл женского гнева по хрупкому сознанию нелюдя. – Да когда ж, наконец, вы, тупые жвачные, поймете, что все не так?!»

Она шумно и часто задышала. Выведенная из себя, готовая нажать на спусковой крючок. Однако тяжесть револьвера в руке напомнила, что теперь собеседники имеют дело с боевым оружием и любая вспышка ярости может закончиться фатально...

Погремушка поиграла желваками, призывая себя думать, что всего лишь продолжает невинный спор с Петром. И вдруг вывалила на Леонида ослепительный клубок, в котором ценная информация с трудом пробивалась через наслоения лютого негодования.

«Знаешь, умник, открою-ка тебе тайну. Вынудили вы меня, прямо выморозили, пуще не бывает! Чую, вы тут под Куполами действительно верите, что Циферблат – результат вашего уникального эксперимента по наблюдению за животными? Так вот, дерьмо собачье, это большая ошибка».

Петр, сидящий напротив обоих на прежнем месте, заинтересованно поднял голову. Вероятно, улавливал остаточные всплески, на девушку и ее пленника уставившись с недоверчивым любопытством.

«Настоящий эксперимент – это вы! – словно кнутом, щелкнула своими мыслями Погремушка, надеясь, что те причинят молчуну настоящую боль. – Любой ребенок Циферблата знает: в конце XXI века началась большая война. Вялотекущая, но с последствиями, невозполнимыми для экологии, атмосферы и цивилизации, каковой ее помнит человек. Агломерации, в которые превратились крупные города России и всего мира, были укреплены еще сильнее, став крепостями... Часть из них попала под Конвенцию Неприкосновенности, если внутри не находилось ни оружия массового поражения, ни оборонных мощностей».

Она ослабила хватку, вдруг осознав, что вдавливая ствол нагана в спину Лео с такой силой, что у самой заболела рука.

«Новосибирск в Конвенцию тоже внесли. И тогда в нем решились на эксперимент по выведению породы людей, устойчивых к радиации, токсинам, ядам и прочей отраве, которой

на планете стало слишком много».

Яна чувствовала, как логос Бродова наполняется удивлением и напористым отрицанием. Краем глаза видела, как до смешного вытягивается чумазое лицо оператора буровой колонны. Но уже не могла остановиться, вываливая на ненавистных нелюдей все, что знала с детства.

«Над городом построили Купола. Изолировали первых «сверхлюдей» от кольца нормального города, где жили ученые, наблюдавшие за ходом эксперимента. – Леонид вздрогнул, доставляя егерю немалое удовольствие. – Но война продолжалась, причем не один десяток лет. В итоге военные стали бомбить даже тех, кто подписал Конвенцию. Циферблату досталось. Мир вокруг мегаполисов обратился в Голь – выжженную пустыню с отравленным воздухом. Эксперимент официально свернулся. Но и не подумал закрыться, продолжая катиться на самотеке».

Погремушка облизнула пересохшие губы, заметив, что Сорока смотрит прямо на нее, словно научившись у застекольщиков читать мысли. Рюкзаков балбес так и не собрал, отвлеченный волной мыслеформ девушки – спрессованным комом информации, ударившей по всем существам в комнате.

«Мутация – лучший друг человеческой расы – позволила нам выжить и заново заселить руины Циферблата. – Яна продолжала вливать в пленника собственный логосолитон – ажурный и многослойный, порожденный жаждой мести и чувством обостренной справедливости. – И что же мы нашли внутри, умник? Вас. Чуждых. Странных. Забавных поначалу... Вместо того чтобы приспособиться к новым условиям проживания, вы стали иными. Ушли по пути развития сенсорно-тактильного восприятия, или как вы там его называете? Перестали быть людьми».

Петр медленно покачал головой, решительно отрицая воспринятое от чужачки.

Леонид окаменел, будто все мускулистое тело свело судорогой.

Сорока чуть не уронил запасную обойму к пистолету, что бездумно вертел в пальцах.

«Сначала парниковых хотели уничтожить, – не без злорадства признала Погремушка. – Ворваться в Инкубаторы, все отобрать, а вас посадить в клетки. А потом умные люди поняли, что вы и так в клетках. И тогда вас стали доить, как доят коров. Собирать постоянную дань в виде материалов, продуктов или медикаментов. Конечно, вам об этом знать было не положено. И тогда отцы Циферблата придумали способы взаимодействия, систему утилизации отходов, механизмы закупок на ваших фабриках. И Лотерею. Подкинули вам идейку, чтобы внушить ложное чувство свободы и своеволия. И что же обнаружилось? Несмотря на то, что многое человеческое застекольщикам стало чуждо, пострелять в себе подобных вы не отказались! Говоришь, избавились от преступлений или научились молниеносно пресекать? Сублимировали жажду крови спортивной охотой? Хрена лысого вы чему-то научились! Потеряв все ценное, чем был силен человек, вы оставили себе его пороки и недостатки, превратившись в диких зверей... Так что новость, умник, состоит вот в чем: вы все – отбросы эксперимента. Неудачного, тухлого, выдавшего совершенно неожиданный эффект, как открытие динамита».

Яна выдохнула, словно проговорила все это вслух. Причем перед огромной аудиторией на тысячи человек. Да еще после шумного банкета. У егеря кружилась голова, но облегчение от выплеснутой правды казалось значительно важнее усталости или эмоционального перенапряжения.

Сорока со стуком положил обойму на стол, с грустью взглянув на собственные ботинки – ему все-таки передалось царящее в помещении настроение. Петр, все еще мотая головой из стороны в сторону, потер лицо ладонями. Леонид же, тяжело вздохнув, попытался робко возразить.

«Высказаны глупые и неаргументированные инсинуации. Ошибочно. Заблуждения. Нелепость. – Он попытался развернуться, чтобы взглянуть Яне в глаза. Но та не позволила, грубо одернув ловчего. – Общество конца XXI века предельно осмысленно отказалось от живой речи. Повсеместная компьютеризация была тому прямым подтверждением. Люди

начали все чаще общаться исключительно в текстовом режиме, с помощью социальных сетей и повседневных электронных устройств. Затем начались поиски более быстрой, нелживой и достоверной способности передачи информации – так родились мы, новые люди. Это столь же естественно, как отказ от палки в пользу лопаты или от волокуши в пользу колеса!»

Поражаясь глупости молчуна, Погремушка тряхнула Лео, снова выкрутив ему кисть. Девушке совсем не хотелось спорить с заложником, а состоявшееся откровение теперь представлялось ей неочевидным и неуместным.

– Завали свое ментальное хлебало, – прошептала она, предупредительно постучав стволом револьвера по спине нелюдя. – И будь послушным мальчиком, договорились? Услышу хоть одну мыслеформу, сделаю очень больно...

Леонид осознал, хоть ругательства и причинили ущерб его логосу. Покорно опустил голову, всем видом давая понять, что готов подчиняться требованиям дикарей.

– Чего застыл?! – рявкнула Яна на Сороку, в очередной раз вырывая парня из ступора. – Быстро собирай шмотки, нам пора сваливать!

21

«Однако в научной среде существует предположение, что страусы, зародившиеся на нашей планете более 12 миллионов лет назад, но, увы, не дожившие до наших дней, выживали не благодаря, а словно бы вопреки сплочению в полноценное общество. До последних лет своего существования эти птицы полагались не на интеллект, но на инстинкты, обманные маневры и коллективные стратегии по использованию напарников при отвлечении хищника, особенности среды обитания, а также поразительные физические показатели. В связи с этим наиболее интересным представляется детальное сравнение этого семейства с другими представителями класса теплокровных яйцекладущих, демонстрирующих зачатки интеллекта и совершенствование собственного языка».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Дурная баба эта Погремушка, право слово – дурная.

Хоть и красивая. Да еще и решительная в довесок. Но с такой бы Сорокин и за тридцать лет не совладал. А значит, и мечтать нечего. Да и балдеть от нее тоже нужно прекращать. Такая ведь даже в сексуальных фантазиях может чудного выкинуть, потом забыть не сумеешь...

– Жизнь-то она тебе, дурачине, спасла, – негромко напомнил батя, не спеша делать выводы. Будто за спиной стоял, задумчиво в зубах ковыряясь. – Дважды, если забыл.

Точно так, дважды.

Даже когда сам Павел, уже смирившись, окончательно поверил, что теперь им конец. Полный. Нет же, не сидится ей, а энергией изнутри хлещет – хоть многоквартирный дом освещай. Нашла же где-то заточку, словно в самом укромном женском кармане прятала. Освободиться сумела. Мордоворотов этих, на медведей сказочных похожих, вырубил, глазом не моргнув. Теперь-то, конечно, многое становилось понятнее: в Противодействие, верно, других и не набирали. Но как же она Сороку перепугала!

– Скажи спасибо, дурень, что подыхать не бросила, – снова вмешался отец с неприятной ленцой. – Сам-то, я смотрю, скис да скурвился. Лапки хладные протянул и пули

ждал милосердной, верно? А вместо того, чтобы поблагодарить, вдруг пугаться начал...

– Успею спасибо сказать, – мысленно огрызнулся бывший продавец Сливоносого, словно бы из другой вселенной наблюдая, как ловко егерь удерживает нового заложника, не давая тому ни шелохнуться, ни выбросить логосолитон. – Понять бы только, что дальше делать...

– Слушаться, тугодум ты эдакий!

Голос отца стал громче – точь-в-точь как несколько минут назад, когда он убеждал сына не прекращать борьбу и следовать за девкой. Интересно, а если бы Сорока не вышел из транса, бросила бы его тут? Наверное, да. Но верить в это было так неприятно...

– Ее план стократ лучше твоего, которого и в природе-то нет. Так что хватит столбом стоять! Вещи в кучу и за ней. Спину прикрывать будешь, как егерь велела, да по сторонам глазеть.

Прикрывать спину...

Революционерка эта, поди, считает, что Павел Сорокин – прирожденный боец специального назначения отрядов Местной Самообороны, не иначе. Интересно, заметила, что он тазер даже с предохранителя снять забыл? Нет, пожалуй, иначе бы нарычала уже...

Вещи, разложенные по столу, никак не хотели собираться в кучу. А если в рюкзак и лезли, то только для того, чтобы выпирать и мешать другим вещам. Приказав себе сосредоточиться, Сорока начал все заново. И почти сразу определил, что вещмешки получаются весьма увесистыми. Особенно для его растраченных с утра сил.

Застегнув молнии, попробовал натянуть на плечи сразу оба рюкзака.

Не вышло. Надеясь, что Яна все еще не наблюдает, предпринял еще одну попытку. Почти уронил собственный, но вовремя подхватил. Примерил тот, что полегче, на живот, но от такого ношения лямки тут же врезались в подмышки, мешая рукам.

От бессилия Павел чуть не расплакался. Впереди предстоял спасительный рывок по этажам гигантского здания, бегство в подземелье, откуда до Циферблата очередными темными тоннелями. А он припасы собрать не может, будто ребенок или инвалид...

Боковым зрением Сорока заметил силуэт. Ну не иначе, как егерь решила сама все сделать, устав ждать кулему-спутника. Но к столу, как выяснилось, подошел Петр. Инженер, выглядевший осунувшимся и больным, двигался медленно, чтобы случайно не напугать человека. Поднял обе руки, пластмассово улыбаясь. Получилось у него это, нужно сказать, достойно лучшего из манекенов.

С недоумением уставившись на молчуна, Павел нахмурился. А тот вдруг зажестикублировал, указывая то на рюкзаки, то на Сороку, то на собственную спину. Терпеливо, раз за разом пытаясь что-то донести до «победителя» Лотереи, но избегая прикосновений.

– Помочь, что ли, удумал? – недовольно переспросил хозяин «морковки», заставив Петра выпучить глаза и задуматься. А когда тот закивал, обрадовавшись догадливости Сорокина, парень угрюмо кивнул на Яну. – Вон, командира спрашивай, теперь она тут направляет...

Погремушка, прислушавшись к парню, приблизилась. Оценивающе осмотрела оператора, заплечные ноши, лежащие на столе тазер и «Рогалев». Петр, умоляюще сложив руки перед собой, всем своим видом выражал готовность помогать. Вину за штурм искупить хотел, как пить дать.

– Пусть тащит, – наконец решила Яна, вздернув острый подбородок. – Еще один заложник не помешает. А у тебя руки свободные будут...

– Заложник? – удивился Сорока, не очень довольный произошедшими в егере переменами. – Погремушка, ты чего, какой из него заложник? Да с него самого небось три шкуры спустить собрались за то, что нам помогал... Думаешь, они в соучастники победителя Лотереи только циферблатных записывают? Это ж звери, никому пощады не дадут.

На это девка ничего не ответила. Только посмотрела злобно, и Павел вдруг решил, что друзей у нее в жизни очень мало. Если таковые вообще есть.

Затем Яна мотнула головой – собирайтесь, мол, – и потолкала заложника к двери, все еще целясь в его спину из допотопного револьвера. Петр же, догадавшись, что его берут с собой, приободрился. Даже румянец на щеках заиграл. Сразу видно было: не по душе застекольщику местные допросы.

Рано или поздно его, конечно, схватят. Не в Периметр же его с собой уводить да в подвалах прятать? Но пусть лучше расскажет потом, что его силой принудили, чем объясняет, как это корпатрициант в плен попал, а трудяга-инженер этому воспрепятствовать не смог.

Засунув пистолет за пояс, а в правую руку взяв парализатор, Сорока повернулся к дверям. И ноги тут же чуть не отказали. Ватными стали, желеистыми и непослушными. Мелькнула опять мысль гадкая, даже отцом не перехваченная, что бросить все пора – не век этой веревочке виться, совсем не век...

Ну, допустим, прорвутся они из этой комнаты.

Ну, допустим, путь вниз найдут.

Может, даже в подвалы спустятся. Так ведь за ними теперь не пятерых охотников пошлют – целую армию бросят, за такое пощады не видать! Неужели теперь одна надежда – на мертвую Голь? Интересно, Погремушка так же рассуждает? Пойдет со спутником своим невольным в гиблые земли? Или особый план имеет, его не посвящая?

Инженер, похожий на послушного выючного ослика, стоял слева от входа. Неподвижные тела охранников обошел по дуге, будто боялся не то что прикоснуться к парализованным, даже приближаться. Яна и ее живой щит тоже подступили к створкам.

Егерь спрятала оружие в кобуру – она все еще болталась на бедре, за ненадобностью оставленная нелюдьми, – снова угрожая корпатрицианту хищноствольным тазером. Подчиняясь молчаливому приказу Погремушки, пленник протянул руку, открывая замок то ли при помощи вживленного под кожу электронного ключа, то ли через дактилоскопический сканер. И, не успев Сорока набрать в легкие побольше воздуха, вся процессия выкатилась в коридор, такой же безупречно-стерильный, как покинутая комната.

– Куда дальше?

Павел услышал собственный голос со стороны, жалкий и неуверенный. Прокашлялся, коря себя за слабость, но Яна, казалось, даже не заметила вопроса. Прислушиваясь к мыслеформам связанного молчуна, качнулась сначала вправо, а затем резко потащила того влево. Петр, зачем-то пригибаясь и опустив голову, засеменил следом. Сорока, как и было велено раньше, прикрывал спины...

После шумных приветствий, которыми ловчих встречали с момента прибытия в комплекс, холлы и переходы казались вымершими. Сквозь стеклянные стены виднелись силуэты местных обитателей, но навстречу не выскочили ни перепуганные ученые, ни вооруженный патруль.

Воодушевившись, парень прибавил ходу. Пульс участился, в ушах застучало, сознание завертело в карамельно-розовой спирали возбуждения и страха.

Миновали перекресток, заметив в одном из коридоров трех нелюдей в белоснежных халатах. Незамеченными свернули еще раз налево, после чего скатились по короткому эскалатору, предназначенному для транспортировки грузовых тележек. Подошвы пыльных ботинок противно скрипели по идеально отмытому полу, в котором отражались их угловатые фигуры. Пахло до тошноты приятно, обманчиво свежо, предательски благодушно.

Из лифта в дальнем конце прямоугольного холла навстречу показались двое застекольщиков. Судя по форме – местные сотрудники, вероятно врачи. Не сразу сообразив, что именно предстало перед их взорами, они оцепенело наблюдали за приближением Погремушки и ее безвольного заслона. И вдруг рухнули на пол, почти лишаясь чувств, едва егерь выпалила – громко, четко и командно, как на плацу:

– Лежать, ублюдки! Кто шевельнется, башку снесу!

Ученые упали на животы, закрывая головы руками.

Дрогнули ноги и у Петра, это Сорока успел заметить. А затем Яна втокнула

корпатрицианта в открытую скорлупу лифта, и Павел был вынужден ускорить шаг. Ввалился, едва не сбив оператора с ног. А затем девушка отшвырнула пленника в угол, не позволяя поднять головы, и освободившейся рукой заколдовала над пультом управления.

Кабина дрогнула, сдвинулась с места.

За одной из ее хрустальных перегородок открылся потрясающей красоты атриум, в центре которого бил каскадный фонтан, обрамленный зеленью и кольцами уютных скамеек. Отдыхавшие на них парниковые сначала ничего не заподозрили. Но затем кто-то взглянул-таки вверх, лица молчунов начали бледнеть, и через секунду на людей и их заложников пялилось не меньше дюжины сотрудников комплекса-гиганта.

Сорока замер, словно неподвижность могла скрыть его от лишних взглядов. Услышал, как забористо сыплет шепотливой руганью Погремушка. Заметил, как прячется за их спины Петр. И только корпатрициант, горделивый и надменный, несмотря на скованные руки и общую беспомощность, продолжал держаться с негибимым превосходством.

Нелюди на дне и кольцевых террасах атриума стали сбиваться в кучки. Взявшись за руки, они спешно обменивались информацией, проявляя все больше нервозности. Перед многими в воздухе повисли голографические клавиатуры, на которых те со скоростью ткацкого станка принялись набирать экстренные текстовые сообщения.

Сорока прикусил губу, почувствовав теплый соленый вкус.

И только сейчас заметил, что лифт вовсе не опускается...

– Егерь? – выдавил парень, в ужасе оборачиваясь к Яне. – Куда ты нас тащишь?..

– Наверх, – отрезала она, глядя на столпившихся под кабиной застекольщиков так, будто собиралась перестрелять одного за другим. – Обычное бегство ничего не даст. Затравят, выродки, и в метро спуститься не успеешь...

– Но ты же сама сказала, что план накрылся! – Павел понимал, что выглядит сейчас не лучшим образом. Да и голос на фальцет срывался... но поделать ничего не мог. – Тебя же вычислили, раскрыли! Нужно вниз! Убегать...

– Да помолчи ты! – Погремушка поморщилась, словно ей тоже стала противна обыкновенная человеческая речь. – Хочешь отдельно, забирай свою сумку и вперед. Я держать не стану...

– Нет-нет. – Сорока замотал головой. Представив себя посреди неохватных переходов этого великанского лабиринта, он вдруг перепугался сильнее, чем во время охоты на рынке. – Но что ты собираешься делать наверху?

Спрашивал, не особенно рассчитывая на ответ. Но егерь, отодвинув заложника так, чтобы ненароком не коснуться его обнаженных запястий или шеи, вдруг ответила, подмигивая лихо и бесшабашно:

– Взрывать, конечно же.

Она улыбнулась, напоследок осмотрев встревоженных парниковых снаружи – лифт одним плавным рывком втиснулся в непрозрачную трубу, отрезав от взглядов уютный зеленый атриум и его обитателей.

– Видал брикеты в моем рюкзаке? Ох зря эти жопотрахи посчитали нас живыми трупами, ох зря...

– Но как мы сумеем? – Павел все еще не верил в безрассудство спутницы. Лифт начинал замедляться, а он все лепетал и лепетал: – Сейчас объявят тревогу... Пошлют войска... Мы обречены... Ты даже не сможешь добраться до штаба...

– О, не беспокойся! – рубанула, словно собиралась словами нашинковать воздух на ломти, Погремушка. Подтащила заложника к двери, лбом упирая того в щель между створками. – Я намерена кое-что предпринять на этот счет. Кое-что, что не позволит обитателям «Голиафа» заскучать.

– Не позволит заскучать? – Сорока обреченно наблюдал, как на красочной голографической панели лифта загорается номер самого верхнего этажа. Еще секунда, и дверь расползется, отправив их всех на встречу с судьбой. – Что это значит?

– Слышал музыку в коридорах комплекса? – вопросом на вопрос ответила Яна, пошире

расставляя ноги и укладывая взведенный тазер на плечо корпатрицианта.

«Победитель» Лотереи не ответил. Конечно, он слышал, их же битый час таскали, словно триумфальные трофеи, по проспектам этой чудовищной постройке! Мягкая музыка, приятная и наполняющая энергией, лилась отовсюду – казалось, скрытые динамики наполняли помещения через каждые два-три метра обшивки.

Парень кивнул, упорно не понимая, куда клонит егерь.

А та хмыкнула, словно это все объясняло, и негромко бросила через плечо:

– Тяжелый рок, малец! Самый тяжелый...

И не успел малец уточнить, что конкретно имеется в виду, как скорлупа распахнула двери. За которыми их, как и предполагал Сорока в своих наихудших опасениях, ждала вооруженная охрана.

А потом Погремушка бросилась вперед, вопя во весь голос и безостановочно стреляя из тазера, и проворовавшемуся продавцу Сливоносого Вардана не оставалось ничего, кроме как последовать за ней...

22

«Известно, что 97 %-ное совпадение в строении генов является не единственным сходством собаки и человека. Так же, как в случае с немногочисленным рядом иных высших млекопитающих, собаки обладают весьма утонченным музыкальным вкусом. В частности, раздраженно реагируют на тяжелый рок или современную поп-музыку, мгновенно успокаиваясь и демонстрируя повышенную обучаемость при прослушивании классической музыки Баха, Грига или Вивальди».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

**д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН**

**Эльдар Котляков,
2064 год**

Одно дело – подсматривать за обитателями дикой природы в научно-популярных фильмах. Видеть, как грациозные хищники рвут глупых травоядных на части. Безразлично наблюдать, как льется кровь. Представлять, как стучат в унисон сердца стаи, когда та широким полукругом заходит на жертву.

И совсем другое дело – лично участвовать в этом неистовом, необузданном и бурлящем представлении; когда логос захлестывает от рычания и воплей; когда бешено колотящийся сог humanum комком застрял в горле, мешая дышать; когда исторгаемые молодой самкой крики бьют по самому сокровенному, скрытому в подсознании, пугая, угнетая, подавляя...

Начавшаяся битва окончательно сбила Петроса с толку. Наслоилась на страх и усталость, дерзость собственного поступка, полнейшую неопределенность и боязнь разоблачения. Оглушила и опустошила.

Йанна рванулась из кабины так, словно была одна, даже не обернувшись. А еще – так, будто в холле ее вовсе не встречали пятеро вооруженных тазерами охранников, рассредоточившихся вокруг лифта неровным полукругом.

Неужели бешеная самка пустышечника смогла предположить, что по пленному корпатрицианту не станут стрелять? Как такое возможно? Способны ли синантропы выстраивать столь сложные причинно-следственные связи?

Такое смелое предположение путало мысли Петроса, заставляя вспоминать самые яркие научно-фантастические постановки или феи. Падая на гладкий холодный пол, он жмурился, пытаясь найти наиболее разумное объяснение. Вероятнее всего, Йанна просто

полагалась на скорость и инстинкт выживания, непревзойденность которого в животном мире не поставит под сомнение ни одна взрослая особь...

Охранники, расстроив инженера своей предсказуемостью, конечно же оторопели.

Видано ли – сам Леонидас Бродов, правая рука старшего ловчего текущей Лотереи Равновесия! Придушенный, с выглядывающей из-за плеча хищницей, но живой и невредимый. Начнешь палить – еще зацепишь ненароком, потом проблем не оберешься...

Пустышечница этим, безусловно, воспользовалась.

Вытолкнув корпатрицианта из кабины, начала бить из тазера с такой скоростью и меткостью, словно занималась этим с малолетства. Рухнул один охранник, другой. Остальные попытались ускользнуть за укрытия, прячась за колоннами или цветочными кадками, но тварь из Периметра оказалась быстрее. Сразила всех пятерых. И хвала Божеству, что не из своего черного пистолета, воняющего смертью, словно музейная гильотина. Паралич – штука неприятная. Но не смертельная...

Поднимаясь с колен и поудобнее перехватывая рюкзаки, Петрос с печалью и состраданием осмотрел пятерку лишенных сознания мужчин, с гордостью носящих на плечах нашивки службы зоологической безопасности комплекса. Спихватился, заметив, что нелюди снова устремились вперед, и ринулся следом.

Как было условлено, он не отставал. Честно и послушно играл роль тягловой силы, несущей на своей спине страшный груз. Когда начинали шипеть тазеры, так же чинно падал вниз, стараясь не угодить под импульс. А те, как назло, стрекотали все чаще...

Новый патруль встретил их через квартал модульных блоков, поделенных на рабочие кабинеты и передвижные лаборатории. Эти бойцы к виду скованного корпатрицианта оказались готовы. Но стрелять все равно начали не по террористам, а мимо, по стенам или потолку. Петрос, уже весьма неплохо изучивший животных, в компании которых находился весь день, лишь печально вздохнул.

Да, еще десять часов назад он и сам бы предположил, что такая пальба собьет скуднодухих с толку, заставив сделать ошибку или запаниковать. Но теперь – когда он увидел, на что способны пришельцы... Когда он почувствовал, что они собрались сделать... Нет, он не считал это лучшим решением. На четвереньках пробираясь следом за Йанной, инженер с тоской наблюдал, как ее меткие выстрелы валят одного безопасника за другим.

Птица-Цифра тоже стрелял, держась в арьергарде их крохотной армии. И тоже из тазера, не намереваясь причинять людям серьезного вреда.

Оглядываясь на молодого самца, Петрос незаметно для себя кусал губу. Победитель Лотереи казался ему значительно более вменяемым, менее отягощенным личными проблемами, болезнями мозга или дефектами родительской дрессуры, чем самочка Йанна. Несмотря на то что последняя проявила отнюдь не заурядную сообразительность и способность вступать в контакт с человеком, симпатии оператора оставались на стороне Птицы-Цифры...

В какой-то момент – над головой импульсы тазерных винтовок оставляли проплешины в тонких плитках потолочного покрытия – водитель буровой колонны даже пожалел, что позволил себе ввязаться в эту авантюру. Что отправился с нелюдями, что вызвался нести сумки.

Но уже через мгновение Петрос вспомнил волну непреклонных намерений, прокатившуюся от Йанны. Вспомнил, как сам, по собственной воле и в стремлении отплатить добром, привел врага в дом своей семьи. И снова окреп в решимости помешать пустышечнице довести ее план до конца...

Он обязательно разрушит замыслы самки синантропа. Еще не знает, каким образом, но сделает это. И этим искупит вину. Осталось лишь придумать, как избавиться от содержимого рюкзака или заставить Йанну отказаться от задуманного. Петрос сможет это осуществить. В конце концов, удача ему пока сопутствует, разве не так?

Поверила же предводительница отряда, что он действительно желает помочь, причем из самых чистых побуждений? И Птица-Цифра поверил, даже не стал проверять логос

Петроса на искренность, требуя рукопожатия. Это, кстати, инженера и спасло – самое настоящее проявление удачи и дерзкой самонадеянности скуднодухих. И вот он тут, вжимается в полированный пол под выстрелами тазеров, мечтая поскорее увидеть и обнять супругу. Но сначала – избавиться от страшной ноши, содержимого одного из рюкзаков...

От раздумий отвлек новый бой, в который ввязались обитатели Циферблата, такие чужеродные в безупречной чистоте и прохладе «Голиафа». Точнее – очередной этап постоянно бурлящего боя, в который превратилось их перемещение по этажам комплекса.

Йанна отшвырнула разряженный парализатор. Подхватила у распластанного охранника новый: массивный, многозарядный, винтовочного типа. Таким же вооружила и Птицу-Цифру. А вскоре даже пустила в ход старинный черный пистолет, отбросив в укрытие отряд полиции, собиравшийся обстрелять террористов газовыми гранатами.

Судья по эмоциональным всплескам, донесшимся до Петроса, пустышечница кого-то ранила. Причем тяжело, вызвав у оператора № 53 новую волну щемящей боли. Как ни крути, а самка оставалась жестокой и бессердечной зверюгой, миловидной внешне, но совершенно чужой и опасной внутри...

А еще она беспрерывно вопила. Громко, надрывно, злобно.

Оператор, заткнувший уши обрывками рубашечного рукава, понимает, не понимает ни слова. Но прекрасно чувствовал, какой безжалостный вал нечистоплотной негативной энергии катится по коридорам, наматывая на свои невидимые серпы все новые и новые ругательства. Становясь сильнее, больше, голоднее.

Йанна вышагивала по этажам великолепнейшего здания всех Девяти Куполов, и перед ней стелилось воплощенное в речь чудовище – мрачное, подавляющее, гнетущее, наотмашь бьющее щупальцами гнева и отчаяния.

Переполюнявившая Йанну злость кипела так шумно и ярко, что выстреливаемые ею фонетические бомбы обладали невероятной силой. При этом целила пустышечница исключительно в охранников и полицейских. Пользовалась речью как грубым, но крайне эффективным оружием. Люди, вставшие на пути самки без специальных глушилок, валились на пол срубленными колосьями, чтобы еще через миг уснуть от тазерного залпа. Петрос устыдился, поймав себя на подленькой мысли: он был рад тому, что дурные слова и угрозы нацелены не на корпатрицианта Бродова или него, слабого инженера-носильщика.

Изгнав низменное облегчение, мужчина задумался: как скоро администрация «Голиафа» бросит на драку с недочеловеками более подготовленных воинов? Профессиональных ловчих, следопытов-эмпатов или просто бронированную пехоту, оснащенную вербальными блокираторами? Наверное, уже скоро – бесконечным продвижение пустышечников по кварталам комплекса оставаться не могло...

Корпатрициант, хвала Единому Божеству, пока оставался цел. Насколько видел инженер, осматривая светлый костюм корпоративного босса, даже не ранен. Разве что логосом потух, испытал на себе губительное воздействие дикарской речи. Но старался держаться, и даже ободряюще подмигивал носильщику, когда Йанна вертела живой заслон в разные стороны и пленникам удавалось встретиться взглядами.

Вероятнее всего, именно он вел нелюдей по лабиринтам «Голиафа».

Иначе целенаправленное движение отряда по его недрам Петрос объяснить не мог. И был благодарен Бродову за выбор именно такой стратегии общения с террористами. Ведь еще в самой первой комнате, где коварная хищница сумела избавиться от оков, корпатрициант мог предпочесть славную и непокорную смерть. Не предпочел, спасибо ему за это. И теперь мог послужить верным союзником, когда оператор наконец-то придумает, как обезвредить противников...

Лифтами террористы и заложники больше не пользовались – видимо, Йанна догадалась, что там, болтающихся на многометровой высоте, их могут заблокировать и усыпить газом. Однако даже по эскалаторам или лестницам, как центральным, так и аварийным, все четверо двигались весьма последовательно и целеустремленно.

Эта непоколебимость пугала Петроса.

С каждым шагом, с каждым шипением выстрела или поворотом пустого коридора она все крепче и крепче впивалась в шею, подсовывая тревожные образы. Потому что одного взгляда на брикеты, хранящиеся в рюкзаке самки, хватало, чтобы оценить масштабы приближающейся катастрофы.

Пластид был промышленным. Наверняка украденным со строительных площадок корпорации Селиванова. Там, где в лазерном прожигании или аккуратном бурении не было необходимости, инженеры «СибСтроя» часто снижали себестоимость проходческих работ применением примитивной взрывчатки. Однако от своего мирного назначения она не становилась менее разрушительной, чем лучшие военные разработки...

Тзынь-тзынь, это по блестящему полу катится граната. Логосы синантропов становятся темно-пурпурными, с черными слюдяными прожилками страха. Все четверо, как одно существо, совершают рывок за угол.

Взрыв, вспышка слепящего света выворачивает цвета наизнанку.

Вужж-вужж! – это лупят тазеры, очередями, часто и злобно. Йанна кричит, но ее рык пропадает втуне – теперь на бойцах «Голиафа» специальные шлемы. Тявкает черный пистолет, слышен вскрик. Птица-Цифра тоже стреляет, и тоже из пистолета, звенят гильзы. Петрос вжимает голову в плечи, словно это может защитить.

Пахнет порохом и гарью, потрескивает ионизированный воздух...

Пустышечница задумала страшное. Может быть, положить конец Лотерее. Может быть, что-то более глобальное. Потому что взрыв, мысль о котором она лелеет в своем сознании, унесет в небытие не только базу данных Игры Равновесия. Он сотрет в порошок всю макушку комплекса. Может быть, разрушит Купол. Станет причиной смерти многих людей. Врага, пришедшего из руин Циферблата, нужно остановить. Но как?

Ученые и сотрудники корпорации уже не встречаются на пути группы.

Вероятно, началась эвакуация. Предположение подтверждается, когда приятная музыка из динамиков сменяется заунывным воем сирены, а под потолками начинают пульсировать красные аварийные маяки. Совсем скоро зубастая мощь ликторов обрушится на террористов с максимальной силой. Даже если это причинит вред корпатрицианту и несчастному инженеру.

Петрос сжимает зубы и старается не отставать от остальных. Если его труп найдут рядом с телом Бродова, оператора однозначно посчитают заложником. Это значит, его вина будет заглажена, а семья получит внушительную компенсацию и личный мавзолей на Холме Избранных, где хоронят сенаторов и героев Новосибирска.

Йанна, Птица-Цифра и люди врываются в одну из башен «Голиафа».

Внизу, под ногами, далеко под поверхностью стеклянных мостов, над бездной видны изогнутые проспекты комплекса. Как на ладони – сверкающие, красивые, заполненные мельтешащими точками убегающих. Но насладиться видами нет времени, отряд входит в донжон. Подчиняясь требованию самки, корпатрициант Бродов запирает раздвижные двери-переборки, отрезая преследователей.

Пытаясь управлять непослушным сердцебиением, Петрос осознает, что они находятся в центре управления акустическими потоками делового муравейника. Йанна, отшвырнув Леонидаса в угол, направляется к огромным пультам, занимающим две трети главного помещения башни. На ходу скуднодухая вынимает из кармана куртки плоскую черную коробочку, в которой оператор узнает портативный музыкальный проигрыватель.

Петросу не нужно прикасаться к плееру, чтобы узнать, какая деструктивная мощь заключена под темным пластиком. Как много боли, ярости и непримиримости, воплощенных в варварской музыке, спрятаны в мозгах электронного устройства. Сила эта, готовая выплеснуться наружу, способна причинить обитателям «Голиафа» вред, сопоставимый со взрывом бомбы...

Йанна, что-то приказав Птице-Цифре и ежесекундно оборачиваясь на заложников, начинает колдовать над пультами. Неужели инстинктов зверя хватит, чтобы совладать с современной техникой? Глядя, как ловко спасшая его арбалетчица подключает

проигрыватель к системам «Голиафа», Петрос уверовал, что хватит...

Им никогда не понять друг друга.

Обитающие на одной земле, обезображенной войнами прошлого, они никогда не смогут найти общего языка. Похожие и разные, почти одинаково выглядящие и совершенно разные внутри. Они обречены до конца времен жить в опасной близости, старательно поддерживая хрупкий мир и столь же старательно разрушая его вмешательством в экосферу соседствующего вида. До тех пор, пока один из них не падет, окончательно сдавшись перед Царицей Эволюцией.

А ведь Петрос искренне хотел помочь.

Йанна спасла его от химер, он чувствовал себя обязанным. Не желал зла. Хотел поступить правильно, как лучше, не задумываясь об опасных последствиях. К сожалению, не заставивших себя ждать. Потому что, заботясь о собственной шкуре, пустышечница без раздумий поставит на кон жизни ни в чем не повинных людей. Она – чужая. И большой ошибкой было полагать, что между человечеством и Номо Bifaxis практически нет разницы...

Не задумываясь о том, что именно делает, Петрос сбросил оба рюкзака на пол.

Быстрым шагом направился к Йанне у пультов. Проигнорировал предупреждающий крик Птицы-Цифры, заставляя себя двигаться все быстрее и быстрее, пока боязливый ступор не превратил мышцы в куски гранита. Оказавшись подле скуднодухой, инженер со всего размаха ударил самку по рукам.

Хотел выбить проигрыватель, оборвав подключавшие его к пульту провода. Промазал. Удивленная – логос хищницы зашипел, раскрываясь ярко-желтой хризантемой недоумения, – та успела увернуться от его неумелого выпада. А когда оператор буровой колонны потянулся еще раз, намереваясь во что бы то ни стало помешать включить опасную музыку, прозвучал выстрел.

Снова вскрикнул Птица-Цифра. Леонидас, сидящий в центре зала, рванул вперед, но лишь бессильно заскрипел зубами, когда браслеты впились в запястья. Мир потускнел, словно над Куполом и ажурной башней Беседки пронеслась грозовая туча.

Правое плечо Петроса загло, словно его пырнули раскаленной кочергой. Чуть выше легкого, ниже сустава. Заломило лопатку, через позвоночник пропустили ток.

Сила удара была не очень большой, его даже не сбило с ног, только развернуло. Он пораженно уставился на собственную грудь, на проступающие сквозь ткань красные узоры, на дымящийся пистолет в руке Йанны. Та, пораженная не меньше раненого человека, спешно опустила оружие. И оказалась рядом, когда мужчина начал оседать – больше от шока, нежели боли.

Теперь логосолитоны, исходящие от нелюдя, стали вежливо-серыми. В них, как и во время диалога в такси, вернулась печаль, бессилие что-то доказать и страдание одиночества.

Не позволив инженеру удариться затылком, синантроп подхватила его под плечи, укладывая на пол с той аккуратностью и бережностью, с какой сентиментальный палач опускает в плетеную корзину голову убиенной жертвы.

«Остановись», – сумбурно протранслировал Петрос, когда пальцы Йанны коснулись его шеи.

Но та, потрясенная и ошарашенная, только поджала пухлые губы.

«Как же вы вообще можете так жить? – Разобрал оператор, ускользя в благословенное забытие. – Несчастные. Глупцы. Мне так жаль вас».

Пустышечница транслировала сбивчиво, вплавив поток мыслей в один мощный импульс-мнемослайд, развернувшийся в сознании Петроса причудливой игрушкой-оригами. Он замотал головой, пытаясь снова предостеречь самку от ошибки. Но та не услышала, все вбивая и вбивая в его рассудок образы, наполненные неподдельным разочарованием.

«Вы живете, никогда не услышав голоса матери. Никогда не услышав колыбельной или другой песни. Слов прощания или прощения. Гнева. Дружеской поддержки. Ласкового напутствия, комплимента, угрозы или предостережения».

Их глаза встретились.

За долю секунды, потребовавшуюся, чтобы уложить раненого на пол, на Петроса обрушилось настоящее ментальное цунами, в котором – и это чистая правда, пусть подтвердит Божество! – не было ни капли лжи или лукавства.

«Жить так – это словно по доброй воле обрубить себе руку. А потом учиться управляться с одной...»

Она не раскаивалась за то, что выстрелила. Но здесь, в одной из высочайших точек города, откуда Циферблат казался кольцом выжженной земли с пеньками зубов-многоэтажек, гниющих и ветшающих, в лице Петроса словно обращалась ко всей человеческой цивилизации. Со скорбью. И решимостью довести дело до конца.

«Вы добровольно превратили себя в инвалидов»... – Если бы Йанна была склонна к человеческому проявлению чувств, она бы заплакала. Но осенние, огненно-рыжие нотки ее логоса так и не проявили себя. Чужачка лишь отстранилась, деловито оценивая характер ранения. – Как многое человек может передать словами?! Голосом, интонацией. Недосказанной фразой или метким словом, попавшим в цель. Вы – эмоциональные недоделки, паразитирующие на низком уровне жизни Циферблата. И за превосходство, с которым вы несете этот флаг ущербности, я не прошу ни одного из вас...»

Машинально – он чувствовал, что на самом деле пустышечница не хочет помочь ему выжить, – Йанна вынула из кармана платок. Свернула в несколько раз, бездушно прижала к ране, вызвав новую волну жгучей боли. Заставила прижать пальцами.

«Речь – это дар свыше. – Пачкаясь в крови, она распечатала последний слой горестного мыслеобраза, будто зачитывала мужчине приговор. – И все равно, какая сила наделила нас этим даром – Бог или эволюция. Это то, что отличает нас от зверей, от крыс или степных волков, от птиц и насекомых. А вы добровольно превратились в пчелиный улей. Столь же умных и социально-заботливых, но таких же безмолвных и неспособных к величайшему умению человека – говорить. О себе, о своих переживаниях, друзьях, надеждах, открытиях, горестях или победах. Что ждет вас впереди? Ничего...»

Справляясь с тошнотой и беспамятством, подступающим все решительнее, Петрос попробовал возразить. Застонал, едва разлепив пересохшие губы. И бросил ей из последних сил, уже догадываясь, что все равно не сумеет переубедить:

«Нас ждет новый виток антропогенеза. – В ушах шумело, правую руку предательски свело и кололо. – Телепатия в чистом виде, какой ее понимали еще в XIX веке. Передача мыслеформ на расстоянии. Мир без лжи и обманов. Мир всесильных существ. Сказочный скачок, к которому мы идем, активно развивая своих детей!»

Но Йанна уже не воспринимала его тускнеющие логосолитоны.

Оставив инженера на полу, она выпрямилась, подбирая отлетевший проигрыватель. Взглянула на побледневшего Птицу-Цифру. На хмурого, оцепеневшего корпатрицианта, перед лицом скорой трагедии державшегося с истинным благородством высокорожденного. И направилась к пультам, подключая недостающие провода.

А через минуту, пока Петрос еще балансировал на грани сознания и забытья, «Голиаф» затопила волна ужаса, рожденного музыкой древних.

23

«Еще одним представителем высокоорганизованных животных, обладающих богатым собственным языком, является южноафриканский сурикат, чей вид сегодня тоже поставлен на грань вымирания. Известно, что их звуковой ряд насчитывает порядка 30 сочетаний, а «поболтать» друг с другом для этих представителей семейства мангустовых так же просто, как нам с вами. Отдельного упоминания требует социальное устройство семейных групп сурикатов, живущих многочисленными колониями по несколько десятков особей, еще сто лет назад привлекавшие

пристальное внимание исследователей животного мира».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

*ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН*

Эльдар Котляков,

2064 год

Признавать собственные ошибки – величайшее умение человека. Оно является доказательством его острейшего интеллекта, свободного и сильного разума, умеющего охватить картину в целом, выявить ее детали, недостатки и достоинства.

Звери, попав в беду по своей вине или благодаря расторопности высшего разума, всего лишь учатся на ошибках. Примитивные умы палеоантропов откровенно боятся признавать просчеты. Им, обуреваемым низменными страстями, проще и удобнее носить ментальные шоры. Выгоднее отсеивать все, что не помогает выживать, пренебрегать рефлексией и самосовершенствованием, отрицать наличие возможного духовного изъяна.

И только человек – венец творения Единого Милосердного Божества, – способен оценить непростую ситуацию категориями: да, это моя вина. Оценить, смириться и сделать выводы.

Артемидий Селиванов, корпатрициант и один из высших управленцев крупной новосибирской артели, в своих ошибках расписываться не любил, но умел. Ибо был человеком – одним из ярчайших представителей вида Homo Intelligitus: умным, дальновидным и устремленным к дальнейшему развитию сознания.

А потому он, скрепя сердце, признавал, что совершил просчет – недооценил двух нелюдей, им же лично в «Голиаф» и доставленных. Неверно рассмотрел потенциал Павла Сорокина, еще недавно почитаемого невинной жертвой, загнанной в угол мышкой. Не заложил в стратегию охоты фактор случайности, пусть даже один на миллион. А ведь встреча победителя Лотереи и террористки из Противодействия стала именно такой случайностью. Несвоевременной и во многом роковой...

Да и самку пустышечников Артемидий проанализировал неточно. Подумать только! После считывания ее пыльного логоса он уверовал, что имеет дело с отважной сумасбродкой, брошенной на убийственную, фактически суицидальную миссию. На дело, с которого не возвращаются живым. А та, вместо того чтобы мирно сгнуться на церемонии награждения вместе с ничтожным щенком, вдруг оказалась крепким орешком.

Освободилась, одно Божество знает как. Взяла в заложники корпатрицианта. Увела с собой инженера, снова завладела оружием и взрывчаткой. А теперь еще и добралась до центра управления акустическими системами «Голиафа», до Медострунной Гавани, задающей ритм пульса всего Второго Купола.

Вышагивая по коридорам комплекса во главе небольшого, но отлично экипированного отряда ловчих, Селиванов размышлял, что бесит его сильнее: дерзость, с которой пустышечница совершила побег, или ее вмешательство во внутренние системы города? Вмешательство, больше напоминающее изнасилование, к которому Купол сам спровоцировал скуднодухую. Насилие под музыку, более присущую одному из кругов Ада, нежели столь изящному памятнику современной архитектуры, каким являлся корпоративный комплекс.

Музыка, если такой термин вообще применим к льющейся из динамиков отравленной каше, грохотала вовсю. Резала логосы ножом, вскрывала тонким скальпелем, отсекала ломти мясницким тесаком, не удосужившись предварительно спустить из жертвы кровь, отчего стерильные стены казались заляпаны опасно-красным.

Вербальный глушитель работал, благо группа Артемидия еще не успела сдать охотничье снаряжение в арсенал. Работал, но определенно не справлялся.

Во-первых, такая музыка сама по себе, даже с заблокированной речью солиста,

оставалась губительной для человеческого сознания. Впитывая тяжелейший поток звуков, одним из напарников идентифицированный как «смертельный металл» двухвековой давности, логос Селиванова медленно покрывался волокнистой шероховатой коростой, под которой начинали гнеститься язвочки паранойи, иррационального страха и отвращения к жизни. Звуки из колонок комплекса были дурны, опасны и больны. Но совсем отключить акустику боевого шлема корпатрициант тоже не мог, избрав путь терпения.

Во-вторых, певцы давно сгнивших в гробах коллективов рычали так, что не справлялась даже самая современная армейская электроника. Принимая речевые испражнения в микрофон за бессвязное звериное рычание, а совсем не человеческую речь, фильтр все же пропускал часть текста в сознание охотников, заставляя морщиться и бледнеть.

И пусть ни Артемидий, ни его спутники не знали английского – чужого языка с другого конца планеты, на котором исполнялось большинство композиций, – вся группа ловчих чувствовала, что музыканты поют о демонах, пожирании детей, торжестве сил зла, проклятиях и смерти.

Когда все закончится, ловчим придется пройти длительный и отнюдь не дешевый курс реабилитации. Но это позже, а пока... А пока они продвигались вперед, все отчетливее понимая, что обыкновенное награждение незаметно переросло в полноценную боевую операцию, в которой на кону стоит едва ли не безопасность всего города.

Эвакуация здания подходила к концу, и ее своевременное начало Артемидий относил к числу своих свежайших заслуг. Судя по отчетам полиции, руководящей спасением гражданских, из коридоров нижних ярусов выпроваживали последних сотрудников. Белых как мел, возбужденных, зажимающих уши ладонями и кричащих от боли. Службы сетевой безопасности приступили к контратаке, один за другим отключая блоки и секции «Голиафа» от центральной акустической сети и пытаясь подавить вездесущий грохот зловещих гитар.

Но выводить людей начали не только из-за музыки, способной кого-то сделать бесплодным.

Селиванов хорошо помнил – это обстоятельство также признавая просчетом, – о россыпи брикетов взрывчатки, хранящейся в рюкзаке циферблатной суки. И если та рискнет воспользоваться грузом...

Впрочем, Артемидий доподлинно знал, где нужно ожидать удара, рассчитывая сыграть на опережение. Он и его группа, в отличие от службы безопасности комплекса, не станут утруждать себя беготней по этажам. Сразу направятся туда, где корпатрициант обязательно встретит пустышечников. И ударят до того, как те осознают, что угодили в засаду.

Однако же проследовать за террористами все равно пришлось.

Ворвались в Гавань – трехэтажный эркер, выпирающий из изящной дуги Северной Мачты Хрустальной Беседки. Согласованно миновали пустующие посты охраны. Обнаружили двоих безопасников, отказавшихся покидать позицию и поплатившиеся болезненным забытием после тазерного укола.

Потратив несколько минут на взлом заблокированных замков, проникли в центральное отделение Гавани, где службы мнемоторцев и логосинтезаторов день за днем создавали новые музыкальные композиции, призванные повысить эффективность сотрудников корпораций «Голиафа».

Звено системщиков, спрятанное в арьергарде боевой группы, тут же бросилось к пультам.

Высоколобые засуетились, торопливыми жестами подтверждая самые мрачные опасения Селиванова: в сеть, словно простейший вирус, был слит целый набор смертоносных композиций, заблокированных от отключения извне. Заблокированных, что печально, самым грубым и варварским способом: уничтожением внешнего интерфейса.

Вынимая из наспинных чехлов портативные компьютеры, отборные умники «СибСтроя» без промедления подключились к раскуроченным пультам. Вокруг мужчины и двух молодых женщин ярко вспыхнули прозрачные голографические панели, на которых,

будто на сапфировых арфах, те принялись тут же играть.

Кусая губу и перевесив автомат на грудь, Артемидий прошелся по помещениям Гавани.

Отвлекающий маневр скуднодухих удался на славу, нечего возразить. Но если Бродов не дурак – а заместитель далеко не дурак, – то станет водить нелюдей кругами. И только осознав, что большего времени для своего шефа ему не выиграть, приведет к Капители Распределения. К этому моменту, по замыслу корпатрицианта, боевой отряд уже займет позиции и подготовится к встрече с Сорокиным и его подругой...

Федот, напичканный обезболивающими и затянутый в регенерационный корсет, привлек внимание лидера. Бледный, пошатывающийся ликтор, несочетаемо болезненный для своей внушительной комплекции, застыл справа от разгромленной электроники. Указывал на пол стволом винтовки.

Селиванов приблизился, хмуро разглядывая лужу подсыхающей крови. Присел, снимая перчатку, мазнул.

Для того, чтобы определить хозяина крови, ему даже не требовалось прибегать к помощи следопыта. От сердца отлегло: темно-красное пятно, марающее зеркальные плиты, вытекло не из Леонидаса Бродова. Еще полчаса назад оно питало жизнью злополучного инженера, открывшего нелюдям доступ в Купола. Выходит, Артемидий рановато записал оператора в сообщники террористов? Что ж, эту ошибку корпатрициант тоже был готов признать...

Встав в центре помещения и заставив всех присутствующих обратить на себя внимание, командир раздал приказы. Несколькими короткими рублеными жестами на сурдоязыке генерала Ключкова, на заре становления нового человека совершившего настоящий переворот в российской военной системе. Все, кроме увлеченных взломом системщиков, послушно кивнули, принимая распоряжения.

Артемидий покинул Гавань, забрав с собой только тех, кто этим утром вместе с ним пересек Периметр, выискивая в трущобах Циферблата существо под кличкой Павел Сорокин. Охранять компьютерщиков, строящих заслон на пути деструктивного потока, вживленного в акустику «Голиафа», остались трое корпоративных ликторов и четверо полицейских штурмовиков. Последним, в частности, было предписано выдвигаться к лифтовым комплексам, чтобы пресечь возможную попытку отступления скуднодухих.

Дионисий, переживающий происходящее куда острее, нежели в начале дня, двигался впереди. В центре группы разместился сам Селиванов и следопыт, все еще измотанная, но накачавшая себя энергетиками. В глазах женщины блуждала рассеянность, зрачки превратились в булабочные головки, а пальцы подрагивали. Но Клеоника продолжала исправно отрабатывать жалованье, выискивая свежий след. Федот, также стараясь не выказывать слабости, замыкал отряд.

К Капители направились кратчайшим из возможных маршрутов – через ажурные невесомые мосты Беседки, подвешенные над пропастью между высотными Маяками комплекса. Сейчас парящие в воздухе сверкающие тоннели, обыкновенно заполненные суетливыми людскими потоками, были пусты. Сквозь их хрустальные стены Артемидий озабочено наблюдал, как в небе вокруг «Голиафа» собирается целая флотилия летательных аппаратов, принадлежащих Министерству Катастроф и военным.

Вздохнув и попытавшись отстраниться от гнета предчувствий, Селиванов дал приказ пересекать мост. Если за ближайшие полчаса его ловчие не совладают с террористами, тихо исправив допущенные ошибки и обезвредив пришельцев, в дело вступят бесхитростные армейцы. Тогда, разумеется, никакого триумфа, прямых эфиров или почитания толпы. Тогда корпатрициант ждет освидетельствование, порицание СМИ, штрафы и, возможно, понижение по службе...

Однако едва юный ликтор первым вошел в переброшенный между башнями мост, Клеоника вдруг вскинула руку. Застыла на месте, скрючившись, будто чем-то подавилась. А затем активировала канал связи, доступный только членам корпатрициантского звена:

«Стоп! Деструктивное влияние немислимых объемов, – отчиталась она, сейчас больше

похожая на маленькую девочку, среди ночи вырвавшуюся из объятий страшной феи для взрослых. – Ощущаю присутствие».

«Террористы?» – Артемидий был озадачен, прицеливая к прицелу автомата, но не наблюдая противников.

Деструктивное воздействие, оказываемое гремющей по всему Куполу музыкой, было сложно переоценить. Но почему следопыт упомянула о нем только сейчас? И кого именно ощущала впереди?

«Ответ отрицательный, – с опаской протранслировала Клеоника, заставив ликторов настороженно переглянуться. – Трудности объяснения. Ожидание гибельного. Испытываю подозрения, что...»

В этот момент мост, соединяющий башенку Капители и более массивную конструкцию Медострунной Гавани, лопнул миллиардами сверкающих осколков. Дионисий рванулся назад, закрываясь руками. В последний миг рухнул на пол эркера, только чудом не обрушившись вниз в облаке перемолотого взрывчаткой стекла.

С хрустом, грохотом и перезвоном остатки переходного тоннеля устремились на крыши нижних террас «Голиафа». Федот застонал, Артемидий побледнел. Если бы следопыт не остановила их в последнюю секунду, группу награждения ждала бы поистине страшная участь...

На командных частотах запестрели сбивчивые требования описать произошедшее. Армейские чины волновались, перебивали друг друга, шипели раздражением и злостью. Несколько юрких военных зондов, парящих вокруг Мачт, тут же устремились к месту взрыва, снимая его последствия на камеры.

Селиванов, ограничившись сухим докладом, отвел отряд обратно в Гавань. Он был испуган, подавлен и шокирован. Ловушка, устроенная примитивным нелюдем, едва не стоила жизней четверым высокопоставленным гражданам Новосибирска.

Федот, не дожидаясь распоряжений командира, принялся вызывать воздушный транспорт. Клеоника устало опустила на пол. Следопыт сняла шлем, растирая виски, как это делают, чтобы избавиться от подступающей головной боли. Дионисий, еще не до конца поверивший, что уцелел, прислонился к декоративной колонне – молодого ликтора сотрясала дрожь.

Артемидий приказал себе сосредоточиться.

Опередить скуднодухих и устроить засаду в штабе Лотереи не удалось. Пустышечники и заложники все же успели прорваться в главную башню Игры Равновесия, отрезав пути преследования и наверняка забаррикадировавшись.

Но Селиванов все равно настигнет нечестивцев. Настигнет и покарает, даже если в процессе придется пострадать его близкому товарищу и коллеге! Несмотря на последствия, корпатрициант сделает все, чтобы его торжество, еще недавно такой желанное и близкое, не обернулось позором и сокрушительным поражением.

24

*«Одним из самых сенсационных, не побоюсь этого слова, животных, когда-то проживавших на Земле, был, безусловно, дельфин. Научные эксперименты не только неоднократно подтвердили существование полноценного дельфиньего языка, но и выявили множественные проявления социализированного общества. В частности, присвоение детенышам имени сразу после рождения, высокую обучаемость и развитый интеллект. Или использование орудий охоты, как, например, надевание на нос дельфина одного из представителей группы морских губок для защиты от ядовитых шипов *Synanceia Verrucosa*, на которую эти млекопитающие часто охотились».*

«Социализация высших млекопитающих и иных живых

*организмов»,
д. б.н., академик РАН,
ректор Российско-Европейского Университета систематики
и экологии животных СО РАН
Эльдар Котляков,
2064 год*

Силы покидали Сороку, словно кисель из треснувшей банки. Медленно, но неотвратно.

Энергии, столь необходимой на финальном этапе их сумасбродной авантюры, не хватало даже на то, чтобы поднять руку с оружием или ответить на вопрос егеря. Не помогало даже незримое присутствие отца – его несуществующего спутника, морально-этического советчика, дававшего волю к жизни. Организм и сознание больше не подхлестывались ни напряжением погони, ни близостью смерти, от которой он так успешно скрывался в течение всего дня...

Немало сил Сорока потратил и на переноску раненого инженера.

Погремушка, превратившаяся в злющую бестию, приказала бросить Петра еще в зале с акустическими системами. Но парень не сумел. Не обнаружил в себе хладнокровия, с которым бы смог оставить застекольщика умирать в луже крови. А потому взвалил молчуна на плечо. И понес. Вместе с двумя рюкзаками, еще час назад казавшимися такими неудобными и неподъемными.

Еще до того, как беглецы пересекли стеклянную трубу моста, Сороке стало все равно. Отрешенный, погруженный в собственные мысли, он пытался, обливался потом, но тащил свою ношу, отказываясь признавать неизбежность конца.

Оператор буровой техники выглядел неважно. Плохо он выглядел, чего уж тут лукавить... Бессвязно хрипел, все порываясь разорвать рубаху на груди, ронял сочащийся алым платок. Из рта его беспрестанно текла красная струйка, то затихающая, то усиливающаяся. Нелюдь перестал соображать. Взгляд стал стеклянным, глаза то и дело закрывались. Логос Петра – так его называли парниковые – теперь напоминал радиоприемник, настроенный на пустую частоту.

Яна, заметив благородство напарника, комментировать героизм отказалась. Лишь выругалась сквозь зубы, предоставив Сороке самому решать надуманную проблему. И устремилась вперед с целенаправленностью бурового комбайна, держась начеку, словно волчица, пересекающая чужой и опасный участок леса.

Наверное, ее можно было понять: никогда в жизни Круг Противодействия не был так близок к осуществлению своей заветной мечты. Но Павлу все это стало глубоко безразлично. Он волок на себе полуживой кровотокающий куль и вещевые мешки, даже не поспособствовав в минировании моста, через который они попали в очередную надстройку.

Ничего Сорока не испытал и в момент, когда мост рванул. Гулко, звонко, с дождем осколков и облаками дыма. Все это было где-то далеко, за спиной, на пройденном этапе судьбы. И теперь совсем не касалось обладателя «морковки», даже не вздрогнувшего, когда снаружи ухнуло и зазвенело...

В центральном помещении новой башни парень аккуратно положил умирающего инженера на пол в дальнем от входа углу. Сел рядом, затравленно рассматривая перемазанные красным ладони. Ему было наплевать на окружающую красоту – на потрясающее оборудование застекольщиков, наполнявшее сооружение; на сложнейшие современнейшие машины, в которых хранилась информация обо всех жителях Циферблата, решивших сыграть с системой парниковых в изощренный аналог американской рулетки.

А ведь если бы Сорока смог откинуть усталость и апатию, наверняка бы поразился. Потому что башня, которую Погремушка окрестила хранилищем Капители Распределения, походила на сказочный храм. Чистый, красивый, торжественный, до самой стеклянной крыши напичканный уникальной электроникой нелюдей. Храм, обреченный на скорую гибель...

– Следи за вырождаками! – коротко бросила Яна, отбывая у него свой рюкзак.

И юлой завертелась по обезлюдевшему помещению, где до эвакуации работали десятки существ, так непохожих на людей.

Павел машинально кивнул, и не думая выполнять приказ. Что проку следить за Петром, уходящим от них с каждым очередным вдохом? Инженер умирал. Чтобы выяснить это, не нужно было быть медиком. Не помогала даже армейская пена из украденной у Вардана аптечки, которой бывший рыночный торговец обильно залил грудь молчуна. Конечно, тот умирал. И, возможно, уже давно бы дошел до финишной черты, если бы не бормотание Сороки, прекращать которое тот не собирался даже на грани обморока.

– Не умирай, слышишь? – тихонько шептал парень оператору, волоча его через мост.

– Потерпи, скоро все закончится, – уговаривал он своего седока внутри хранилища, осознавая, что нагло обманывает нелюдя.

– Пожалуйста, живи, – одними губами раз за разом произносил он, подкладывая под голову раненого собственный рюкзак и помогая устроиться поудобнее.

Погремушка, взведенная до предела, если и слышала бормотание парнишки, демонстрировать этого не спешила. Все металась среди шикарного, светящегося нежно-голубыми огнями оборудования, развешивая смертоносные игрушки и что-то настраивая на пульте дистанционного управления.

Наблюдать за вторым застекольщиком – настоящим заложником егеря, – Сорока тоже не собирался. Какой в этом смысл, если охотник на проигравших в Лотерею вообще перестал двигаться?

Сел на пол неподалеку от Павла – скованные руки за спиной, голова безвольно опущена на грудь. Казалось, высокородный парниковый тоже исчерпал силы. Или смирился, неспособный помешать девушке завершить начатое. Не в силах даже закричать или начать умолять Яну остановить поток разрушающей мощи, в эпицентре которого теперь оказалось самое красивое и грандиозное здание города.

Его, вероятно, в немалой степени подкосила музыка. Здесь, у подножия Капители, стояла долгожданная тишина. Но в коридорах титанического комплекса, в который их доставили связанными и оглушенными, будто на бойню, она гремела трубами Конца Дней.

В каких недрах своего проигрывателя егерь откопала композиции древних групп вроде Cephalotripsy или Defeated Sanity, оставалось только гадать. Но извлеченная на свет, эта музыка произвела на нелюдей эффект неожиданный и сокрушительный. Ужасающий, как бы странно это ни звучало. Впрочем, что говорить об этих несчастных недоделках старинного эксперимента, если и сам Сорока ежился, вслушиваясь в рычание «исполнителей», испытывая от злых рок-завываний далеко не самый приятный эффект?

Погремушка, не забывая осматриваться, прислушиваться и даже принюхиваться, время от времени пробегала мимо. Злобно глядела на раненого, на Павла. Морщилась, словно выслушивала нечто саркастическое, слышимое только ей одной. Затем склонялась над заложником, прикладывая обнаженную ладонь к его щеке – видимо, выпытывала что-то ценное, касающееся Капители и Игры. И снова убегала прочь, чтобы закрепить на стенке прибора очередной брикет взрывчатки.

Откидываясь назад и опираясь на прозрачную колонну, раз в минуту меняющую цвет, Сорока вздохнул. Наверное, это даже хорошо, что совсем скоро Лотереи и ее баз данных не станет. Исчезнет несправедливость, жестокость, ежемесячные охоты на людей, томительное ожидание чуда, способного обернуться «оранжевым билетом победителя». Впрочем, им четверым этого точно не видать...

Ближайший и надежнейший путь отступления они отрезали собственными руками.

На других их уже наверняка ожидают вооруженные до зубов молчуны, обложившие здание. А это означает, что в пекле взрыва умрет и Сорока, и раненый Петр. И гордый заложник, из-за своего уникального «эволюционного развития» неспособный соврать или утаить важную информацию, как на его месте поступил бы любой нормальный человек. Он тоже сгорит. Заживо. Сгорит и отчаянная девушка-егерь, встреча с которой спасла Павлу

жизнь. Но в конечном итоге ее же и отняла...

Погремушка, судя по всему, заканчивала приготовления к последнему танцу, в котором они сойдутся с Капиталью Распределения, Игрой Девяти Куполов и теми несчастными, кто сейчас подбирается к башне.

Забросив тазерную винтовку за спину, подпольщица полезла на самый высокий из пультов башни – центральную конструкцию, напоминающую Сороке огромный заварочный чайник для бодрячка. Только не алюминиевый или медный, а стеклянный, хромированный, наполненный мерцанием голографических панелей, связками проводов и десятками жидкокристаллических дисплеев. В руке Яны виднелся последний брикет взрывчатки.

Сорока, преодолевая усталость и опустошенность, подобрался поближе к инженеру.

– Ты не умирай пока, старичок, ладно? – с грустной усмешкой попросил он. Осознавал, что нелюдь ничегошеньки не понимает, и все равно продолжал негромко нести чушь: – Потерпи еще чуток... Соберись, ты же можешь. Слышал, вы и кровь останавливать силой мысли умеете, и пульс замедлять... Подержись. Минут пять, не больше. Зато посмотришь, как красиво все это шарахнет, ага?

Скрипнув подошвами высоких ботинок, Погремушка прыгнула с неведомой конструкции.

Уже без плоского темно-зеленого брикета, закрепленного где-то на вершине «заварочного чайника». Скулы девушки отвердели, в глазах застыли решимость и тлеющая ярость. Должно быть, именно так и никак иначе настоящие безумцы подходят к последнему краю...

Егерь приблизилась, нависая над Сорокой и не отводя взгляда. В ее левой руке парень заметил длинный изогнутый пульт, самодельный и неказистый, но от этого не менее опасный. Вспомнил, как Петр пытался помешать включить рок. Вспомнил выстрел из нагана.

Поднял взгляд, равнодушно изучая спутницу снизу вверх.

– Готово, – отчиталась Яна, будто только этого Павел и ждал. – Вставай, пора сваливать.

Против воли на лице Сороки прорезалась улыбка. От абсурдности предложения он чуть не рассмеялся. Но вовремя смекнул, что за такое проявление чувств может получить пинок в лицо, и взял себя в руки.

– Куда сваливаем? – отрывисто спросил живой трофей, истерично всхлипнув.

– Подальше, мать твою! – негромко, но с угрозой бросила Погремушка. И скривилась, сомневаясь в умственной полноценности собеседника. – Ты что, за дуру меня держишь? Думал, я самоубийца? Черта с два! Сваливаем и рванем этот вертеп снизу, с безопасной дистанции. Пульт держит сигнал на тысяче метров... Вставай, мля! Сгнивать в этой дыре я точно не желаю.

Сорока задумчиво пожевал губу. Вдруг подумал, что пересохшая и обескровленная, она напоминает ему чужеродный предмет. Например, сушеный корешок или ломтик пластмассы. Покачал головой.

– Знаешь, Яна... тут не катакомбы старого метро. И не Циферблат, где мне повезло от них оторваться. Тут правят они – хищные застекольщики. И далеко нам уйти не дадут.

Несколько секунд она внимательно изучала его с высоты своего роста. Пристально, будто бы раздумывая, не поднять ли силой или не отвесить ли пощечину. Затем с пониманием кивнула, тряхнув короткой челкой. Вдела руку с пультом в свободную лямку рюкзака, до этого заброшенного лишь на одно плечо. Проверила застежку револьверной кобуры.

– Ясно, – негромко и спокойно констатировала она, отчего на душе Сороки стало еще поганее. – Значит, сдулся-таки, малец? Ну что ж... силком тянуть не буду. Раз хочешь, оставайся.

Качнулась на пятках с противным скрипом подошв, уже намереваясь уйти. Задержалась напоследок, сбивчиво обронив вполборота:

– Спасибо, что помог. Я шепну словечко нашим. Знай, что отныне твои близкие на Циферблате ни в чем не будут нуждаться...

И вдруг громко икнула.

Устоялась на живот, где черную кожу промасленной куртки вдруг украсила рваная дырочка.

С недоумением покосилась на Сороку...

Вторая пуля ужалила Погремушку в левое плечо. Девушку отбросило, рука дернулась, по дуге отбрасывая пульт управления взрывчаткой. Следующий выстрел угодил в меняющую цвет колонну над головой Павла, заставив полый столб покрыться рябью и сетью помех.

Схватившись за пробитый живот, Яна крутанулась вокруг своей оси и рухнула лицом вперед.

В наступившей тишине – оглушительной, всепоглощающей – Сорока услышал, как ее лоб звонко щелкнул об пол. Застонав, подстреленный егерь потянулась к револьверу. Вторая рука девушки, словно живущее само по себе существо, медленно ползла к отлетевшему пульту.

Сорока оказался на ногах.

Не знал, откуда взялись силы или храбрость. Но случившееся за эти две бесконечные секунды словно открыло в нем второе дыхание. Не до конца понимая, что делает, он вскинул тяжеленный «Рогалев», начиная стрелять еще до того, как заметил цели.

Пули, ложась беспорядочно и повсюду, с треском и снопами разноцветных искр крошили бесценную электронику. Грохот пистолетных выстрелов в замкнутом помещении казался оглушительным. В нос ударил резкий запах пороха, обостривший, казалось, и остальные чувства Сороки. Ловчие, в отличие от людей обладавшие бесшумным оружием, отпрянули в укрытия. Тоже начали отстреливаться, но, скорее, в заградительных целях.

Связанный застекольщик, едва слышав стрельбу, неожиданно преобразился. Распрявился пружиной, как будто ждал сигнала, одним длинным прыжком отскакивая за приборы и панно с объемными голографическими картинками. Инженер же не пошелохнулся, даже когда ему на лицо упала горячая пистолетная гильза...

Отстреляв обойму, Сорока заставил себя опуститься на корточки и отползти за ближайший блок Капитали. Его трясло, бросало в бой, заставляло рвать противника голыми руками. Но он сдерживал себя, не позволяя истерике победить, и торопливо шарил в глубинах рюкзака в поисках запасных патронов.

Молчуны окружали.

Их было немного, иначе бы напали разом с десяти сторон. Трое, максимум – четверо. Как минимум половина из них относилась к охотникам, еще на Циферблате мечтавшим забрать жизнь Павла Сорокина – эти бронекостюмы, украшенные логотипами спонсоров и автографами поклонников, парнишка не забудет никогда...

Рывком выглянув из-за края уставленного приборами верстака, Сорока чуть не схлопотал пулю. Отпрянул, невольно зажмуриваясь, и охнул. Еще двое ловчих, прикрывая друг друга очередями, огибали зал, заходя со стороны колонн.

Наконец пальцы нащупали в рюкзаке ледяной брусок оснащенной обоймы. Отжав рычажок под «щечкой» рукояти, Сорока сбросил на пол пустую, задумчиво наблюдая, как та – скок-скок, с легкомысленным металлическим звоном, – отлетает к распластанному телу Погремушки.

Машинально и неловко, исключительно на ощупь Павел перезарядил «Рогалев», не отрывая взгляда от раненой. От ее закушенной до крови губы, от истончающегося упорства девушки, с которым та пыталась дотянуться до заветного пульта. От умирающего инженера, лежащего чуть в сторонке. Умирающего исключительно по их вине.

Сорока мог бы подхватить пульт...

Да, может быть, его подстрелят. Наверняка подстрелят. Но он точно доберется до прибора. Успеет, как пить дать.

Но сможет ли затем нажать на «главную кнопку»? Станет ли героем Противодействия, чьего имени никогда не узнают на Циферблате? Готов ли положить собственную жизнь против того, чтобы спасти жизни таких же неудачников, как он сам, способных вытянуть «морковку» через месяц, два или через год? И что будет с ними, если Яна все же не дотянется до устройства активации зарядов?

Вспомнились глаза смышенной и отважной девочки, очаровательной дочери Петра. Его хрупкая сожительница... жена, которая вот-вот станет вдовой. Сотни нелюдей на проспектах комплекса, отчаянно верующих в свою правоту, изъеденную язвами заблуждений. Почти полное отсутствие внешних различий между теми, кто уныло влачит существование внутри, и теми, кто радостно прозябает снаружи.

Он не разрушитель. Сорока просто человек, оказавшийся не в том месте и не в то время. Он смирился/отрицает мысль, что сейчас ему предстоит нажать клавишу подрыва...

– Да уж, Пашка, с твоей реакцией только камни пасти, – совсем невесело усмехнулся прямолинейный батя в его голове, навсегда растворяясь в низком гудении. – Прямо молния, не иначе...

Парень вздрогнул, проклиная себя за нерешительность...

И вдруг заметил, что за бесконечность его предательского ступора Погремушка все же схватила пульт.

Никто не узнает, как егеря с двумя пулями в теле переборола боль, чтобы совершить последний рывок. Может, призвала на помощь всю ненависть к парниковым, забравшим сестру. Может, просто не могла подвести тех, кто доверил ей задание с диверсией. Но схватила, намертво сжимая пальцы на куске пластмассы и готовясь утопить центральную клавишу с нарисованной поверх красно-черной улыбающейся рожицей.

В этот же момент на самом краю периферийного зрения Сороки появился ловчий.

Вышагивающий в полный рост, словно вдруг переставший бояться пуль. С открытым забралом обтекаемого шлема. Вооруженный компактной, агрессивного вида винтовкой – тот самый, что возглавлял штурм квартиры. Тот самый, что руководил охотой на человека. Тот самый, что с самого утра жаждал крови Павла Сорокина. Но сейчас ствол автоматического оружия целил не в парня. Сейчас винтовка была направлена в спину Погремушки, почти завершившей свой зловещий танец.

Вскидывая пистолет, Сорока с обидным недоумением заметил, что после перезарядки забыл отжать педаль затворной задержки. Надавил, с лязгом возвращая затвор в переднее боевое положение. И тут же заприметил еще одного молчуна – за колонной, где таился связанный заложник, метрах в шести от себя. И тот, что совсем не удивительно, тоже целился из винтовки. Только не в Яну – в самого Пашку, никак не успевавшего поразить сразу две цели.

Затвор «Рогалева» все скользил и скользил вперед, слишком медленно досылая патрон в ствол и давая время выбрать, в кого же стрелять. А парнишка все не мог принять решение. Далеко не сразу обнаружив, что его восприятие времени вдруг изменилось. Незаметно, исподволь, но всецело.

Время, бурлящее вокруг людей и нелюдей, словно превратилось в теплую полужидкую массу. Не остановилось, нет. Но словно забуксовало, продвигаясь вперед со скоростью вдесятеро меньше положенной.

Затем Сорока почувствовал, что не может пошевелиться.

Причем не только поднять-опустить руку, но даже двинуть пальцем. Наблюдая, как прилип к воздуху так и не вставший на место затвор пистолета, он захотел распахнуть рот в полном удивления «О»... Но не смог. Мозг со всей возможной отчетливостью сообщил, что один-единственный жест будет равнозначен перетаскиванию миллиона мешков с песком. Осознание этого факта было невыносимым. А одна мысль о движении, даже самом незначительном, причиняла почти физическую боль...

Отведя глаза от пистолета, Сорока заметил, что странное оцепенение сковало не только его. Застыла Яна, уже начавшая вжимать клавишу с рожицей в тело пульта. Замер на месте

ошарашенный происходящим главарь охотников, чей палец уже тянул к себе спусковой крючок винтовки. Не спешил открывать огонь его парниковый напарник, метивший в Павла из-за колонн.

А затем в хранилище Капители появились они. Трое. Торопливо, но без суеты.

Вышли из-за красочных голографических панно, вставая так, чтобы было видно почти из любой точки штаба. Самый высокий, носящий на шее тонкую цепочку и кулон из светло-зеленого сплава, подался вперед, внимательно осмотрев картину приостановленной катастрофы.

Если бы Сорока мог, он бы охнул.

И даже выругался бы. Может быть, цветасто и предельно грубо, причем фразами, которых поднабрался от Погремушки во время их продвижения по комплексу. Потому что... потому что существа, представшие перед ними, казались настолько чужеродными, что хотелось вопить и материться.

Да, парниковые тоже отличались от людей. В мелочах, вроде увеличенной черепной коробки, способов вынашивания детей или редкого волосяного покрова. Но гуманоиды, только что вошедшие в зал Капители, вообще не напоминали человека – скорее, они показались Сороке некой пародией на него или Петра. Отрыжками иных миров, о чем когда-то любили писать фантасты...

Очень высокие, большеголовые, с крохотными глазками и лишней парой век. Со смуглой, почти коричневой кожей. С длинными руками и столь же неестественно длинными пальцами, среди которых отсутствовал большой. Статные, но передвигающиеся так, словно не очень хорошо обучены этому процессу. Совершенно лысые и обладающие настолько дряблой и неразвитой мускулатурой, что были бы способны проиграть драку ребенку...

Одежда чужаков состояла из просторных бесформенных балахонов, переливающихся, словно пятно бензина на мокром асфальте. Ни обуви, ни головных уборов они не носили.

Троица убедилась, что внимание присутствующих сконцентрировано именно на них, а затем:

– Не пытайтесь сопротивляться, мы полностью контролируем вашу мышечную активность.

Если бы Сорока не был парализован, дернулся бы, словно от удара по лицу. Потому что одно дело – внимать голосу давно забытого отца, смиряться с его присутствием и зачастую наделяя собственными интонациями. И совсем другое дело – слышать в своей голове действительно чужой голос, пугающий и непрошенный.

Он негромко застонал. А может, ему только так показалось.

Чужие голоса тем временем звучали все четче. Именно голоса, а не образные логосолитоны, с помощью которых с парнем общался Петр. Или не совсем?.. Или так поступающие в его сознание импульсы и посторонние образы воспринимает сам Павел? Он вдруг поймал себя на мысли, что вторгшихся в сражение существ слышат все, находящиеся в храме Игры.

Сорока скосил глаза на пистолет. Нет, не показалось... Затвор «Рогалева» по-прежнему полз вперед, но делал это крайне медленно, по миллиметру в минуту. Его неспешный бег красноречиво сообщал, что кем бы ни оказалась эта троица высоченных уродцев, она умела останавливать время. Причем не персонально, а сразу для нескольких живых существ... Да кто же они такие?

– Вы желаете знать, кто мы такие, – тут же констатировал высоколобый с зеленоватой цепочкой на короткой толстой шее. И пусть гротескное лицо его не шелохнулось, Сорока вдруг осознал, что существо улыбается.

В следующую секунду он услышал окружающих.

Услышал не ушами, а, скорее, впитал внутренним взором, ментально, в один миг окунувшись в такой мысленный гвалт, что чуть не сошел с ума. Начал разбирать в общей каше отдельные образы и фразы. Неведомым образом определил, что kloкочущие черно-зеленые молнии принадлежат магнату и корпатрицианту по имени Артем. А еще тут

находятся некие Федор и Денис. Что боец, взявший его на мушку, – особь женского пола, которая называет себя Клео и умеет читать следы. Что Бродов напуган сильнее Селиванова. Что Яна еще жива и в ярости. Что сам он думает так громко, что его тоже слышат остальные...

Затем психический шум утих, как затихает класс, когда в него входит строгий учитель.

Окинув сознания существ, сошедшихся в смертельной схватке, невидимым магическим взглядом, высоченный урод едва заметно кивнул. И произнес без слов, спокойно и мягко, как обыкновенно сообщают самые дурные вести:

– Мы – люди, разумеется.

И тут же ослабил хватку, позволив голове Сорокина взорваться новой волной бесшумного гвалта:

– Что за бред?! – Это Леонид, сжавшийся в панический комок. – Невозможно, невозможно...

– Какое удивительное существо... – Это инженер, внезапно пришедший в себя и узревший необычных визитеров. – Оно так величественно...

– Мля... Видать, предсмертные галлюцинации. – Это Погремушка, истощенная и подавленная. – Черт, не успела...

– Не может быть.

– Я ощущала ваше присутствие...

– Упаси нас всех Божество!

Троица, стоящая в центре зала, заинтересованно повернулась к Селиванову. Тот, прожигая великанов глазами, почти не разбрасывался мыслями. Пот, бежавший по его вискам, выдавал напряжение, с которым корпатрициант силился превозмочь сковавший тело паралич.

– Не пытайтесь преодолеть наш барьер, – в один голос/мысль/образ сказали трое существ, называющих себя людьми. – Пока мы не получим то, чего желаем, не позволим вам сделать и жеста.

– Убирайтесь! – наконец рявкнул Артем, в восприятии Сороки говоривший голосом Ливня, старого приятеля-компаньона, с которым они больше никогда не увидятся. – Если это новая разработка военных, я приказываю вам свернуть операцию и убираться прочь! Как корпатрициант и помощник сенатора! Немедленно вон! Это мое награждение, и я не позволю вам...

– Тише, патриций, не стоит так напрягаться.

Существо, стоящее в центре троицы, склонило голову в жесте, почти напоминающем сочувствие. Четыре длинных пальца задумчиво перебирали воздух, будто играли на струнах несуществующей гитары.

– Мы не военные. Но с ловчими нам поспорить все же придется. Потому что в этой Игре Равновесия впервые назначен необычный победитель. Не имеющий отношения ни к организаторам Лотереи, ни к ее участникам. Благодаря этому обстоятельству вам и позволено наблюдать, как будет осуществлено изъятие приза. Мы пришли, чтобы забрать существо, именуемое себя Павлом Сорокиным...

По вполне понятным причинам лицо Селиванова не дрогнуло, но зрачки уменьшились, выдавая бушующую в застекольщике злобу. Он выбросил в сторону троицы такой мощный логосолитоновый щуп, что его заметил даже Сорока.

Мысленно охнул в немом восторге, отрешенно пропустив ответ великана мимо себя. И только затем с запозданием спохватился. Побелел, тело налилось свинцом, но оставалось прикованным к воздуху, не шелохнувшись ни на сантиметр.

– Он мой! – взревел корпатрициант. – Только мой! Вам не отнять, кем бы вы ни были!

– Я? Зачем этим уродам я? Господи... они что, действительно пришли за мной?!

– Этот сморчок?

– Победитель Лотереи? Зачем военным победитель Лотереи?

– Ленка, почему я не могу нажать на кнопку? Может, я уже мертва?

– Это не военные... о, Божество, даруй нам милость свою... Хвала тебе, что им нужен только пустышечник... Нет больше сил...

Краем глаза Сорока заметил, что Клео, до этого державшая его на прицеле, начинает заваливаться вбок. Столь же медленно и величественно, как вставал на место его собственный пистолетный затвор. Сонно. Словно на огромной глубине. Сознание следопыта угасало значительно быстрее.

– Мы просим прощения, – прервал всех тот, что стоял в центре и носил цепь. – Выражаем надежду, что вы сможете извинить нас за столь отстраненное отношение. Но, с учетом всех факторов, вынуждены вмешаться в ситуацию. В конце нашего взаимодействия мы проявим милосердие и ответим на любой вопрос от каждого...

– Да кто же вы такие, в конце концов?

– Мы уже ответили, патриций, а потому вопрос не будет засчитан. Мы – люди.

– Это невозможно, это невозможно...

– Я не верю! В это невозможно поверить...

– Еще чуть-чуть, и я смогу нажать на кнопку... Ленка, кто нарисовал на ней эту дурацкую рожу? Баклажанчик? Ох, наставник, прости меня за все...

– Они действительно люди... те, что придут следом за нами... Как это удивительно – лицезреть их на пороге смерти... если бы только видела Аврора...

Сорока снова застонал: он машинально попытался закрыть уши руками, но одно желание совершить движение вызвало боль во всем теле. Парень скосил глаза на каждого из окружающих. Напуганные. Недоумевающие. Ускользающие в забытие или за грань жизни. Охотники и жертвы, победители и проигравшие. Сейчас все они казались Павлу столь похожими друг на друга в своей нелепой беспомощности, что он бы обязательно рассмеялся. Если бы мог.

– Мы понимаем, что поверить сложно, – рассудительно произнес главный великан, когда поток гневных мыслеобразов стих. – Поэтому... в качестве еще одного жеста доброй воли, компенсирующего насилие над вашим сознанием, мы можем рассказать. Кое-что, но это успокоит вас. Тем, кто выживет, в будущем наша история станет казаться сном. Или феей, как это называют живущие под Куполами...

Павел прислушался к себе. К пустоте. К обреченности.

Может, самое время появиться отцу с его хлесткими оценками и постоянной критикой отпрыска? Но тот, если когда-либо вообще существовал в голове парнишки, на помощь не спешил. И тогда Сорока почти поверил, что мертв. Что на самом деле ничего этого не происходит. Что Клео – может быть, она вовсе и не Клео, а имя додумал его затухающий мозг – успела выстрелить чуть раньше, чем он вскинул пистолет, защищая раненую девушку-егеря...

Смутное существо, называющее себя человеком, тем временем продолжало говорить/транслировать/показывать:

– Увы, несчастные, но вы все ошибаетесь. На планете уже давно не 2261 год. И даже не 2361. Человечество окончательно эволюционировало, уйдя по небесной лестнице так высоко, что вы неспособны и представить. Эволюционировало так, как вы видите это перед собой.

Он торжественно протянул в сторону длинную четырехпалую руку, предлагая еще раз взглянуть на себя и своих спутников. Те важно кивнули, словно оказывая людям и парниковым небывалую честь.

– Стартовой ступенью были подобные вам, Яна и Павел, – продолжило существо с изящной цепью на дряблой шее. – Импульсом. Толчком вперед, обусловленным разработкой первых способов дистанционного общения. Затем последовали такие, как вы, Артемидий и Леонидас. Миновав этап поствоенного возрождения, человечество стало развиваться столь стремительно, что это недоступно вашему пониманию. Каждое последующее поколение становилось все сильнее. И так – век за веком. Пока, наконец, человек не стал совершенен.

Он замолчал, позволяя еще внимательнее разглядеть свою «безукоризненность».

– Мы способны написать книгу одним повелением мысли. Мы способны прочитать

книгу, только взяв ее в руки. В этот же момент мы поймем, что испытывал автор при ее создании. Мы способны загружать в сознание спрессованные массивы информации, только прикоснувшись к их источнику. Мы учимся управлять временем. Мы создаем технику, уже два века покоряющую неземное пространство. Совсем скоро наши ментальные способности станут действительно безграничными...

– Ну ты и здоров заливать, говнюк... – Яна, словно осознавая, что происходящее не является предсмертной галлюцинацией, умудрилась фыркнуть, не разжимая губ. – Хрена лысого тебе, гидроцефальный педик! Настоящие люди здесь – это я и вон тот бородатый заморыш, которого я вытащила из метро...

Удивительно, но Сорока в очередной раз почувствовал, как смуглый великан улыбается. Одним сознанием, но так, чтобы эмоция была понятна и доступна всем.

– Вот об этом мы и рассуждаем, существо, именующее себя Яной Грёмушкиной. – Он развел длинными четырехпалыми руками. – Ваши главные недостатки неистребимы, даже если поместить вас в условия сурового выживания и конкурентной борьбы видов. Злость и ненависть, самоуверенность и самопочитание, тщеславие и гордыня, алчность, зависть, жестокость...

Он повернулся, глядя на лежащую у его ног девушку, словно только сейчас заметил не только ее разум, но и издырявленное тело.

– Да, Яна, в каком-то смысле вы тоже люди... Но лишь искусственные палеоантропы, выражаясь терминологией вашей актуальной науки... Предшественники, отмершие ступени... Несколько миллионов подопытных животных, участвующих в самом грандиозном эксперименте в истории человечества. Актеры гигантской модуляции происходившего на нашей планете века назад...

– Этого не может быть!

– Оно всеильно и блистательно, разве этого никто не замечает?

– Упаси меня Божество, когда это прекратится! Убирайтесь вон из моей головы!

– Неужели то, о чем говорит это странное уродливое создание, правда? – пытаюсь абстрагироваться от панических выплесков со стороны остальных, задумался Сорока, тут же получив утвердительный сигнал от раненого инженера.

Ему же вторил ответ троицы великанов, терпеливо дожидавшихся, когда схлынут эмоции.

– Да, это правда. Ваши предки были любовно воссозданы на основе сохранившегося на планете генетического материала. Помещены в условия первого постапокалиптического периода, реконструированные со всем возможным старанием. Расселены под Купола и на так называемый Циферблат. И отпущены на самостоятельное размножение и развитие. Под нашим пристальным наблюдением, естественно.

– Но Америка? Старый Свет? Австралия? Воздушное сообщение! Транспорт с пищей, животными и оборудованием?! Вы врете!

– Нет, корпоративный патриций Артемидий, мы не врем. Вокруг Новосибирска уже давно ничего нет. Голь, как ее называет вид, населяющий Периметр. Страшная Голь, где сгинуло немало отчаянных смельчаков и караванов. Там наши дозорные машины перехватывают тех, кто по незнанию, глупости или склонности к авантюрам решил увидеть дальше собственного носа. Некоторых мы отправляем обратно, заставив уверовать в нечто, отбивающее охоту следующих поколений исследователей. Некоторые исчезают. А других подкупольных городов не существует. Уже больше семисот лет. Вся «иностранная» пища или оборудование, якобы поступающее из иных государств или континентов, изготовлена на наших фабриках, участвующих в проекте реконструкции.

– Да вы же настоящие звери... – протранслировала, словно выдохнула, Погремушка.

Сорока был уверен, что если бы егеря могла, она сейчас встала бы с пола и от души надавала великану по его уродливой харе. Других повествование смуглого существа с цепью на шее оскорбило и покорило не меньше, но свое негодование они предпочли выразить более сдержанно.

– Ради чего? – задумчиво, постепенно смиряясь с правотой пришельца, поинтересовался Селиванов. – Зачем вы так издеваетесь над нами?

От этого наивного вопроса из уст того, кто еще днем гонялся за ним по рынку с автоматом наперевес, Павел выплюнул призрачный шлейф негодования и насмешки. Патриций, впрочем, не отреагировал, неотрывно глядя на великанов. По его лицу, бисером блестя на ресницах, катился едкий пот.

– Ради изучения своих предков, конечно же, – спокойно ответило существо, считающее себя человеком. – Ради анализа мотиваций, психологии, поиска первопричин жестокости и войн, ради препарирования вашего несовершенного сознания и вычисления его отклонений. Как лабораторные крысы прошлого становились героями, спасая жизни людских поколений, так и вы помогаете нам и нашим детям. Ваша злость, любовь, преданность, стремление к деструкции и самодеструкции, ваша склонность к пожиранию слабых и социальному расслоению – наш интерес к этим качествам, нынче почти изжившим себя, невозможно переоценить...

Великан снова наклонил голову, повторно пародируя жест соучастия и заботы.

– Мы хотим понять, могло ли человечество двигаться по иному пути, нежели существующий... – Он обвел взглядом крохотных глаз остальных присутствующих. Его двойные веки часто моргали. – Для этого и была создана реконструкция...

И снова шум, забивающий мысли:

– Вы просто звери...

– Я не могу поверить.

– Это невозможно, невозмо...

– Ну и денек выдался, да, батяня?

И только инженер, полумертвый, но ухваченный за руку на самом пороге непроглядной тьмы:

– Почему вы вмешались? Почему именно сейчас, здесь, когда должна решиться судьба этих двоих пустышечников и всей Лотереи Равновесия?

Великан, повернувшись к Петру, казался заинтересованным. Так ребенок смотрел бы на таракана, пытающегося приклеить обратно оторванную лапку. Наконец большоголовый кивнул, отчего цепочка на груди тонко зазвенела.

– Наш анализ действительно показал, что многие особи в этом помещении совсем скоро издохнут... – Существо, именующее себя человеком, но так не похожее ни на Сороку, ни на Артема, протянуло руку, указав на бывшего рыночного торговца. – Но наблюдение за последней охотой на победителя дало неожиданные результаты. Благодаря которым нам стал крайне интересен образец по имени Павел Сорокин...

Тот вздрогнул.

Точнее, тело его осталось неподвижным – лишь все стремился и стремился вперед примороженный затвор «Рогалева», – но душа содрогнулась в ожидании чего-то страшного, неопишуемого.

– Мы хотим досконально исследовать мозг Сорокина... – бесстрастно продолжало существо с цепью и кулоном, а стоящие за его спиной соратники величественно кивнули. – Любопытный образчик. Он хорошо осознает, какую угрозу представляют его племени жители Куполов... Он не готов сдаваться и на протяжении многих часов дерется за свою жизнь. При этом образец не в состоянии причинить сознательный вред обитателям Девяти Куполов... Он пытается спасти раненого. Минуту назад отказался от подрыва этого помещения, даже если бы поступок сделал его героем в глазах соотечественников. Наши специалисты зафиксировали ярчайший парадокс мотиваций, подкрепленный экстравертивным чувством социальной несправедливости, а это одна из самых интересных сфер исследования палеоантропов... Поэтому мы изымаем Сорокина для изучения...

На этот раз мыслесфера, в которой хлестко сцепились логосами шестеро парниковых, двое людей и три неведомых отродья, не взорвалась всплеском. Она вдруг затихла, будто в ожидании, и Павел почувствовал, что теперь все внимание приковано к нему.

Существа в балахонах рассматривали парня спокойно и внимательно. Пока мягко и ненавязчиво, но они по-хозяйски изучали его сознание, ощупывая пушистыми щупальцами своих мыслей. Предвкушали и терпеливо ждали. И когда сам Сорока, почти готовый лишиться чувств, хотел закричать, старший великан снова подал голос:

– А теперь... я желаю вашим душам легкости и покоя. Потому, как я и обещал, готов ответить на один вопрос от каждого. Смелее.

Первой оказалась Яна. Все еще уткнувшись лицом в пол, она спросила так, словно стояла на эшафоте, надменно глядя в глаза своим палачам.

– Я хочу знать, когда ваш ублюдочный эксперимент прекратится?

– Когда система реконструкции даст глобальный сбой или наши ученые наберут достаточно материала для дальнейшего изучения без необходимости поддерживать жизнеспособность полигона, – честно и хладнокровно ответил ей здоровяк с огромной головой.

– Вот как?! – рывкнула Погремушка, и не подумав смириться. – Что же произойдет дальше? Сбросите на Заповедник бомбу? Усыпите всех газом? Как вы намерены?..

Ее мысленный голос вдруг прервался, заблокированный извне. Существо с кулоном на шее повернулось к Селиванову. Тот, осознав, что пришла его очередь, свой вопрос подбирал куда дольше Погремушки. Наконец решился, не глядя на пришедших в храм Распределения.

– Существует ли Божество? Единое и Милосердное, в которое объединенное человечество верует уже не первый век?

– Хороший вопрос, – похвалил его великан, плавно взмахнув рукой. – Бога не существует. Ни единой, ни многочисленных высших субстанций не было обнаружено. Вершиной мироздания и антропогенеза является человек, овладевший способностями, описанными в мифах и легендах прошлого. Вероятно, известными проявлениями божественного на этой планете станут наши потомки, окончательно оседлавшие время.

Артем захлопнулся в своем логосе, словно лязгнул ржавый капкан. В последний миг Павел успел заметить жгучую боль и разочарование, охватившие корпатрицианта.

С жалостью взглянув на уснувшего следопыта – Клео продолжала заваливаться набок, но едва ли сдвинулась хотя бы на десять сантиметров, – телепат повернулся к Бродову. Но тот мысленно отшатнулся, продолжая швыряться страхом и неверием. Тогда великан обратил внимание на Петра.

– Наши дети... – слабея логосом, спросил умирающий оператор буровой техники. – Смогут ли они приблизиться к вам в развитии?

– Зависит от индивидуального воспитания и физиологической предрасположенности, – ответил смуглолицый нечеловек/человек/надчеловек. – Есть вероятность, что после окончания эксперимента самые перспективные и одаренные особи будут помещены в нашу среду обитания на урезанных правах... Кто еще хочет задать вопрос?

Но оба ликтора, прятаясь где-то за приборами Капители вне видимости остальных, ответили отрицательно. Все трое прищельцев качнулись вперед, не мигая уставившись на Сороку. Тот, предчувствуя надвигающееся помешательство, отмахнулся дымкой нервного переутомления. Но все же поинтересовался, собрав в кулак остатки воли:

– Вы забираете меня... – Он уловил положительную реакцию. – Но что вы сделаете с остальными? Если вы так сильны, способны ли вы сохранить им жизни?

Волна удивления ударила в него, как поток воздуха из включенного на полную мощь климатизатора. Великаны переглянулись, понимающе кивая. На этот раз ответил тот, что стоял по правую руку от старшего существа.

– Ты снова удивляешь нас, Павел Сорокин. Тебя забирают из привычного мира, разрушив его фундаментальные основы, а ты проявляешь интерес к судьбе существ, которых никогда более не увидишь?

– Не увиливайте! – разом обозлившись на себя, Погремушку, инженера, Лотерею и рослых головастика, вдруг вскипятился Сорока. – Отвечайте на вопрос, каким бы он ни был! Вы обещали!

– Это приемлемо. – Существо справа от жоака кивнуло. – Нет, мы не можем вмешаться в ход эксперимента. Проявленное нами великодушие – результат длительных переговоров со старшими учеными проекта. У всех, кто выживет в этой башне, будет стерта кратковременная память. Позже они спишут это на шок от взрыва, и только во сне им будут открываться таинственные обрывки случившегося. Твое исчезновение так и останется загадкой, отдел мифологии дал добро на создание нового пласта социальных верований в ареале Циферблат...

– Значит, весь этот комплекс и базы данных Лотереи все же взорвутся? – не унимался Павел, но центральный гуманоид многозначительно погрозил ему одним из длинных пальцев.

– Это уже второй вопрос, а мы обещали ответить лишь на один. – Он обернулся, словно выискивая в цветастом подвижном панно скрытую дверь, через которую вся троица проникла в мир пустышечников и молчунов. – А теперь, пожалуйста, постарайся не сопротивляться. Мы знаем, ты сможешь, ведь ваш вид обладает немалыми зачатками истинного разума...

В ментальном пузыре, обитателями которого стали все участники битвы, снова воцарилась тишина. В дальнейшем Сорока так и не узнал, по своей ли воле замолчали остальные или получили на это телепатический приказ высших существ. Но когда сделал первый неуверенный шаг, то не уловил ни отзвуков мысленного голоса, ни логосолитонов.

– Пойдем, – раздался в его сознании тихий, но неотвратимый приказ.

И он пошел.

Опуская оружие и роняя его под ноги. Медленно, спотыкаясь, почти не управляя собственным телом и разумом. Обходя распростертую на полу Погремушку в луже блестящей крови. Обходя бронированного корпатрицианта, налитого разочарованием, безысходностью и горечью. Пошел против своей воли, напоследок взглянув на раненого инженера и бросив ему мощнейшую мысленную просьбу: живи!

Они скрылись за панелями панно, где экспериментаторы и реконструкторы устроили один из тайных проходов, позволявших выбраться к взлетно-посадочным площадкам невидимых летательных аппаратов. Ушли из храма Распределения, из обители надежд и страхов, навсегда покинув хранилище Капители на макушке «Голиафа», осознанно пропустив ряд событий, случившихся почти одновременно...

Клео рухнула на пол, словно превратилась в куклу.

Обезумевший Бродов отшатнулся и врезался в стену, лбом и виском разбивая стекло обшивки.

Селиванов потянул спусковой крючок на себя, вколачивая в спину егеря сразу дюжину пуль.

Погремушка судорожно сжала кисть, давя улыбчивую кнопку.

Петр открыл глаза. Оторвал голову от подложенного под затылок рюкзака. Повернулся вслед ушедшему Сорокину. И улыбнулся.

Эпилог

*Беззубый, беззубый, безносый, с разбитой речью, без глаз,
Прося у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ -
Снова и снова все то же, с утра до глубокой тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы».*
Р. Киплинг, 1898 год
перевод А. Оношкович-Яцыны

Программа дневной кратковременной феи подошла к концу.

Не дожидаясь окончания титров, Кристиния вынырнула из состояния небытия, снимая с головы обруч «Волшебника». С раздражением осознала, что успокоительная фея не добилась ожидаемых результатов, лишь незначительно притупив недавнюю женщину боль.

В последнее время феи вообще перестали помогать, даже самые дорогие и эксклюзивные. Как не помог переезд в шикарную комфортабельную квартиру Третьего Купола. Или пополнение банковского счета; или перевод дочери в крайне престижную школу, где учились исключительно дети корпатрициантов.

Закрытие, наложенное на ее сознание хищной скуднодухой, подтачивало, словно термит. Вытягивало соки. Кровоточило. Терзало. Убивало... Устало набросив на плечи халат, Кристиния поднялась с кровати, такой пустой и одинокой.

Отправилась на кухню готовить легкий обед: с минуты на минуту домой должна вернуться Аврора. Не успев запрограммировать комбайн, услышала, как щелкнул дверной замок. Разуваясь, дочка долго возилась в прихожей – огромной, по размерам сопоставимой с их прежней гостиной.

Логос девочки лучился ярко и экспрессивно.

Однако враждебные фиолетово-красные прожилки, сверкавшие в его прозрачной колышущейся сфере, вызвали опасение и настороженность. Запустив комбайн, Кристиния вышла навстречу, ласково обнимая дочь.

«Удовлетворительный день», – протранслировала женщина, стараясь скрыть грызущую изнутри боль и материнской заботой прощупывая настроение школьницы.

«Испытываю покой и удовлетворение, вернувшись домой, – послушно и совсем взрослому ответила ей Аврора, все же заметив духовный упадок матери. – Сегодня были интересные занятия».

«Желание поделиться?» – Держа дочь за холодную ладошку, проклятая опустила на кухонный стул, внимательно заглядывая девочке в глаза.

Та отстранилась, а плотоядные прожилки ее юного логоса стали острее и еще более ощутимы.

«Принято осознанное решение по смене факультативных направлений», – охотно поделилась она, все еще возбужденная и воодушевленная занятиями.

«Недопонимание. – Кристиния все еще ощупывала сознание дочери. И обнаруженное в его недрах заставляло ее грустить все сильнее. – Выбор факультатива осуществлен в позапрошлом лунном цикле. Некорректно?»

«Корректно, – осторожно ответила Аврора, ласково поглаживая щеку и лоб матери, где еще недавно гнездились жутковатые шрамы. Шрамы, начисто устраненные умелыми пластическими хирургами, так и не совладавшими с пульсирующими царапинами на логосе пострадавшей. – Но произошедшие события оставили неизгладимый отпечаток, заставив скорректировать дальнейший жизненный путь».

Произошедшие события...

Иногда Кристинии хотелось все детально обсудить с девочкой. Еще раз, но гораздо предметнее и более вдумчиво. Исчезновение супруга. Взрыв во Втором Куполе, пожар в «Голиафе». Реабилитацию сотен сотрудников корпораций, подвергнувшихся воздействию акустического оружия нелюдей. Вербальную конструкцию скуднодухой террористки, сломившей ее хрупкое сознание. Гибель корпатрициантов и сбой в работе Лотереи Равновесия...

Но с момента переезда дочь сознательно избегала грустных воспоминаний, замкнувшись в себе и стремительно взрослея с каждым прожитым днем.

«Воспоминания, – осторожно потянулась вперед женщина, все еще не в силах расшифровать настроение самого близкого человека на свете. – Ты хотела завершить эксперимент над пустышечниками. Улучшить их условия проживания, включить нелюдей в опекаемую цепочку видов. Произошла корректировка?»

«Да, мать».

С нарастающим беспокойством Кристиния вдруг осознала, что отчетливо считывает логосолитоны дочери. Да вот только тактильный контакт был разорван, и теперь девочка стояла в шаге от стула.

«Я действительно желаю положить конец эксперименту. – Взгляд Авроры хранил боль

и неотступную решимость. – Но лишь с той разницей, что пустышечники представляют для нашего вида настоящую угрозу. А это значит, что равноценное сосуществование с недочеловеками невозможно. Потому отныне я хочу посвятить свою жизнь тому, чтобы бесповоротно уничтожить Циферблат».